

СЕВЕРНЫЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ

КОНАН

ИМЕНИ АДИНА

Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1996, том 21 «Конан и Сердце Аrimана»
Торн Сейшел Стюарт. Влюблённые из Хоарезма (роман), стр. 221-376

- [Торн Сейшел Стюарт](#)

- [Пролог](#)
  - [Глава 1. Ночной визит. Мишрак](#)
  - [Глава 2. Ночной разговор. Магриб](#)
  - [Глава 3. Ночной гость. Юлдуз](#)
  - [Глава 4. Ночные шорохи. Свиток](#)
  - [Глава 5. Ночная свадьба. Фейра](#)
  - [Глава 6. Ночной сговор. Бахрам](#)
  - [Глава 7. Ночной допрос. Мардуф](#)
  - [Глава 8. Ночной полет. Волшебный ковер](#)
-

Торн Сейшл Стюарт

Влюблённые из Хоарезма

(Санкт-Петербург, «Северо-Запад», 1996, том 21

«Конан и Сердце Аримана»)

Пролог

— Вон из моего дома, ишачий помет! Забирай свои дурацкие побрякушки и убирайся! Твой хозяин — лжец и сын лжеца! Он еще заплатит мне неустойку за то, что подсунул такое барахло!

Маленький кхитаец пятился под натиском огромного брюха звездочета, бормоча на ходу:

— Неужели почтенному Бахраму не понравился ковер? Если нужны другие цвета или ворс недостаточно мягок, мастер Тай...

— Чтобы я больше не слышал этого имени! — взревел почтенный Бахрам, багровея.— Клянусь Эрликом, еще ни один человек не посмеялся надо мной столь недостойным образом! И не пристало мне, постигающему тайнопись природы, избраннику Единого, читающему, как в раскрыгой книге, тайные предназначения Судьбы, объясняться с ничтожным слугой ничтожного ткача! Убирайся, или я велю слугам гнать тебя палками до самого города! И никаких свадеб! Если этот узкоглазый полукровка еще раз сунется в мой сад, клянусь милостями Эрлика...

Но тут из-за резной решетки окна раздался тонкий девичий крик, а вслед за ним столь бурные рыдания, что Бахрам, крикнув напоследок:

— Вон, нечестивец! Передай своему хозяину, что я буду оставлять на его ковре дорожные туфли, входя в дом. Вон! — захлопнул за кхитайцем ореховую калитку с вырезанными на ней многочисленными магическими символами и знаками и устремился к дому.

Старый слуга постоял еще, слушая, как осыпает жестокого отца упреками дочь, прекрасная Фейра, поцокал языком, покачал головой. Бережно завернул в шелковый платок, отвергнутый Бахрамом свадебный подарок.

А как выбирал его хозяин на огромном базаре Хоарезма! Едва объявлен был говор, старый ткач сам отправился с сыном в ювелирные ряды и разыскал эти свадебные украшения работы вендийского мастера.

Здесь были золотой тяжелый браслет, большие бусы и золотая цепочка, что по стариинному туранскому обычанию дарит жених невесте в знак неразрывного союза, — все вещи с крупными рубинами редкой чистоты. Торговец запросил немыслимые деньги, но мастер Тай только взглянул сыну в глаза — и заплатил, не торгуясь.

В сыне, красавце Юлдузе, унаследовавшем от матери-туранки смуглую кожу и темные миндалевидные глаза, а от отца — невысокий рост и маленькие руки и ноги, Тай Цзы видел смысл всей своей жизни.

Приехав в Туран совсем юношей, он выучился у хоарезмских мастеров ковроткачеству, но изображал не затейливые узоры и сложные орнаменты с вплетенными письменами, а бабочек, птиц, барсов и леопардов, цветы и травы. Да так искусно, что за его коврами вскоре стали приезжать купцы из самого Аграпура и иных, более дальних городов. Про его ковры говорили, что, когда на них выткано отражение луны в озерной глади, его хочется зачерпнуть ладонью.

Тай Цзы выстроил себе в Хоарезме богатый дом, стал именоваться — мастер Тай, завел большую мастерскую, набрал учеников. Не прошло и трех лет, как он посватался к дочери своего соседа, такого же ткача, и луну спустя Наирин вошла в его новый дом.

А через год родился Юлдуз, наследник.

Мастер Тай рано овдовел — его сыну тогда не исполнилось и пятнадцати лет. Горе его было безмерно. Но время лечит все раны, и, оправившись от потери, Тай всю свою любовь и мудрость отдал сыну. К двадцати годам мальчик превратился в статного, красивого юношу, и лишь чуть раскосые глаза выдавали в нем полукровку. Отец передал сыну все секреты своего мастерства, научил видеть красоту в самом невзрачном цветке. Старость подбиралась к мастеру, глаза его видели все хуже, теперь он садился за ткацкий стан только ради особых заказов. Юлдуз работал за двоих, но учеников распуст устил. При накопленных отцом деньах они могли бы жить безбедно и, не работая, но юноше нравилось его ремесло, нравилось, что заказы на ковры делались за полгода вперед, так много было желающих иметь на тахте или на стенах ковер из мастерской Тая. Но когда натянутая основа стала простаивать на станах, когда на рисунках к новым коврам среди зарослей олив и тамарисков стала появляться тонкая девичья фигурка с черными косами почти до пят, мастер Тай, как ни был близорук, а разглядел, что близка свадьба.

Астролог Бахрам был частым гостем в его доме, да и Тай Цзы нередко наезжал к нему в уединенную усадьбу над горным озером. Ниже по склону ютилась маленькая деревушка по весне утопающая в бело-розовых цветах садов. От нее вилась широкая тропа, вливаясь в дорогу на Хоарезм, до которого от той развилки было не более полудня пути, и то если идти весьма неспешным шагом.

Старики любили сидеть на тенистой веранде за кувшином вина и кальянами, глядеть на дорогу, по которой пылят идущие в Хоарезм караваны, и вести долгие беседы о том, как толкуют совмещения звезд в Туране, и как в Кхитае; что вернее: сухие стебли тысячелистника или потроха черной курицы, убитой на новолунье.

Единственный раз приехал в дом мудреца Бахрама Юлдуз — по настоянию отца, из вежливости — и с той поры не знал покоя, увидев чернокосую Фейру.

Бахрам был не прочь отдать дочку за сына старинного приятеля, но поставил условие: мастер Тай своими руками соткет ему особый, невиданный ковер. Они долго обсуждали, заперевшись, каким он должен быть, особый ковер, и, вернувшись в Хоарезм, мастер Тай сел за работу в своей маленькой мастерской, куда не пускал никого, даже сына.

Тем временем был объявлен сговор, и Юлдуз целую луну — пока отец работал над ковром — ежедневно приезжал к Чистому озеру. Близился Весенний праздник Откровения Тарима, зацветали сады, словно наряжались ради скорой свадьбы. Через месяц почтенный Бахрам получил ковер и велел присыпать свадебный дар и готовиться к торжеству.

Тем же вечером, торопясь успеть до удара большого гонга, возвещавшего конец базарного дня, отец с сыном отправились в ювелирный ряд и купили драгоценности невесте. А наутро старый Чонг, служивший хозяину еще в Кхитае, отправился к дому над Чистым озером...

Чонг еще раз вздохнул — и пошел прочь. Очень ему не хотелось огорчать хозяев — старого, что ковер не пришелся по нраву, молодого — что сватовство, как видно, не состоялось. Какая-то блажь нашла на вспыльчивого, капризного астролога, у которого в доме не задерживался более года ни один слуга, и с которым мог ладить только терпеливый мастер Тай. Известно ведь, мудрецы подчас ведут себя совсем как избалованные дети...

Однако ковра Бахрам не вернул, в чем старый Чонг видел добрый знак. Может, каприз пройдет, и все еще наладится.

Утешая себя этой мыслью, кхитаец встремхнулся и зашагал по широкой дороге,

обсаженной пыльными карагачами. Солнце садилось, а вернуться в город надо было до заката.

С последними криками петухов закрывались большие ворота Хоарезма, и опаздавшему приходилось ночевать в поле.

Глава 1. Ночной визит. Мишрак

В тесное помещение караулки при огромном дворе казарм вошел маленький невзрачный человечек и, щуря глаза с темноты на яркий свет факелов, проговорил:

— Не подскажут ли мне доблестные воины, где я могу найти неустрешимого Конана-киммерийца, ун-бashi непобедимой армии повелителя Илдиза?

— А на что он тебе? — грубо перебил его один из стражников.

В руке человечка звякнули монеты.

— Господин мой велел не отвечать на праздные вопросы, но разрешил проявить щедрость. Так, где я могу найти Конана?

Под алчными взглядами солдат серебро перекочевало в карман старшего.

— Что ж, я думаю, ты найдешь его в «Красном Соколе». Это к закату от храма Эрлика Вездесущего, на улице Двенадцати Ступеней.

— Благодарю тебя, украшение туранского воинства. Не найду ли я там же помощника его, Харру?

Но, получив деньги, стражники немедленно потеряли интерес к посетителю.

— Ступай, ступай. Они там наверняка половиной отряда.

Бормоча бесчисленные благодарности, человечек, пятясь, вышел из караулки. Оказавшись на улице, он вдруг выпрямился, отчего стал выглядеть лет на десять моложе, снял затертый халат, вывернул его и надел снова. Теперь по улицам Аграпура шагал не пожилой слуга, а молодой господин, зажиточный, самоуверенный и праздный. И когда он остановил запоздалого прохожего, чтобы справится, как короче пройти к трактиру «Красный Сокол», тот объяснил спешно и подробно, и долго еще кланялся вслед щедрому господину за брошенный на ходу медяк.

В «Красном Соколе» царила обычная вечерняя толчея. Пышная Пила, хозяйка заведения, каким-то непостижимым образом умудрялась обслуживать всех разом.

Девушки ее сновали между столов из кухни в залу и обратно на кухню с подносами, заставленными всевозможной снедью и выпивкой. Пила не так давно выкупила трактир у прежнего хозяина. Он и при нем-то не пустовал, а бывшая танцовщица сумела сделать «Красного Сокола» обычным местом сбора всех любителей вечерних развлечений пяти окрестных кварталов. Были здесь и свои завсегдатаи, для которых Пила держала свободным отдельный стол — лучший, у окна.

В этот вечер — как и в прошлый, и в позапрошлый — за ним сидели Конан, Харра и еще четверо солдат личной гвардии Повелителя Илдиза. Пила нет-нет, да улучала минутку подлететь к старым друзьям: перекинуться сплетней, залиться хохотом над нехитрой казарменной шуткой, и не слишком возмущалась, когда крепкая солдатская рука невзначай отвешивала ей шлепка по пухлому заду. Несмотря на то, что в общей зале сновало туда-сюда не меньше полудюжины хорошеных девчонок, дородной хозяйке неизменно оказывались подобные знаки внимания — не так давно она была самой дорогой шлюхой в округе. С тех пор ее немного разнесло, да и положение хозяйки таверны не позволяло опускаться до торговли собой, но она была все еще невероятно хороша, и любой из настоящих ценителей не отказался бы завалить ее на огромную постель в одной из верхних комнат.

Такая честь оказывалась, но нечасто и лишь избранным. И Конан входил в их число.

Появившись в столице Турана, Аграпуре-иль-Раззуфе, то есть Аграпуре Ослепительном,

более полутора лет назад, из множества самых разнообразныхочных заведений киммериец избрал эту тогда еще мало кому известную таверну. Сказать по правде, в первые месяцы службы в армии ему были просто не по средствам ни огромные пышные залы борделей улицы Цветных Фонарей с их бассейнами и фонтанами, с пестрыми мозаичными полами, с девушками, умевшими отнять у мужчины все силы без остатка; ни роскошные винные погреба Веселого квартала, где шум застолья перекрывало ворчание и гудение молодого вина в гигантских кедровых бочках.

Со временем владыка Илдиз сумел в полной мере оценить достоинства бесстрашного наемника-киммерийца, молодого, сильного гиганта, в котором неслыханная мощь сочеталась с кошачьей ловкостью и грацией. Не прошло и года, как Конан, отличившись в нескольких боях, стал правой рукой Фархана, начальника своего отряда, а вскоре, письменным фирмансом повелителя, сделался ун-бashi и сам. Учение у Фархана пошло ему на пользу — короткое время спустя Конан сумел заставить подчиняться себе весь десяток головорезов, поступивший в его распоряжение.

Щедрость государя и сундуки богатых аграпурских ротозеев, чьи дома Конан посещал время от времени — разумеется, совершенно неофициально, — открыли ему двери самых дорогих увеселительных домов, коими изобиловала столица Турана. Киммериец прошел лучшую школу воровства, обучаясь этому искусству в столице воров, Шадизаре, и в короткий срок снискал себе титул короля воров. Аграпур, город сказочных богатств, имел, разумеется, свою гильдию Промышляющих-Под-Покровом-Ночи. Но Конан не пожелал сходиться с местными мастерами, и лишь изредка наносил опустошительные визиты в сокровищницы столичных богачей.

Искусство воровства требовало времени и внимания. К тому же, рассуждал он со всем простодушием варвара, раз уж он продал свой изворотливый ум и верную руку повелителю Илдизу, не следует одновременно искать себе славы на иных поприщах, пусть и более прибыльных.

Но когда молодость и азарт брали верх над благоразумием, — а это случалось нередко — наемник Конан превращался в разбойника Конана, а затем, если поход к сундукам бывал удачным, — в гуляку и кутилу Конана.

В такие ночи золото текло рекой из его кошелька, и хозяйки самых прославленных, самых дорогих борделей, где в полумраке и дымке благовонных курений прячутся обольстительнейшие и искушеннейшие гурии, сами спешили открыть двери дорогому гостю. А слава, очень скоро ставшая здесь, как прежде в других городах и странах, верной спутницей Конана, открывала ему иные, более запретные двери. За резными калитками в высоких, неприступных стенах, окружавших дома вельмож и богатых купцов, его встречали жаркий страстный шепот, нетерпеливые объятия и поцелуи прямо на пороге. И нередко просыпался он среди парчовых подушек на ложе томной красавицы, не знавшей иного гостя, кроме опостылевшего тучного старого мужа, нерадивого к своим обязанностям.

Но даже став ун-бashi, киммериец предпочитал проводить свободные вечера здесь, в «Красном Соколе», чье нехитрое и пестрое общество, толчая, пьяные выкрики и хохот были Конану милее всех тех заведений, где любили отдыхать ленивые начальники гвардии и где из дружбы или любопытства иногда появлялся и он. Но ему скучно было ежевечерне мять благоухающие шелка гигантских постелей, на которых резвилось сразу по несколько пар, или нежиться в бассейнах с розовой водой, где подносы с едой плавали среди лотосовых листьев, а нагие девушки алчно слизывали текущие по подбородку гостя вино и жир от жаркого.

Прежде чем войти в трактир, двуликий человек снова спрятал парчу под истрапанной хлопковой подкладкой, согнулся и придал своему лицу умоляющее выражение. Протолкавшись меж столов, он засеменил к Пиле, разливавшей вино по кувшинам:

— Достойная хозяюшка, не укажешь ли, который из почтенных твоих гостей капитан Конан?

— Вон тот,— кивнула Пила в сторону хохочущего черноволосого гиганта.— У окна с краю. А на что он тебе?

Но юркий человечек уже исчез в толпе. Секунду спустя он вынырнул перед киммерийцем и солдатами.

— Да простят меня доблестные воины, но мне нужно сказать два слова вашему начальнику и его помощнику.

Конан моментально перестал смеяться и положил ладонь на рукоять меча.

— Ты кто такой? Откуда ты здесь взялся?

Вместо ответа человечек, прижимая руки к груди, потянулся к уху грозного воина и что-то ему прошептал. Конан нахмурился.

— Харра, ты идешь со мной. А вы, ребята, долго здесь не засиживайтесь, завтра наша смена. Чтобы к утру у меня все сияли, как алмазы в короне повелителя. Ясно?

Солдаты заворчали в том смысле, что, мол, конечно, ясно, но не лучше ли им будет пойти с Конаном, потому как ночи нынче темные и одного Харры, если что...

— Я сказал, а вы слышали,— отрезал Конан.— А, Пила! Ну, разве что по последней.

Шумно выхлебав кружку, капитан кивнул своим, чмокнул Пилу и вышел вслед за семенящим посланцем.

За ним вышел Харра, настороженный и молчаливый. В отличие от черноволосого, скуластого и синеглазого Конана, помощник его был рыж, круглоголов, а глаза имел желто-зеленые, хитрые донельзя. За своего ун-бashi он был готов зарезать любого.

Ночной посетитель ему не понравился сразу, и потому Харра немедленно схватился за меч, когда тот, выйдя из трактира, вдруг расправил спину и глянул на Конана молодыми смеющимися глазами.

— А теперь,— потребовал киммериец,— покажи мне знак.

Незнакомец с готовностью протянул ему старую истертую золотую монету. Конан покрутил ее в пальцах и вернул гонцу.

— Ну,— ворчливо сказал он,— зачем же я понадобился многомудрому Мишраку так срочно и в такой поздний час?

Услышав имя Мишрака, Харра, было, изумленно отвесил челюсть, но глянув на невозмутимого начальника, принял такой же безразличный вид.

— Это он пусть скажет тебе сам,— ответил посланец.— Мне было велено лишь разыскать и привести вас к нему, не привлекая ничьего внимания. Что я и делаю.

С этими словами он развернулся и пошел вперед, не утруждаясь проверить, следуют за ним вызванные или нет. Конан помянул Нергала и двинулся за посланником главы тайной службы Повелителя Илдиза. Они шагали по ночному городу. Гонец Мишрака уверенно вел их по лабиринту темных улиц. Харра, ворча что-то о неугомонности тайной службы, не отставал от Конана ни на шаг.

Мишрак ибн Сулейн был самой таинственной и самой значимой личностью в Туране — после самого Повелителя Илдиза. Поговаривали, что государь не делает и шагу без совета со своим всезнающим визирем.

Его агенты и шпионы наводняли города, в каждом селении был свой тайный осведомитель, и Мишрак, сам едва способный ходить из-за давней болезни ног, всегда был в курсе всего, что происходит в стране.

Будучи сановником старым и опытным, он лучше других знал недостатки Илдиза и умел их компенсировать. Илдиз Великолепный, Повелитель Турана, был слаб здоровьем, вял и не слишком умен. Ни одна из его жен еще не принесла стране наследника, а трое дочерей Илдиза, все редкие красавицы, уже были выданы замуж в ближние и дальние союзные государства.

Поговаривали, что если бы не Мишрак, неусыпно следящий за всеми дворцовыми интригами, страна давно бы потонула в междоусобицах, ибо существовали младший брат государя с отцовской стороны, и племянник, сын брата любимой жены государя. Оба были молоды, энергичны и терпеть не могли друг друга. Повелитель Илдиз же души не чаял в обоих и непременно желал их видеть при дворе.

Мишраку стоило большого труда уговорить Илдиза, отдать одному Султанапур, а другому Хоарезм, два богатейших и, что важнее, удаленных от столицы и друг от друга города Турана.

Не первый раз Мишрак призывал к себе Конана.

Это имя варвар услышал в первый же день, когда полтора года назад явился к военачальнику Азалату, набиравшему новые отряды в туранское войско. Имя главы тайной службы произносили шепотом, с опаской и оглядкой, ибо неосторожное слово могло стоить болтуну головы. Но произносили часто, ибо, ни о ком не рассказывали столько занимательнейших, а порой и совершенно неправдоподобных историй, как о Мишраке. Очень скоро Конану довелось и увидеть героя этих легенд — когда визирь пожелал встретиться с человеком, победившим обладателя Руки Нергала, могущественного талисмана.

История эта произошла с Конаном почти случайно, и он полагал, что об этом событии не знает никто, кроме него, да еще тех двоих, что почти похитили его прямо с поля боя. В том бою мало кто уцелел, да и сам Конан спасся чудом. Призвавшие его заговорщики хотели, чтобы он одолел их градоправителя, превратившегося из-за талисмана в носителя злой силы. Никто не видел, как, оскользаясь в крови, уходил Конан за девочкой-подростком из-под стен города, никто не мог слышать его беседы с принцем и его магом, составившим этот заговор, ибо они позаботились, чтобы ни одна живая душа не узнала об их раскинутых сетях, где Конану отводилась роль и приманки, и охотника. Однако Мишрак знал.

Конан запомнил это, а Мишрак запомнил Конана.

С тех пор, а особенно после того, как киммериец стал ун-бashi, начальником отряда личной гвардии владыки Турана, каждое задание, предполагающее серьезную опасность, предварялось кратким посещением дома-крепости в Квартале Шорников. Последний раз Конан был отправлен почти в одиночку воевать с черным магом Эремиусом, хозяином одного из Каменьев Курага.

Второй Камень остался у его ученицы, волшебницы Илляны, и она хотела, чтобы Конан добыл ей талисман учителя. Эремиус употреблял силу Камня во зло, превращая людей в чудовищ и заставляя служить себе, Илляна же казалась белой волшебницей. Но получив с помощью Конана и своей названной сестры Раины второй Камень, волшебница утратила душу и превратилась в слепое орудие Камней, желавших только крови и власти. В последний миг киммериец сумел предотвратить воссоединение талисманов, и они с Раиной едва

спаслись от гнева уцелевшего Камня. Сам ли он пожрал себя, уничтожила ли его, пожертвовав собой, Илляна, но Конан с тех пор не видел ни Камня, ни волшебницы — и не сожалел об этом. Держава была спасена от нашествия жутких Трансформ, Раина уехала в Аквилонию, страну, близкую к ее родине, Боссонию, а Конан получил от Мишрака увесистый мешочек с золотом и просьбу не слишком распространяться о происшедшем.

Но ни разу еще вызов к Мишраку не сопровождался такими предосторожностями. Миновав охрану у обитых белым металлом ворот в высокой беленой стене, они прошли знакомой Конану чередой коридоров. Харра был здесь впервые и затравленно оглядывался на каждую подозрительную дверь. На середине большой крытой галереи, огибавшей внутренний двор с толпящимися внизу у костров воинами, Харра тихонько дернул ун-башни за рукав:

— Зачем тут столько серебра на каждой третьей двери? Ему что, деньги девать некуда?

— Сквозь серебро не проходят чары, — тихо ответил Конан.

Харра почел за лучшее больше не задавать вопросов.

Наконец они вошли в маленький внутренний дворик, где вокруг бассейна, обсаженного кипарисами, не было никакой иной обстановки, кроме ковров и подушек на низких мраморных скамьях. Конан подмигнул уже знакомым ему чернокожим девушкам-телохранительницам и увидел, как в полутьме блеснули в ответ их улыбки.

— Приветствуешь тебя, Конан,— прогудел Мишрак, и тебя, доблестный Харра. Рад, что вас разыскали еще до полуночи, потому что к часу я должен быть во дворце.— Он махнул рукой, и двуликий провожатый исчез за боковой дверью.— Располагайтесь.

Конан, кивнув в знак приветствия, молча опустился на вышитые подушки. Харра сел рядом, пытаясь держать в поле зрения всех девушек разом.

— Давненько мы не виделись, а, Конан?— сощурился Мишрак.— Я думаю, это только к лучшему. Но нынче у меня к тебе новое дело. Знаешь ли ты, что происходит в Туране раз в четыре года в канун Весеннего праздника Откровения пророка Тарима?

— Видимо, нет, я здесь только второй год.

— А ты, Харра?

— Знаю,— с важностью ответил Харра,— я ведь родился и вырос в Хоарезме. Раз в четыре года, в лишний день, нарочно дарованный нам Эрликом именно для этих целей, в загородном доме мудрейшего Бахрама собираются лучшие звездочеты и гадальщики Турана. Десять следующих дней они испрашивают волю богов самыми различными способами, а затем составляют пророчество для всех нас, недостойных.

— Гадальщики!— фыркнул Конан.

— Скорее, мудрецы,— поправил его Мишрак.— Умение прозревать грядущее — по звездам ли, по куриной ли печени,— есть великое искусство, и кто знает, быть может, когда-нибудь и ты будешь нуждаться в звездочете, который сможет правильно распорядиться твою судьбой, повинуясь воле Эрлика и законам Его пророка. Во всяком, случае, до сих пор их пророчества и советы не пропадали всуе. Государь им очень верит. Должен признаться, я тоже. У меня было множество случаев убедиться в истинности весенних предсказаний...— Мишрак помолчал, что-то вспоминая, потом продолжил:— Дело вот в чем: при гадании всегда присутствует один из визирей повелителя. По истечении десяти дней он должен доставить ларец со свитком повелителю Илдизу. Визиря в дороге охраняет отряд из дворцовой гвардии. Так вот, сегодня ночью я намерен склонить государя к тому, чтобы он послал со светлейшим Уртаном ибн Закиром не кого-нибудь, а именно тебя. Повелитель

очень доверяет тебе с тех пор, как вы с Джумой спасли его дочь, принцессу Зосару, от того безумца в горах.

Именно после упомянутого подвига Конан получил под свое начало отряд и все беспокойство, с этим сопряженное. Мишрак откинулся на подушки и, усмехаясь, смотрел, как расправляется расслабленная спина, и загораются злым синим огнем глаза киммерийца.

— Я не ослышался, о, мудрейший и благороднейший начальник тайной службы? — произнес Конан, закипая. — Ты призвал меня среди ночи со столькими предосторожностями только затем, чтобы я довез визиря Уртана, десять дней жарился на солнышке под Хоарезмом, а потом привез визиря обратно в столицу? Клянусь Кромом! Да мои ребята взбесятся со скуки прежде, чем народится новая луна!

— Именно потому, что в твоем отряде дисциплина куда выше, чем в любом другом во всей армии, я тебя и посылаю, — веско сказал Мишрак.

С этим спорить не приходилось. Конан умерил свой гнев, почувствовав, что ему не имели в виду польстить и тем задобрить, — Мишрак просто утверждал всем известное, с чем глупо спорить, как глупо спорить с утверждением: «Солнце садится на закате». Личным ли примером, тщательным ли отбором, ежедневной ли мушткой до седьмого пота, — а быть может, всем этим разом, — но Конан сумел добиться в своем отряде беспрекословного подчинения и восхищенной преданности. Мишрак и раньше не раз убеждался в том, что отряду киммерийца можно доверить опаснейшие свершения. Видно, новое поручение на деле было не так просто, как казалось на первый взгляд, и Конан приготовился слушать, «свернув ковер раздражения и положив его в сундук ожидания», как любили выражаться туранские поэты.

Мишрак выдержал паузу, испытующе глядя на молодого воина, и продолжил:

— Потому что все десять дней, что идет гадание и еще шесть, что вам потребуется на дорогу обратно, вы должны быть готовы в любой миг выхватить оружие и защищать ларец с пергаментом. Заметь, я говорю «ларец», а не «визиря». — Мишрак снова выдержал паузу, но Конан не вымолвил ни слова, и визирь, одобрительно кивнув, начал издалека.

— Ты об этом, конечно, не знаешь, но в конце, зимы в дворцовом гареме появилась новая наложница, девушка из древнего, но обедневшего княжеского рода. Я видел ее лишь мельком, но и этого мимолетного взгляда мне было довольно, чтобы увидеть, что она подобна юной серне на росном лугу в лунном сиянии.

Повелитель же был просто без ума от нее. Клянусь чреслами Эрлика Жизнеподателя, государь проводил у нее три ночи из пяти, словно ненасытный семнадцатилетний юноша. А луну назад она понесла...

— Клянусь Кромом! — вымолвил восхищенный Конан. — Скажи, многомудрый Мишрак, неужто и в гареме повелителя известен тебе каждый вздох?

— Не прерывай меня! — загремел Мишрак, но по лицу его было видно, что ему льстит искреннее изумление киммерийца. — Если бы об этом знал только я, не было бы и стольких хлопот. Но об этом знает и негодяй Мардуф, племянник государя, и правитель Хоарезма, да поразят его проказа и прочие напасти. В предсказании непременно будет упоминаться, мальчик, родится нынешней осенью или девочка. И Мардуф захочет это выяснить, клянусь мудростью Пророка. А заодно и все прочее, что случится в связи с этим в Туроне в ближайшие годы.

Мишрак замолчал, и Конан счел возможным спросить:

— Так я должен охранять предсказание? А могу я прочесть его, чтобы в случае утраты

рассказать повелителю?

— Нет, это тайна, освященная самим Эрликом.— Мишрак благоговейно прикрыл глаза, и Конан поспешил спрятать улыбку.— Более того, никто не должен знать, что ты догадываешься о возможном нападении. Завтра, когда ты узнаешь обо всем этом уже от военачальника, благородного Азала, ты будешь браниться куда крепче, чем позволил себе здесь сейчас.— Тут Мишрак беззвучно рассмеялся.— Не сомневаюсь, что с этим ты справишься, мой бесстрашный ун-бashi.

— Я уж расстараюсь,— хмыкнул Конан.

Важность возложенной на него миссии была несомненна, и легкоранимое самолюбие молодого киммерийца было вполне исцелено. Оставалось только придумать, как удержать солдат от возмущения по поводу столь пустяшного на первый взгляд задания и чем объяснить свой внезапный уход из таверны. Мишрак кивнул, словно прочел его мысли.

— О вашем визите ко мне — никому ни слова. А теперь измысли какую-нибудь историю о несчастном отце и спасенной дочери, чтобы твои соколы не подумали, будто их начальник праздно шатался по улицам вместо того, чтобы чинно пьянствовать в их компании.

Твой хитроумный Харра, думаю, все еще помнит места своего детства?

— Я знаю каждый куст на две тысячи локтей вокруг Хоарезма,— ухмыльнулся рыжий Харра.— Вот разве что кусты с той поры подросли слегка.

— Я так и думал,— кивнул ему Мишрак.— И решил, что будет полезнее, если ты узнаешь все из первых рук. К тому же, двоим нести тайну легче, чем одному.— Начальник тайной службы тонко улыбнулся, но мгновение спустя снова посупровел.— Следите за малейшей тенью и будьте очень осторожны, особенно в Холодном ущелье. Не отпускайте в хоарезмские веселые кварталы больше половины отряда разом. Не уходите из усадьбы вместе — один из вас должен всегда быть не более чем в ста локтях от ларца. Ступайте. Завтра тебя вызовут во дворец, Конан из Киммерии.

Конан поднялся и поклонился всеведущему визирю.

Мишрак достал из-под одной из подушек кожаный мешочек и протянул ун-бashi. Киммериец ощупил в руке приятную тяжесть золота.

— Повеселитесь всласть нынешнюю ночь. Не скоро вам двоим доведется сделать это вновь. Импра!— выкрикнул Мишрак в темноту. От стены неслышной тенью отделился человек в темном халате и поклонился визирю.— Проводи их.

Неслышно ступая босыми ногами, провожатый молча довел их до ворот и кивнул в знак прощания. Конан не удивился бы, узнав, что тот нем — говорили, что Мишрак не брезгует спасать от секиры палача приговоренных к отсечению языка, а затем и головы — за богохульство или порочащие владыку речи. Таким образом, визирь совершил дело, в равной степени угодное богу и себе: преступник нес наказание, но оставался в живых, а дом-крепость получал немого, но вовсе не глухого слугу. Конан невольно сплюнул, увидев живую жертву такого милосердия. Оказавшись снова на свежем воздухе, в прохладе весенней ночи, бархатной, словно лошадиные ноздри, и благоуханной от цветения персиков, вишен и миндаля, Конан встряхнулся, вдохнул всей грудью и зевнул — сладко, как молодой барс.

— Ну, Харра, куда бы тебе хотелось нынче пойти?— спросил он, раскидывая руки и потягиваясь, отчего мешочек с золотом тонко и многообещающе зазвенел.— Сегодня мы можем купить по дюжине самых дорогих шлюх на брата, и еще останется на кувшин-другой лучшего заморанского вина, которое ты так любишь.

И Конан снова тряхнул мешочком.

Харра сглотнул и облизал пересохшие губы.

— Помнится, ты рассказывал мне об одном борделе в доме с цветными стеклами, — хрипло ответил турانец.— Где ты лежишь себе в бассейне с ароматной водой, а тебя ублажают сразу четыре красотки. Далеко ли отсюда тот дом, о, мой военачальник, искушенный во многих битвах?

Глава 2. Ночной разговор. Магриб

— Эрлик всемогущий и всемилостивый! Просвети и наставь детей твоих, ищущих Истину не со злым чародейским умыслом, а на благо стране и повелителю нашему, Илдизу, да сияет над ним Твое Око все его дни!

С этой краткой молитвы начинался уже третий день мучений Конана. Мудрейшие Толкователи Знаков и Великие Звездочеты заставили выучить ее всех воинов отряда (чему немало способствовали пинки ун-бashi), и даже сам седой Уртан, старейший советник Повелителя Илдиза и Великий визирь Турана не гнушался трижды повторить эти слова перед утренним омовением, после которого мудрецы приступали к гаданию.

Вот уже двадцать лет в загородном доме многомудрого Бахрама каждый високосный год в канун Весеннего праздника Откровения пророка Тарима собирались пятеро лучших астрологов пяти городов Турана.

Обычай этот насчитывал много сотен лет, но прежде звездочеты съезжались в столицу, Аграпур. На последнее из столичных собраний, а было оно за сто четыре года до нынешней весны, по несчастливому стечению обстоятельств пришелся дворцовый переворот, и троих из пяти гадальщиков зарезали прямо во время свершения обряда. После чего было решено впредь проводить Весенное Гадание в более спокойных местах, что не составляло труда. В Гадании участвовали только именитые мудрецы и звездочеты, и каждый из них имел свой загородный дом. Обычно в десятый день по завершению Гадания кидался жребий, которому из пяти мудрецов в следующий раз принимать остальных в своем доме. И уже четвертый високосный год подряд жребий выпадал почтенному Бахраму. Видно, на то была воля самого Эрлика, потому что усадьба была просто создана для подобных священнодействий. Из дома открывался прекрасный вид на горное озеро, пышный сад полого спускался к воде, в ветвях деревьев неумолчно пели и свистали птицы, на все голоса, славя весну и Творца.

Ничто не нарушало безмятежности пейзажа, и приехавшему сюда казалось, что он находится где-то накраю света, далеко-далеко от суеты и грехов шумного многолюдного мира.

И в то же время эта хижина отшельника, как любил называть свое жилище Бахрам, была расположена всего в двух часах ходьбы от Хоарезма, а верховой гонец из дворца наместника добирался сюда втрое быстрее.

Праздник приближался. Еще за луну до его наступления усадьба была вычищена до блеска, Мардуф, наместник Хоарезмский, как обычно, прислал в дом Бахрама горы снеди и вина, а также нескольких своих слуг в помощь обычным домашним слугам. А за поллуны до Равноденствия в дом у Чистого озера начали прибывать мудрецы и звездочеты — каждый с подобающей сану и учености свитком.

Был здесь почтенный Михраз из Султанапура, тот самый, который три года назад предсказал нашествие гигантского смерча с севера моря Вилайет, и тем спас жизни тысячам горожан, успевших укрыться в заранее выкопанных убежищах. Белая борода Михраза спускалась ниже пояса и была заплетена в толстую косу, так что казалось, будто она тянет голову мудреца к земле, таким старым и согбенным он был.

Замбулу представлял толстый чернобородый Хамир, человек румяный и смешливый. С ним вечно приключались самые немыслимые и забавные истории: к примеру, выехав из Замбулы верхом на черном жеребце, подарке правителя города, Рахмана, в дороге он обменял

его на старую кобылу, потому что седло, что было на ней, показалось ему удобнее, а кобылу в свою очередь сменял на белого, без единой черной шерстины ишака, ибо посчитал это знаком Эрлика.

Подъехав к воротам дома Бахрама, он завершил путешествие тем, что слетел со спины своего скакуна прямо в грязь: на ишаке лопнула подпруга. Все видевшие этот головокружительный полет, смеялись до колик в животе; громче всех смеялся сам Хамир, охая и потирая спину.

Но каково же было всеобщее удивление, когда из лопнувшей подпруги посыпалось зашитое в нее золото! Видно, прежний хозяин не знал о кладе, иначе вряд ли поменял бы ишака вместе со сбруей.

«Я же знал, что этого ишака послал мне сам Эрлик», — приговаривал Хамир, скормливая удивленной скотине горсть урюка.

Но, несмотря на смешливость и нелепые происшествия, Хамир принимал участие в Весеннем гадании уже третий раз, ибо никто во всем Туране лучше него не умел толковать знаки, на первый взгляд случайные и бессмысленные, каковые подчас составляют суть всего предсказания и меняют смысл всех остальных знаков.

Амаль из Шангары был самым молодым среди собравшихся и прибыл на Весенное гадание впервые. Его учитель, Рабат Заарам, прислал с ним пергамент, в котором сообщал, что за три прошедших года состарился на все десять и чувствует на плечах дыхание ледяного ветра с Серых Равнин. А потому просит почтенных мудрецов принять в свой круг лучшего его ученика, Амаля ибн Закиу, который видит сквозь землю на десять локтей и слышит, как ветер шевелится в своей берлоге.

Юноша был принят с благосклонностью и немедленно выказал несомненные таланты — как в чтении звезд, так и в умении бросать томные взгляды на дочь хозяина, прекрасную Фейру. Та только фыркала, да потешалась над юным звездочетом. Последнее несколько удивляло Конана, потому что Фейра, как ни редко он ее видел, показалась ему девушкой скромной и скорее застенчивой, чем дерзкой. Амаль же был красив и, как преемник главного гадальщика Шангары, наверняка богат. Пренебрежение подобным поклонником было не в обычай юных девушек Турана. Впрочем, все могло объясняться тем, что у насмешницы уже был воздыхатель, и иные поклонники ее не интересовали.

Столицу, Аграпур, представлял высокородный Магриб ибн Рудаз, Небесный Визирь, как называли его придворные листцы и поэты, личный лекарь и звездочет Илдиза. Помимо многих лет, с честью проведенных на дворцовой службе, его связывали с повелителем и кровные узы — Магриб приходился ему шурином. Сын Магриба, Мардуф, козней со стороны которого надо было опасаться Конану в этой поездке, был столь любим царственным дядей скорее за заслуги его отца, чем за свои — сам он пока мог похвастаться немногим, разве что редкостной красотой, которая мало искупала его распущенность и злой нрав.

Но насколько непутев и красив был его сын, наместник Хоарезмский, настолько мудр и уродлив был Магриб. Уродство его заключалось в большом горбе, кривых ногах и крючковатых, словно навсегда сведенных судорогой пальцах, и все вместе производило тяжелое впечатление. Он был более всего похож на старую обезьяну, которой приставили голову с человеческим лицом. Но темные глаза Магриба под седыми, клочастыми бровями светились истинной мудростью и величием. Он выехал из столицы вместе с Уртаном и Конаном, и киммериец, как старший над охраной, делил с двумя сановниками все трапезы. Почти четверть луны добирались они до Хоарезма, и за эти шесть дней Конан услышал

сказок, легенд и преданий больше, чем за всю свою жизнь в Туране. Благородный Магриб был удивительным рассказчиком. Конан не признался бы в этом и под пыткой, но с первого же дня пути в его сердце поселился благовейный страх перед этим полумагом, уродом с глазами божества. Бесстрашный ун-баши утешал себя тем, что Магриба ибн Рудаза, как поговаривали, побаивается сам Мишрак. Побаивается, но при случае охотно прибегает к его помощи. Конан решил: что хорошо для Мишрака, сойдет и для него,— и перестал думать об этом.

И, наконец, Хоарезм представлял сам хозяин дома, почтенный Бахрам. Был он вздорен, капризен и в делах житейских не слишком сметлив, любил спать и поесть всласть. Рода он был самого простого, но обучившись гадальному ремеслу не у кого-нибудь, а у покойного Керума, Святого Старца, как его называли в Хоарезме, быстро возвысился и разбогател настолько, что выстроил себе самый большой и красивый загородный дом в окрестностях. Была еще одна причина тому, что звездочеты собирались здесь, а не в каком-либо другом доме. В усадьбе Бахрама, которому щедрость Мардуфа позволяла собирать диковины со всего света, хранилось множество редкостей, потребных при различных гаданиях, а также сложных и хрупких инструментов для вычисления орбит звезд, планет и прочих небесных тел.

Сюда не достигал шум большого города, а разместиться мог средней величины караван с погонщиками.

Наместник Хоарезма, многим обязанный мудрейшему Бахраму, не скучился оплачивать из городской казны все затраты, связанные с Весенним Гаданием, и звездочет ни в чем не испытывал недостатка.

Солдат Конана, равно как и большую часть слуг из свиты Великого визиря, расположили на заднем дворе, где среди прочих хозяйственных построек стоял большой глиняный сарай с рядами застеленных одеялами из верблюжьей шерсти деревянных топчанов. Задней стеной этой своеобразной казармы служила стена сада, окружавшего дом, так что, забравшись на плоскую крышу, можно было видеть сверху почти всю усадьбу, а главное — внутренний застеленный коврами двор с бассейном и большими каменными постаментами. С трех сторон его окружал дом, с четвертой — низкая крытая галерея. В ней были сделаны двустворчатые двери, через которые входили со стороны сада солдаты и у которых стояли они на страже в течение всей церемонии.

В этом дворе, едва солнце всходило над горизонтом, происходило таинство гадания.

Первые несколько дней не занятые в карауле солдаты, сидя на крыше казармы в тени виноградной решетки, жадно вытягивали шеи, силясь рассмотреть, что же такое делают во Дворе Гаданий досточтимые мудрецы.

Но они всегда делали одно и то же — по крайней мере, так казалось воинам Конана, — что-то чертили, высчитывали, записывали. По-настоящему интересно было только во второй день, когда бледный от волнения Амаль одну за другой забил обсидиановым ножом трех куриц — белую на столе белого мрамора, черную — на черном, а пеструю — на столе из сетчатой яшмы. Вознеся все полагающиеся молитвы, гадальщики аккуратно изъяли из трех куриц потроха и разложили их на серебряных подносах.

Во внимание принималось решительно все — и степень разлития желчи, и цвет свернувшейся крови, и остатки пищи в желудках. О чем бы ни говорил внешний вид внутренностей, страну, как видно, ждало благоденствие, потому что в желудке белой курицы было обнаружено крупное жемчужное зерно. Это было, разумеется, истолковано как добрый

знак, хотя жемчужина вероятнее всего попала в желудок не волшебным, а самым обычным образом: просто выпала из ожерелья Фейры, была найдена разгуливающей по двору птицей и склевана — всем известно, что курица от жадности склюет и камень, лишь бы пролез в глотку.

Вечером того дня, сидя после ужина на веранде, Конан спросил у Магриба, а что если Фейра просто вычищала жемчуг, и зернышки вышли не все. Значит, это случайность, а не знак свыше.

— Сын мой,— ответил Магриб ибн Рудаз,— неисповедимы пути бога. Случайностей в этом мире так мало. Я разумею, настоящих случайностей, ни к чему не ведущих пустяков. Предположим, девушка и в самом деле чистила ожерелье. Случайно то, что Фейра выбрала именно эту курицу, чтобы скормить ей жемчуг, дабы он посветлел, пройдя через желудок птицы; случайно то, что одна жемчужина осталась; случайно выбрал эту птицу из пяти таких же белоснежных куриц Амаль. Но, собравшись все вместе в канун Праздника Откровения, эти случайности породили знак, и так всегда происходит в нашем полном случайностей мире. Учись постигать большое в малом, Конан, и тебе откроется многое.

Ун-бashi, как начальнику, а значит, не просто солдату, а почетному гостю, полагалась отдельная комната в доме. Но Конан предпочел поселиться вместе со своими ребятами.

Общество многомудрых и велеречивых старцев утомляло его. Но после ужина, когда на огромной, в полдома, веранде зажигались лампы, а в небе загорались яркие алмазы звезд, Конан присоединялся к ученному обществу — послушать Магриба.

Обычно ему удавалось, отсев поодаль от остальных, единолично завладеть вниманием придворного звездочета.

И тогда они вели долгие и поучительные для обоих беседы. Конан в свои двадцать с небольшим лет успел обойти почти весь северо-запад континента, был гладиатором в Халоге, столице Гипербореи, затем долго жил в Заморе, где прославился как самый искусный вор своего времени. Затем был наемником в Зингаре, контрабандистом исходил весь Вилайет, побывал в Бритунии и Вендии. Магриб не уставал расспрашивать юного воина об этих далеких странах, об их городах и малых поселениях, людских обычаях и нравах, о битвах и победных пирах, в которых Конан принимал участие.

Такие беседы вели они еще на пути к Хоарезму, уочных костров, ибо ученый старец в силу возраста спал мало, а Конан в силу должности — еще меньше. Киммериец никогда не знал за собою дара красноречия, но благородный Магриб умел не только рассказывать, но и расспрашивать. Делал это так ловко и слушал так внимательно, что хотелось говорить еще и еще...

Сам звездочет редко покидал пределы Турана, но все же совершил несколько больших путешествий — в основном, на юго-восток. Но большая часть его знаний была почерпнута из книг, а не из личного опыта. И сколько же он их прочел, дивился Конан, слушая рассказы мудреца. О путешествиях к краю земли, в которые уходили многие, а возвращались единицы, и, вернувшись, уже никогда не могли жить на одном месте и, в конце концов, пропадали без вести в дальних морях и нехоженых землях, что лежат к югу и востоку от хайборийских королевств. О подвигах и войнах древности, что записаны в длинные свитки и хранятся в медных сундуках в сокровищнице Повелителя Турана уже много веков, и каждый век прибавляет новый свиток. О целебных травах, что растут в непроходимых лесах северо-востока и в долинах Ильбарских гор. Одна из таких трав цветет раз в год и, сорванная во время цветения, открывает счастливцу все, что таится под землей, будь это клад или

целебный источник. Другая затягивает и исцеляет любые, даже самые страшные раны, а настой из нее, употребляемый ежедневно, удлиняет жизнь. Третья, растертая в порошок и смешанная с салом онагры, открывает видение потустороннего мира, но такое видение еще никому не приносило счастья...

Рассказывал Магриб и о сестрах небесного свода, каждую из которых он знал по имени, мог сказать, в какое время года ярче всего сияет та или иная звезда, каким богам и героям посвящены созвездия и почему.

Конан, никогда раньше не слышавший турецких сказаний, затаив дыхание, слушал, как Небесный Охотник добыл себе меч и волшебных Псов и победил Дракона-смерча, пожиравшего один город за другим, не щадившего ни стариков, ни детей. И Охотник, и Псы были вознесены за этот подвиг на небо, а Дракон с той поры все пытается насытиться, но не находит ничего в бескрайних просторах ночи и в ярости грызет серебряный диск луны. Четырнадцать дней от полнолуния гложет он ее, а на пятнадцатый приходит Охотник и заставляет Дракона еще четырнадцать дней собирать ее вновь кусочек за кусочком.

Конечно, киммериец понимал, что это не более чем сказка, но Магриб умел и простую сказку рассказать так, словно в ней одной заключалась вся истина Мира.

Лампа чадила и мигала, в кальяне звездочета тихо булькала ароматная розовая вода, а он говорил и говорил и его темные глаза светились нездешним светом сквозь клубы голубоватого дыма.

Так они беседовали и в вечер третьего дня гадания; Магриб рассказывал об одном юноше, в стародавние времена жившем на берегу моря Вилайет. На другой стороне моря жила прекрасная принцесса, которой было предсказано выйти замуж за простолюдина. Отец, чтобы избежать незавидной судьбы, запер дочь в высокой башне. Тогда юноша смастерили себе крылья и, перелетев через море, унес возлюбленную. Конан, с интересом выслушав эту уж совсем неправдоподобную легенду, подавил мечтательный вздох и пожал плечами:

— Что проку в этих сказках про крылья из орлиных перьев и муравьиной слюны? Человек не может летать, зачем же обещать ему несбыточное?

— Не может? — улыбнулся Магриб. — Почему ты так уверен в этом, сын мой?

— Но я никогда... — начал, было, Конан и осекся под взглядом темных глаз мудреца, на дне которых он ясно видел затаившийся смех.

— Да, я уже понял, что ты хочешь мне сказать. Но никогда не говори «нет» только потому, что чего-то не видел.

— Но ведь человек и, в самом деле, не может летать, как птица.

— Но он может мечтать об этом. Все великие свершения начинаются с очень сильного желания, Конан. Есть ли у тебя заветное желание? Нет, нет, не говори мне его, просто скажи, есть или нет?

— Конечно, есть. У всякого человека оно есть.

— И оно достаточно несбыточно?

Конан на миг задумался, а потом засмеялся.

— Да уж, вполне достаточно! Ты прав, мы мечтаем о том, чего никогда не получим... И слагаем об этом сказки... Да, я понял тебя.

— Нет, сын мой, ты совсем меня не понял, — покачал головой Магриб. — Если желание достаточно сильно, пусть даже это желание сравниться властью и силой с самими богами... с Эрликом или с твоим Кромом — неси его в себе всю жизнь, ищи пути достичь желаемого,

борись за него. И оно исполнится. Ибо нет в подлунном мире ничего, что не было бы в силах человеческих.

Глаза Магриба по-кошачьи мерцали в синем сумраке теплого вечера. Конан, сузив глаза, в упор посмотрел на мудрого звездочета.

— А разве боги не наказывают желающих слишком многоного?

— Все мы в их руках, это они посылают нам желания изменить к лучшему подлунный мир или сделать людей счастливее. Если желание сильно, а цель твоя праведна — твоё желание не будет греховным.

— Даже если я захочу для этого сравняться с богами? — задумчиво повторил Конан слова Магриба.

— Да, Конан. Нужно лишь хотеть очень сильно. Тот юноша очень хотел — и взлетел над морем, как птица.

Рядом с ними послышался вдруг тяжкий, печальный вздох, и чей-то еле слышенный голос сказал:

— Если бы и впрямь одного только желания было достаточно для того, чтобы обрести счастье...

Киммериец резко обернулся. На краю веранды, обняв руками колени, сидела Фейра, дочь хозяина. Как видно, увлеченные разговором, они не услышали, как девушка тихонько подошла и села позади.

— Простите меня, о мудрейший Магриб ибн Рудаз и ты, ун-бashi, — сказала она, видя, что выдала свое присутствие. — Я уже вторую ночь незаметно выбираюсь из дома и сижу рядом с вами. Вчера ты рассказывал про Кхитай, о многомудрый и сведущий визирь, я случайно оказалась рядом и невольно заслушалась. А сегодня пришла нарочно. Хотите, я принесу другую лампу взамен погасшей, и вина заодно? Я знаю, ун-бashi любит красное шадизарское вино.

«Надо же, — подумал Конан, — а я и не заметил, как у нас погасла лампа».

— Похвальна твоя любознательность, девушка, но еще похвальнее забота о пересохшем горле рассказчика! — рассмеялся Магриб. — Неси скорее и то, и другое.

Фейра, проворно вскочив на ноги, исчезла в темном доме.

— Славная девушка, — заметил звездочет, поглядев ей вслед. — Амаль не сводит с нее жадного взора, а почтенный Бахрам все тщится оставить их наедине. Я бы предсказал свадьбу, но кажется мне, что звезды ее глаз не благосклонны к этому союзу!

— Да, — сказал Конан, — ее сердце уже занято.

— Да, и он либо в отъезде, либо не подходит ее отцу, потому что я почти не слышал ее смеха за эти три дня, а это не свойственно красивым девушкам, — кивнул Магриб, соглашаясь.

За решеткой окна мелькнул огонек, и на веранде появилась Фейра с подносом в руках. Составив на ковер лампу, кувшин вина и два серебряных кубка, она уселась подле, скрестив ноги в пестрых шальварах.

— Не мог бы ты рассказать еще что-нибудь о далеком Кхитае, о мудрейший? — робко попросила она. — Вчера я слушала, забыв о времени и поставленном teste. Отец бы сильно отругал меня, если бы увидел здесь, но мне так хочется послушать о далеких странах и всяческих диковинках...

— Твой отец сам мог бы рассказать тебе немало удивительных историй, дитя мое, — ответил Магриб. — Нет-нет, Конан, мне больше не нужно вина, пей сам. Так что же, моя

роза, неужели мало диковинок в вашем доме? Твой отец знает толк в редкостях, я видел у него, к примеру, кремниевые наконечники стрел пиктов, что живут далеко на севере и поклоняются не Эрлику и пророку Его, а лесным деревьям. Или тот удивительный амулет в виде львиноголовой богини стигийцев — кто только достал ему эту вещь из гробницы самой жрицы Амноратхес! Или эти кубки, что ты сейчас принесла: они из Аквилонии. Истории этих вещей достойны быть записанными пером птицы Симург!

— Это кто такая? — заинтересовался Конан, наливая себе вина.

Луна, уже поднявшаяся над домом, отразилась в маленьком черном озере с серебряными берегами, и киммериец, забавляясь, шумно отхлебнул, не наклоняя кубка.

— Волшебная птица, живущая тысячу лет. Я расскажу о ней как-нибудь потом, — ответил Магриб и снова обернулся к Фейре: — Ты смотришь так изумленно, дитя, — неужели он никогда тебе ничего не рассказывал.

Фейра покачала головой, опустив глаза и теребя ленту в косе.

— Нет, мой господин! — печально ответила она. — Боюсь, ты о них знаешь больше, чем он сам. Он лишь владеет всеми этими сундуками с безымянными сокровищами. И знает их цену в золоте, не более того. — Она снова тяжко вздохнула.

— На это я могу тебе сказать, что цены, по меньшей мере, одной редкой вещи он не знает, — сказал задумчиво Магриб. — И я бы охотно перекупил ее у Бахрама, пока она еще не выцвела и не истрепалась.

— Какую? — спросил Конан, в котором заговорила шадизарская воровская выучка: всегда полезно знать, где в доме лежит дорогая вещь, не имеющая ценности в глазах хозяина, — ведь если она пропадет, он хватится ее не скоро.

Конану не раз приходилось видеть самые удивительные вещи в самых неподходящих для них местах — а после сбывать их с большой выгодой. Для этого надо было знать толк в ценных безделушках — в противовес непросвещенному хозяину вещицы. Но до сих пор Конан не замечал в Бахраме подобной неосведомленности.

Первое, что сделал астролог, увидев новых людей — Амаля и Конана — продемонстрировал им свое собрание редкостей, с подробным изложением, каких трудов ему стоило их достать, и сколько золота он заплатил за каждую.

При этом и, в самом деле, не прозвучало ни слова о том, кто их сделал и для чего.

— Я говорю о кхитайском тканом ковре, — пояснил звездочет. — Я видел множество вышитых кхитайских ковров, но ни разу не встречал тканого. К тому же столь тонкой работы и столь ярких красок. Я был поражен, когда увидел эту бесценную вещь лежащей во дворе, у самого входа. Его место на стене, и стена непременно должна быть северной, чтобы шерсть не потускнела от солнца.

— А, — сказал Конан, — я понял, о каком ковре ты говоришь. Такой небольшой, примерно три локтя на пять, синий, как кусок неба, и весь в летящих птицах. Я его тоже заметил. Когда я шагнул на него и глянул под ноги — в первый миг испугался, что наступил на живого удода, так он был похож на настоящего: пестрый, с распластанными крыльями. Красивый ковер.

— Ты ошибся, о, мудрейший, — еле слышно сказала Фейра. — Это не кхитайский ковер. Его ткали здесь, в Хоарезме. Это работа мастера Тая, он умер в прошедшее полнолуние. Это... это был его последний ковер.

Изумлению Магриба не было предела.

— Последний ковер мастера Тай Цзы? — переспросил он. — С летящими в небе

птицами? И твой отец держит его в пыли и жаре двора, где его топчут ноги всех, кто входит и выходит? Да я знаю не менее десятка людей, которые отдали бы за этот ковер все свои богатства!

— Мне тоже жаль этого ковра, мой господин, и я много раз просила отца убрать его, но он ничего не хочет слушать,— сказала Фейра.— Они поссорились перед самой... перед самой смертью мастера Тая. Отец даже имени его слышать не хочет, он очень обижен на него — за что, я и сама не знаю. И, да простит мне Иштар такие слова, думаю, что не знает и он сам. Они бы помирились, да вот... не пришлось. А отец очень любил слушать рассказы мастера, особенно о чудесах и магах Кхитая. Мастер Тай часто бывал в этом доме, особенно весной, даже хотел построить себе дом неподалеку...

— Разве они — я разумею, твой отец и Тай Цзы-были настолько дружны? — спросил Магриб.— Безгранично терпелив должен быть тот человек, кто изберет себе такого соседа! Я готов склониться перед знаниями и божественной прозорливостью твоего отца, о, роза Хоарезма, но жить с ним рядом не смог бы.

Фейра улыбнулась.

— Мастер Тай умел ладить с отцом,— сказала она.— Как я видела, он умел ладить со всеми. А здесь он скорее стремился к озеру, чем к обществу моего отца. В его душе царила красота, там не было места скверне и брани... Стоило ему взять в руки флейту — отец забывал обо всем. Я могла слушать его часами... Он был удивительный мастер и очень хороший человек, — заключила Фейра печально.

— О том, что он был удивительный мастер, я наслышан,— кивнул Магриб.— Я сам, признаться, хотел заказать ему ковер, когда собирался сюда — но накануне выезда из Аграпура узнал о его смерти и понял, что гордыня неугодна Эрлику... Кому суждено весь век ходить по земле, тот не взлетит, и не прирастут галке павлины перья... Быть может, я смогу хотя бы выкупить этот птичий ковер у почтенного Бахрама, о чернокосая Фейра? Мне больно смотреть, как он обращается с этим сокровищем.

— Нет,— покачала головой девушка.— Его обида сильна, он не расстанется с этим ковром, и будет топтать его, пока не протопчет до дыр.

— Что ж,— сказал Магриб, вздохнув,— пусть уголяет свою обиду, если видит в этом прок... А право, обидно! В особенности, если это был последний его ковер... Однако время заполнюсь. Мне пора на башню, ибо весь убор Царицы Ночи уже сияет россыпью в ее волосах! Беги в дом, дитя, становится свежо. Помоги мне подняться, Конан.

Киммериец, слушавший весь разговор вполуха, вскинул голову, очнувшись от своих невеселых мыслей.

— Да,— сказал он, помогая горбуну встать на ноги,— мне тоже пора менять Харру.

— А завтра...— Фейра, по-прежнему, сидевшая на ковре, подняла на Магриба умоляющие глаза.— Завтра я могу прийти послушать историю птицы Симург?

— Конечно, дочь моя. И не бойся, приходи раньше. Я поговорю с твоим отцом. Он, наверное, не такой ужасный тиран, каким ты его описываешь, и не откажет мне в обществе своей дочери,— ответил звездочет.

И ушел в дом.

Конан, в первый миг, нахмурившийся при мысли о том, что теперь в его беседы с Магрибом будет встремлять этот мышонок, из последних слов понял, что после сказки дети будут отправлены спать — и улыбнулся. Подмигнув Фейре, он спрыгнул с веранды и исчез в саду.

Харра, завернувшись в теплое одеяло, сидел на крыше казармы. Конан, не утруждая себя крюком до ворот, закинул руки на стену, подтянулся и перешагнул к Харре.

— Все тихо? — шепотом спросил он.

— Одни сверчки зудят. Да наши храпят почище лошадей в конюшне, — так же ответил помощник.

— Пусть храпят. А ты иди, поспи. Я разбужу тебя ближе к рассвету. Э! Одеяло-то мне оставь.

Харра выполз из одеяла и зевнул во весь рот, зябко передернув плечами.

— Что-то долго вы сегодня сидели, — заметил он, глядя на Конана хитрыми глазами. — Какой сказкой на этот раз он заговаривал тебе зубы?

— Тебе не понять, хоарезмская крыса, — беззлобно ответил киммериец. И вдруг оживился: — А что, Харра, мечтаешь ли ты о чем-нибудь, кроме выпивки, жратвы и золота?

Харра обиделся.

— Да поразит тебя твой Кром в твою драгоценную печень, раз ты мнишь ее важнее сердца, — конечно, мечтаю!

— О чем?

Не ответив, помощник скрылся в круглом лазе в черепичной крыше. Вскоре над лестницей снова появилась его голова — он принес второе одеяло. Завернувшись в него, Харра уселся поудобнее.

— А почему ты спрашиваешь, мой жадный до сказок ун-бashi?

— Ну, ты же спросил меня, о чем мы говорили с Магрибом.

— А! — понял Харра. И задумался. — Наверное, я мечтаю, о том же, что и ты: о богатстве, почете и славе.

— Богатство, почет, слава... Это не тот ответ, как говорит мудрейший Магриб ибн Рудаз. Как велики в твоих мечтах эти богатство, почет и слава?

— Ну, я надеюсь, лет через пять тоже стать ун-бashi, как и ты... — Конан ждал продолжения. Харра повертел головой и хмыкнул. — Знаешь, я еще никогда не думал, что же я буду делать после того, как стану ун-бashi. Я смотрю на тебя и мечтаю стать таким, как ты. Довольно тебе?

Конан сокрушенно покачал головой.

— А какой я, Харра? Странник, искатель приключений? Или расчетливый наемник? Или избранник бога?

— Если верить вашим легендам, ты и есть избранник бога, — усмехнулся Харра. — Твой Кром не убил тебя взглядом, когда посмотрел на тебя новорожденного со своих высот.

— Такие избранники у нас все, кто жив. Кром смотрит на каждого новорожденного.

— А у нас — нет. А если хочешь правды, то вот она: о твоих приключениях я мало что знаю, а расчета в тебе нет ни на грош. Ты просто идешь за своим сердцем. Что ж поделаешь, если оно гонит тебя из края в край.

Столь мудрые речи от Харры Конан слышал впервые, и удивленно глянул на своего помощника. Против обыкновения, лицо у того было задумчиво и серьезно.

— Заколдовал тебя этот горбун, — сказал он тихо. — Говорил я тебе, держись от него подальше. Чего он тебе наплел, что ты вдруг начал допытываться на старости лет, кто ты есть?

— На старости лет! — фыркнул Конан. — На себя посмотри!

— Ну да, и я такой же дряхлый старик, мне всего на год меньше. Так что же он тебе все-

таки сказал?

Конан задумался, подставив лицо лунному свету и, наконец, промолвил: — Он говорил, что самые несбыточные мечты, если долго биться за них, сбудутся...

— И о чем же твои несбыточные мечты? Хочешь стать Повелителем Турана?

— Турана — нет. Мне бы что-нибудь поближе к северу... Там,— киммериец махнул рукой на северо-запад,— там, за горами и быстрыми реками, среди плодородных равнин лежит самое прекрасное королевство, и оно когда-нибудь будет моим.

— И как же зовется этот край? Немедия? Аквилюния, а может, Бритуния?

— Неважно. Может, у него даже еще нет названия.

— Знаешь,— заявил на это Харра,— услыхал бы я такие речи от кого другого — за руку отвел бы к лекарю выпустить излишнюю кровь, клянусь твоим Кромом, Владыкой Могильных Курганов.

Прожив бок о бок с киммерийцем почти год, Харра до определенной степени считал Крома и своим богом и не стеснялся поминать его имя, особенно в спорах с Конаном. — А от тебя всего можно ожидать. Не забудь позвать меня на коронацию. Я тогда буду уже, верно, кир-бashi и опытным воином, так что пригожусь тебе в твоем еще не открытом королевстве.

— Уж пригодишься, клянусь Кромом! — расхохотался Конан. — Сделаю наших ребят рыцарями, а тебя над ними магистром — Ордена Ухмыляющейся Рожи!

— Тише гоготи, ун-бashi, не то наши проснутся, и будет у нас Орден Расквашенных Носов. Но если ты так хорошо знаешь, чего хочешь, что за черные мысли гнетут тебя?

— Не гнетут меня черные мысли. Просто иногда мне кажется, что и этого мало.

Харра тихо присвистнул.

— Мало? Чего же тебе еще?

— Силы,— выдохнул Конан. — Не той, которая вот здесь. — Он согнул руку, демонстрируя мощные мышцы. — Нет. Есть иная сила, и она движет горами.

— Колдовство?

— Нет, не совсем. Внутренняя сила. Посмотри на Магриба — ты считаешь его колдуном и боишься. Его боится весь Туран. Его боится сам Мишрак ибн Сулейн. Я начинаю завидовать его сыну: если бы всю мою жизнь у меня был рядом такой источник мудрости! Он уродлив и бессилен телом, словно проклятый богами. Но если он посмотрит на тебя своими темными глазами и скажет: «Сын мой, поди, сделай для меня то-то и то-то», — не угрожая, не суля награды, — ты ведь пойдешь и сделаешь, правда?»

— Правда, — после некоторого раздумья кивнул Харра. — Но он колдун. И не хотел бы я иметь такого отца.

— А я бы, может, и не отказался. И никакой он не колдун. Он просто очень много знает.

— А по мне, тот и есть колдун, кто слишком много знает, — отрезал Харра. — Но вот скажи мне, Конан, получишь ты этой силы столько, что будет плавиться, земля у тебя под ногами, когда ты будешь просто ходить по ней — на что ты ее денешь? Будешь двигать горы? Возводить за ночь города? Вызывать ураганы? На что тебе все это?

— Есть на что, — сказал Конан, и глаза его стали жесткими, как два сапфира. — Я бы выжег по земле всю нечисть — всех прихвостней Сета, почитателей Нергала! Колдунов, Черных жрецов,очных оборотней и вампиров. Все зло...

— Тебе на это не хватит жизни, — прервал его Харра. И добавил, уже ухмыляясь: — Брось ты это, мечты — они и есть мечты. Знаешь, что говорят наши мудрецы: если ты хочешь большего, чем у тебя уже есть, значит, ты не заслуживаешь и того, что имеешь. А теперь

пойду-ка я спать.— Харра сладко потянулся и снова зевнул.— Время-то позднее. Разбуди меня, когда устанешь.

Конан кивнул, и Харра, прихватив свое одеяло, скрылся в лазе, шепотом браня неустойчивые лестницы.

Послышился скрип топчана, а затем все стихло. Дом и сад стояли темными силуэтами на фоне звездного неба, только луна отражалась в бассейне внутреннего двора да горела лампада у статуи Пророка. Перед статуей, на маленьком шестиногом столике возлежал ларец резной слоновой кости, со своей крышки Конан видел, как он белеет в темноте. В этом ларце хранился свиток, главная забота ун-бashi. Каждое утро светлейший Уртан вынимал его и передавал гадальщикам, а те записывали в нем то, что Эрлик пожелал открыть им в этот день.

Никто, кроме них, не читал свитка, но Конан знал — от Великого визиря — что содержимое пергамента изначально составляло священную тайну, ибо он еще при выезде из Аграпура был исписан на третью. Великий визирь сам помогал повелителю составить и записать те вопросы, на которые государь хотел знать точный ответ.

И Конан не сомневался, что первым в списке стоит вопрос о младенце.

Огонек лампады указующе мерцал в темноте, словно приглашая любознательных прочитать предсказание. Увидев этот маяк в первую же ночь, Конан попытался воспротивиться такому легкомыслию. Но ему с величайшей серьезностью ответили, что Эрлик сам охранит сокровище. Что, мол, так заведено, и до сей поры никто не осмеливался испробовать на себе гнев божества. У ларца даже не было замка.

Утешало лишь то, что на обратный путь был припасен другой ларец, серебряный, с надежным замком — тот, в котором свиток прибыл из столицы. Не очень надеясь на бдительность бога, Конан и Харра попеременно восседали на своем посту всю ночь, время от времени слезая размяться — и заодно обойти темный сад.

Но вот к огню лампады прибавился второй огонек — зажглось узкое окно в башне. Это означало, что Магриб ибн Рудаз поднялся по витой лестнице и сейчас настраивает свои диковинные приборы. Скоро он разложит все так, как ему удобно и затенит огонь прозрачным зеленым колпаком аргосского стекла, чтобы свет не мешал наблюдать звезды. Конан следил за этой сменой огней уже четвертую ночь — с той, в которую они приехали. Поистине в свои пятьдесят лет придворный звездочет был неутомим!

Башня поднималась над домом, как минарет над храмом. Едва прибыв на место, ун-бashi немедленно обошел всю усадьбу и большой сад.

Уменьшенная копия Черной Башни Хоарезма, Башня Бахрама поднималась выше самых высоких деревьев и имела единственный вход из внутренних комнат. Лестница, ведущая наверх, и маленькая каморка под смотровой площадкой освещались узкими оконцами, и через башню в дом могли проникнуть разве что птицы и летучие мыши. Но Конан из любопытства заглянул и туда.

Луна ушла. В траве трещали сверчки да фыркали порой во сне лошади в конюшне.

Конан сидел и смотрел, как перемигиваются желтый огонек во дворе и зеленый — на башне. Из головы у него не шел вечерний разговор. Действительно ли можно достичь всего, если желание сильно и владеет всем твоим существом? И должно ли это быть лишь одно желание, или их все же дозволено иметь несколько?

— Сравняться с богами,— прошептал Конан.— Клянусь Кромом! Хотел бы я знать, что было у тебя на уме, о высокомудрый и ученый визирь, когда ты говорил мне это!

Глава 3. Ночной гость. Юлдуз

Конан, невыспавшийся и потому злой, стоял навытяжку у ореховых дверей в высокой стене, верхом которой шла галерея, соединяющая мужскую и женскую половины дома. Киммериец зевал и со скуки разглядывал китайский ковер. Птицы, изображенные на нем, рябили у него в глазах живой пестрой стаей.

Все птицы на ковре были изображены парами — он и она. Казалось, еще мгновение, — и все эти малиновки, жаворонки, пеночки, голуби и черноголовки вспорхнут в воздух влюбленными парочками... Конан едва заметно тряхнул головой, стараясь разлепить тяжелые веки. Позабыв, что накануне сам назначил в первую стражу Фархуда и себя, он замечтался и просидел на крыше всю ночь, пока не вылез встрепанный со сна Харра и не погнал его спать — те два или три часа, что оставались до рассвета. Теперь он мечтал только об одном: чтобы его стража, тягостная и скучная, как все остальные, поскорее кончилась, а тогда можно было бы немного поспать до новыхочных забот.

Из дома вышел светлейший Уртан и, поклонившись восходящему солнцу, благоговейно вынул свиток из ларца и протянул Хамиру, ибо этот, по счету четвертый, день Гадания почти целиком был по его части.

Сегодня предстояло выяснить, каковы будут урожаи, когда ждать засухи, а когда — ливней, не случится ли мора на скотину или нашествия прожорливой саранчи с берегов Стикса. Все это узнавалось при помощи раскинутых зерен пшеницы, бобов и риса, и бархатные мешочки с освященными в столичном храме Эрлика зернышками от лучшего урожая прошлых четырех лет уже лежали на больших, во все три стола, листах прокаленной меди.

Уртан с важностью уселся на коврах, сплошь застилавших двор до самой калитки, и кивнул.

Это был знак одновременно и почтенным мудрецам, и мухобою из его свиты, который немедленно взялся за роскошное опахало из павлиньих радужных перьев, дабы мухи и пчелы не помешали благочестивому созерцанию обряда. В гадании Великий визирь не понимал ровным счетом ничего, и его присутствие на церемонии было еще менее обязательно, чем Конана и Фархуда, стоявших у резной калитки, скрестив обнаженные серебряные сабли. От стражей была хоть какая-то польза: ни один злой дух, как известно, не посмеет войти в дверь, охраняемую серебряным оружием. Сабли эти, с рукоятями чистого золота, изукрашенные огромными рубинами, лалами и посвященным Эрлику солнечным камнем, а также другими камнями удачи и счастья, в первый день очень занимали Конана. По окончании церемонии он незамедлительно опробовал свою саблю на кустах ежевики в саду, но, убедившись, что этим клинком нельзя зарубить даже цыпленка, потерял к церемониальному оружию всякий интерес. И визирь, и стражи изнывали со скуки. Но визирь уйти не мог, а солдат можно было менять, чем Конан вовсю и пользовался. Каждая церемония гадания — а они были расписаны на все десять дней заранее — продолжалась примерно с восхода до полудня, и за это время у калитки сменялось по три пары стражей.

Зерна с веселым дробным стуком тонкими струйками посыпались из ладоней Хамира на медь, раскатились по коврам. Некоторые, отскочив, попали в бассейн.

Хамир принял обходить столы, разглядывая получившиеся россыпи с одной и с другой стороны, что-то бормоча себе под нос. Остальные ждали его выводов, изредка вставляя в его

бормотание непонятные Конану фразы:

«Планета войны во втором доме, следовательно, этот рисунок надо рассматривать со стороны заката...»

«В этот год гадание на урожай выпало на пятый день ущерба, значит, все упавшие зерна надо толковать в обратном смысле...»

«В воду упало десять, пятнадцать и тридцать, это скверный знак для пшеницы, но лишь на третий год и то, при внезапной новой женитьбе повелителя...»

Одно бобовое зернышко подкатилось прямо под ноги Конану, остановившись у самого его сапога. Оно легло точно в раскрытый клюв ласточки, вытканной на ковре, и Конан улыбнулся. «Как бы ты истолковал это, почтенный Хамир?»— пробормотал он. Как ни тихи были его слова, их услышал Магриб, стоявший в пяти шагах от киммерийца.

— О чем ты говоришь, мой ун-бashi? Твои глаза орла увидели что-то, что пропустили мы?— живо обернулся он к Конану.

Тот двинул подбородком, указывая на зерно.

— Подойди-ка сюда, Хамир,— позвал Магриб.— Что ты на это скажешь?

— Скажу, что ты был прав, говоря о птицах по второму году. Следует беречь весенние посевы.

Он двумя пальцами поднял зерно к подслеповатым глазам.

— Да, да, оно еще и с трещиной!— Он обернулся к хозяину дома и весело сказал:— Твой ковер тоже стремится принять участие в гадании, почтенный Бахрам. Может, он волшебный? А это зернышко надо посадить и посмотреть, прорастет ли оно...

— Ты неистощим на шутки, о, прозорливый и остроумный Хамир!— отозвался Бахрам с фальшивой улыбкой, не слишком удивившей Конана после вчерашнего рассказа Фейры.

— У меня есть подходящий горшочек, мне привезли его из Вендии, страны факиров. Если что-то не прорастает в нем, значит, оно не прорастет нигде.

В саду послышались шаги, и у калитки появились Харра с Альмидом и Закиром, братьями-близнецами. Конан с облегчением отсалютовал, передавая серебряную саблю Закиру, вставшему на его место. Тот ответил таким же салютом, скрестил свой клинок с клинком брата, и стражи замерли живыми изваяниями.

Выйдя из сада, Конан объявил:

— Я ложусь спать. Если ничего не случится, разбуди меня, когда солнце сядет на верхушки тех карагачей.

— Ладно,— с готовностью ответил Харра и добавил: — Только вот...

— Что?— нахмурился Конан, отлично знавший, что означает это «ладно, только вот».

Хорошо изучив крутой нрав своего ун-бashi, Харра любое возражение начинал с согласия.

— Ну, говори, чего ты хочешь?

— Да я обещал ребятам город показать... И скучно им, и впервые здесь все. Растрясли бы немного кости, глядишь, повеселее бы стали, а?

Конан и сам подумывал, что пора его соколам немного проветриться, а то как бы и впрямь не закисли от скуки и безделья. Самым старшим в его отряде был двадцатипятилетний Фархуд, ибо ун-бashi отбирал себе парней молодых и сильных. Уныние однообразного караула и ежедневные тренировки в качестве единственного развлечения могли привести к взрыву. И так во время вчерашнего купания Хасим и Альмад, увлекшись, едва не утопили Фархуда.

— Нергал с тобой, хитрая ты рожа. Бери половину отряда, и идите, развлекайтесь. Но чтоб к вечеру все были в казарме, неважно, сколько вы там выпьете, хоть по бочонку на брата!

— За этим я прослежу, не тревожься,— поспешил его заверить обрадованный Харра. — Ихор тебя разбудит, он только что ловил за озером сусликов, попал в нору и вывихнул ногу. Пусть сидит теперь дома, вперед умнее будет.

— Начинается,— проворчал Конан.— Сейчас я ему вправлю кое-что вместо ноги... Где он?

— В роще, в тенечке. В холодной воде плещется, к утру будет уже на ногах. Иди лучше, ложись. Мне все равно еще третью стражу разводить.

— Угу,— кивнул ун-бashi.

Добравшись до своего топчана, он заснул раньше, чем закрыл глаза.

А Харра дождался конца церемонии, располовинил отряд, определил каждому из оставшихся в усадьбе дело на вечер, велел Ихору сторожить ун-бashi и, оседлав лошадей, отправился в город. С ним поехали близнецы, Фархуд, Хасим и Рустад.

Они ехали не торопясь, поскольку до вечернего закрытия ворот было еще много времени, а Харра заявил, что не пристало им, воинам владыки, нестись к веселым кварталам Хоарезма сломя голову. Всему свой черед. Отряд ленивой рысью трусил по дороге, обгоняя пешеходов и медлительные караваны, бесконечной чередой бредущие к Восточным воротам.

Приближался Праздник Откровения Пророка, и торговцы спешили заполнить товарами шумный праздничный базар, чтобы потом не кусать себе локти с досады, упустив барыши бойкой торговли.

Впереди уже маячили белые городские стены, над ними вставали голубые купола и острые иглы минаретов. Но выше храмов, выше тонких, пронзающих небо золоченых шпилей дворца вздымалась над городом огромная башня темного камня, одиноко подпирающая небо плоской зубчатой вершиной.

— Что это за страшилище?— поинтересовался Фархуд, тыча пальцем в мрачного колосса.

— О, это штука знаменитая: Черная башня Xтоорона!— ответил Харра.— Рассказывают, что когда-то, когда еще не было единого государства Туран, а были только города-эмirateы, правил в Хоарезме ленивый и трусливый эмир, во всем полагавшийся на своего Великого визиря, а тот был колдун и наполовину стигиец. И он велел выстроить себе эту Башню и жил там, как скорпион в норе. По ночам он превращался в летучую мышь-вампира, летал по городу и сосал кровь у младенцев, еще не введенных в храм Эрлика. А потом хоарезмцы, не выдержав тягот податей и поборов, поднялись против эмира, сбросили его с трона, убили колдуна и призвали младшего брата тогдашнего эмира Аграпура править в Хоарезме. А Башня осталась, теперь это проклятое место. В нее замуровывают самых отпетых злодеев, и они умирают там в муках голода и жажды.

— Веселенькое mestечко! — отозвался Альмид. — Ну а что-нибудь вроде нашего «Красного сокола» здесь есть?

— Есть и лучше. Вот въедем в город, я все покажу.

Стража у ворот, завидев черно-белые чалмы на шлемах и солнцегревого льва на кольчугах приезжих гостей, без лишних слов пропустила друзей в город.

Вслед им завистливо смотрела толпа людей попроще, верхом на ишаках и мулах, а то и просто пеших, длинной вереницей выстроившаяся перед сборщиком въездных податей.

Многие жители окрестных селений и малых городов приезжали в Хоарезм на Праздник Откровения: кто по делам, кто ради прибыльной торговли, кто просто поглазеть на Шествие Жрецов и прочие пышные церемонии. С каждого приезжего взымалась пошлина: по закону — в зависимости от цели приезда, а на самом деле — от того, насколько глупо и богато он выглядел.

Задержавшись у ворот, Харра и солдаты некоторое время стояли в боковой улице и наблюдали за виртуозной работой сборщика. Караванщик с пятью верблюдами заплатил меньше, чем караванщик с десятью. Усталая женщина с двумя детьми верхом на старом ослике отдалась двумя медяками, а разодетый увалень, как видно, сын деревенского старейшины — в пестром халате, подпоясанном иранистанской шалью, в сапогах красной кожи, с медовой лепешкой в руке, — отдал три золотых. «За право присутствовать на Празднике, за нарушение последнего фирмана о роскоши, приличествующей именитым гостям, но не простолюдинам, и пеня на поддержание дорог в таком виде, в каком ты застал их, о, путник — твои сапоги даже не запылились!» — равнодушно-нравоучительно перечислил сборщик.

— Смотрите, дети мои, и учитесь, — велел Харра потешающимся солдатам. — Этот простофиля был наказан сообразно собственной чванливой глупости. Ручаюсь, что сапоги он начистил до блеска сам, перед въездом в город, а фирманс о роскоши этот искусный облегчитель кошельков придумал сегодня утром. Всегда приятно иметь дело с настоящим мастером!

— Ладно, Харра, теперь веди нас в какую-нибудь «Кабанью голову» или «Тухлого дракона», а то в глотке у меня уже пыльная буря!

— Есть тут одно местечко возле самой базарной площади. Поехали, здесь недалеко.

«Местечко» называлось «Три негодяя», чем заранее вызвало вопли восторга у проголодавшихся солдат. Лошадей они оставили на проворного мальчишку, который, поймав на лету монетку, тут же кинулся ставить их у коновязи. Войдя в полутемный, с низким, прокопченным потолком общий зал, Харра быстро отыскал стол в самом прохладном углу, выкинул на улицу спавшего за ним пьянчужку, и, вернувшись в таверну, громогласно возвзвал:

— Руга, сердце мое, где же ты?

Из кухни высунулась замызганная мордашка какого-то мальчугана и, пискнув «ой!», быстро исчезла. Солдаты покатились со смеху.

— Ну и вкус у тебя, Харра! А как же фирманы о растлении малолетних? Да еще и мальчиков! На кол тебя, Харра!

— Руга, старая потаскушка! — рявкнул Харра во весь голос. — Мы умираем от голода и жажды!

— Кто это тут старая потаскушка? — раздался из кухни возмущенный ответ, и в дверях появилась хозяйка с кочергой в руках. При виде шестерых солдат нахмуренные ее брови сразу разошлись.

— Ах, доблестные воины, простите, я думала, опять этот несносный маслодел. Вечно напьется и начинает орать непристойности. Что желают столичные гости?

Хозяйке было, наверное, лет тридцать, но выглядела она чуть старше. Была она дородна, высока и белокожа. У нее были зеленые, чуть раскосые глаза и темно-рыжие волосы, что вкупе с широкими скулами и прямым, изящным носиком говорило о ее северном происхождении.

С кочергой в руках она была настоящим воплощением Бригутты, воинственной девы-

стражка, что, по поверьям асиров, уносит души павших воинов с поля брани.

— Не узнаешь ли ты меня, пышнотелая Рута? — сладким голосом позвал Харра.

Хозяйка взгляделась в него и вдруг кинулась на шею, едва не зашибив кочергой шарахнувшегося Фархуда.

— Харра! Старый греховодник! — визжала Рута в восторге. — А как изменился! Неужели ты и впрямь состоишь в дворцовой гвардии Повелителя Илдиза?

— Как видишь, — не без гордости ответил Харра. — Вот, привел тебе постояльцев. Смотри, как уставились на твои бока.

Рута кокетливо крутанулась на одной ноге.

— И как я твоим бесстрашным тиграм?

— Хороша! — искренне восхитился Фархуд. — Не хуже нашей Пилы. Эй, хозяйка, а еще такие же, как ты, у тебя есть?

— У меня есть все, что нужно настоящему мужчине, — Рута лукаво улыбнулась, блеснув белоснежными зубами, отчего сразу помолодела. — Может, пройдете во внутренний двор? Здесь душно, да и всякого сброду заходит немало.

В мгновение ока на выбранном для них Рутой столе в тени увитой плющом стены появились дымящиеся, блюда и миски, а к ним золотистое хоарезмское вино в огромных стеклянных кувшинах. Хорошенькие девчонки, подававшие кушанья, глаз не сводили с молодых воинов, качая бедрами так, словно уже год не видали мужчин. Пользуясь послеполуденным затишьем в таверне, Рута подсела к давнему приятелю и его друзьям.

— Я все не могу поверить, что это действительно ты, мой ветреный Харра! — повторяла она. — А эти молодцы — твои, или ты пока простой наемник?

— Зная скромность нашего Харры, я тебе отвечу, хозяйшка, — вмешался Закир. — Он — правая рука нашего грозного ун-бashi, непобедимого Конана из Киммерии. И когда Конана сделают кир-бashi, а случится это, видимо, очень скоро, Харра займет достойное место в его дюжине дюжин! А мы придем проситься в его отряд, верно, ребята?

— Вот ведь болтун! — сказал польщенный Харра. — На коленях приползешь — не возьму.

— Смируйся! — жалобно застенал Закир, молитвенно сложив руки, предварительно облизав жирные пальцы. — Бери у меня что хочешь! Вот это перчик? Или ножку индейки? Только оставь при себе! Я заchaхну! Утоплюсь! Уйду в разбойники!

— Сжался над нами, недостойными! — тут же радостно завыли остальные, подхватив забаву. Фархуд и Альмид рухнули на колени, благо дощатый помост над бассейном с фонтаном был застлан чистыми циновками. — Не оставь прозябать в безвестии! Вот урюк и медовые лепешки. — Блюдо с урюком плюхнулось Харре на колени, сверху посыпались лепешки. — Не хочешь ли ты еще ароматного плова или сладкого вина? — И кувшин, полный золотистого, прозрачного напитка угрожающе завис над штанами Харры.

— Уймитесь, шутники, забери вас Нергал! — отбивался от них Харра. — Конана на вас нет! Куда вам еще в разбойники, вы и так хороши!

Глядя на их возню, Рута хотела заливисто, словно девчонка:

— Так его! Будет знать, как исчезать на три года и не слать ни одной весточки!

— Кстати, о разбойниках, — хитрый Харра знал, чем утихомирить своих расходившихся молодцев. — Почему «Три негодяя»? Ведь еще три года назад их было четыре.

— О, это целая история, — отозвалась Рута, сразу перестав смеяться. — Одним уже стало меньше.

Все заинтересованно повернули к ней лица, и Харра, воспользовавшись этим, быстро разлил по кружкам вино, едва не выплеснувшееся на его новые штаны.

— Расскажи им, они ведь не знают твоей истории. Народу пока нет, а если кто придет, твои девочки с ним управлятся.

Рута не заставила себя долго упрашивать. Отпив из кубка, она вздохнула и начала:

— История моя проста. Родом я из Асгарда, ледяной страны далеко на севере от этих благословенных мест. Я пасла птицу и скот, помогала матери вести дом и заботиться о моем младшем брате. Однажды ночью, среди зимы, на нашу деревню напали гиперборейцы, сожгли ее дотла и перебили всех взрослых мужчин. Деревня наша была маленькой и небогатой, никакой корысти разорять её не было. Кроме одной: рабы. Все, кто остался жив в пожаре и битве, а это были старики, женщины и дети, были угнаны в рабство. Моя мать и брат замерзли насмерть на переходе через ледяные пустоши, а меня продал на рынке в Халоге убийца моего отца и старших братьев — Инвард Рыжебородый. Мне было тогда десять лет от роду, я обещала вырасти в красавицу...

— Ты и сейчас хороша, как спелое яблочко,— ввернул Харра.

— Ну, нынче яблочко уже перезрело,— отмахнулась Рута и продолжала:— Меня купил один бритунец вместе с еще несколькими женщинами — и увез через горы в свою страну. В его доме нас приняли, как гостей, и три луны заботились о нас, кормили и не обременяли никакой работой. Бритунского языка я не знала и не понимала почти ничего из разговоров прислуго. А потом Сим Смайт, мой хозяин, снарядил караван в Замору и продал нас еще раз, но уже гораздо дороже, поскольку откормил и приодел. В серале шадизарского вельможи я провела пять лет, и это были самые счастливые годы моей жизни. Этот человек не отказывал мне ни в чем, обучил игре на цитре и флейте, танцам и еще кое-чему. Но, как бы он ко мне ни относился, я все же была рабыней, и когда бывший у него в гостях купец из Шема, Иохаан, предложил за меня тысячу золотых, мой хозяин не устоял. Он был уверен, что Иохаан влюбился в меня с первого взгляда, раз заплатил такие деньги. Из его дома я уехала, как принцесса: с кучей добра, тряпок и украшений. Но по дороге к Шему я случайно узнала, что везут меня вовсе не в дом купца, а в Птейон. Владыка Черного Круга нуждался в девственнице северных кровей для какого-то мерзкого колдовского опыта и обещал Иохаану большие деньги, если тот доставит требуемое в короткий срок. Шемит собирался уже ехать в Халогу, а тут подвернулась я. Ну, я не стала ждать и сбежала на границе Кофа. Украла лошадь и кое-что из безделушек и скакала всю ночь, пока бедная кобыла не выбилась из сил. Потом я едва не погибла в пустыне, но добралась все же до Хаурана. Там я встретила человека, который первый взялся помочь мне просто так, ни за что. Я была измучена и больна, и с радостью доверились ему. За мои украшения мы выручили неплохие деньги, и год жили в счастье и согласии.

Потом деньги кончились, и я вспомнила, что неплохо танцую. Мы продали его маленький дом и купили ослика и повозку. Мы странствовали из города в город, я плясала и пела на базарных площадях, он варил бобовую похлебку, и мы были совершенно счастливы. Ну, словом, мы попали в Туран. Были и в Аграпуре, и в Шангаре, пока не приехали в Хоарезм. И здесь он продал меня в веселый дом, а сам удрал. Ну, я поплакала, конечно... А потом подумала: моя мать была правнучкой самого Хенгеста Отважное Сердце, хоть он никогда и не узнал об этом.

И стала копить деньги. Я копила их десять лет. А потом выкупила себя из «Услады Иштар» и приобрела этот трактир. Мне понравилось его расположение и название: «Когти

льва». Но я переименовала его в «Четыре негодяя». И с тех пор мои девочки в каждый торг на невольничем рынке ищут того шемита, бритунца и гиперборейца. Хотя Инвард, наверное, уже умер, если не от старости, то в какой-нибудь битве. Но пока до меня не дошло известие о его смерти, я не буду менять названия.

— Так почему «Три»? — снова спросил Харра. — Того неверного возлюбленного ты уже поймала?

— Да, он появился здесь полгода назад, — не без удовольствия ответила Рута. — Очень обрадовался, увидев меня живой и невредимой, говорил, что раскаивается в содеянном зле.

— И что же? — как мог наивнее спросил Закир.

— Я накормила и напоила его почти до беспамятства, а потом мы с моими девушками залюбили его до смерти, — безмятежно сказала Рута и улыбнулась. — Одним негодяем на моей вывеске стало меньше, и когда-нибудь я надеюсь залучить сюда всех остальных.

— Вот славно женщина! — восхитился Закир. — Я тоже не прочь умереть такой смертью!

За время рассказа Руты почти все, что еще оставалось на столе, было выпито и съедено, и хозяйка позвала одну из девушек, сновавших по помосту от столов в кухню и обратно — в трактире уже было довольно много народа.

— Инрида! Принеси вина сюда, да прихвати еще сладкого снега, и халвы, и фруктов!

Спустя недолгое время смуглокожая красавица Инрида явилась со всем перечисленным и, выставив это перед гостями, принялась собирать пустые блюда.

— Оставь, я сама унесу. Погляди-ка на этого красавчика. — Рута ткнула пальцем в широкую грудь Закира. — По нраву он тебе?

— По нраву, — улыбнулась Инрида. — И впрямь красавчик.

— Тогда пойди и сделай с ним то, что мы впятером сделали с... ты знаешь, с кем. Надеюсь, твои воины достаточно живучи, Харра? Инрида — девушка редких дарований.

Но Закир, не слушая ее язвительных речей, медленно поднялся со своего места, подхватил взвизгнувшую девушку поперек талии, молча взвалил на плечо, в свободную руку взял один из еще полных кувшинов и вопросительно посмотрел на хозяйку.

Рута в восторге захлопала в ладоши.

— Вон в ту дверь и налево вверх по ступеням! В свободных комнатах снаружи торчит ключ. И если народу будет не очень много, видит Эрлик, я к вам присоединюсь!

— Э, нет, — запротестовал Харра. — А мы тут, что же, останемся одни?

— На втором этаже хватит комнат еще на десять человек, можете разбредаться хоть все разом, — весело ответила Рута. — А чтобы вы не скучали, я сейчас пришлю сюда девушек.

Словно по мановению волшебного жезла на помосте появились пятеро нагих красавиц. Их длинные волосы были подобраны, и ничто не мешало любоваться их прекрасными телами. Девушки скользнули в бассейн, откуда-то сверху послышалась музыка, и начался медленный, но по-своему очень красивый танец обнаженных тел в прозрачной воде.

— Вот это да! — выдохнул Хасим. — Такого в «Красном Соколе» не увидишь!

— У Руты — одно из самых лучших заведений в Хоарезме, — ответил Харра. — Она мудрая женщина. В первом зале тесно, душно и дешево, а здесь — прохладно, просторно и дорого. Но из первого зала одним глазком можно подсмотреть, что творится здесь, и это привлекает туда толпы народа. И рано или поздно какой-нибудь из скромных до поры до времени посетителей правдой и неправдой собирает деньги и появляется здесь, на помосте. А уж Рута не смотрит, сколько дыр у него в халате.

Солдаты, как зачарованные, смотрели на игру морских дев. Те плескались в бассейне, словно разноцветные русалки всех морей. Одна из них была явная кушитка с темно-коричневой кожей, полными губами и жесткими, выющимися волосами. Были здесь и светловолосые северянки, и смуглые турецкие красавицы. Похоже, Рута ходила на невольничий рынок не только затем, чтобы искать людей, когда-то ее предавших.

Танец кончился, музыка смолкла, пятеро посетителей поднялись из-за столов и вытащили девушек из бассейна. За столы они, конечно уже не вернулись.

— А хватит ли на нашу долю? — забеспокоился Фархуд.

— Ты не слышал, что сказала Рута? Она десять лет провела в веселом доме. У нее все поставлено на широкую ногу, отсюда еще никто не уходил обделенным, — заявил Харра. Он сидел на своем стуле, развались и прислонившись спиной к стене. — Что касается меня, то я предпочту немного протрезверть. Это вино ударяет в голову. А с девушками Руты негоже встречаться бесчувственным чучелом.

— Да ты разве пьян? — удивился Альмид. — Видел я тебя после третьего кувшина заморанского, вот это было действительно...

Но тут в трактире через общий зал ввалилась пестрая толпа — флейтисты, барабанщики, факиры и танцовщицы. В центре этого шествия вышагивал юноша в богатых одеждах, невысокого роста, узкий в плечах и бедрах. Его поразительной красоты лицо с чуть раскосыми темными глазами было невозмутимо, как вода горного озера. Он вскинул тонкую руку, и свист флейт, бой барабанов и скачки акробатов тут же прекратились. Юноша учтиво поклонился всем присутствующим:

— Да простят мне мою дерзость все, кто вкушает от услад этого заведения! Я приглашаю сегодня всех пить и есть за мой счет, и если вы прислушаетесь, то, несомненно, уловите шум в том зале, ибо я велел угощать от моего имени всякого, кто войдет туда, сколько бы он ни выпил или съел. Прошу вас, нежные девы.

Приведенные им танцовщицы бросились помогать девушкам Руты, флейты и барабаны завизжали и загремели снова, еле слышные в восторженном реве посетителей, с энтузиазмом принявших приглашение расточителя. Факирбросил в бассейн щепоть семян, и мгновение спустя вся поверхность воды покрылась цветущими лилиями. Это вызвало новые одобрительные вопли.

— Что-то здесь становится шумно, — проворчал Харра. — Эй, парень, пошумел и выметайся отсюда! Слышишь, что я сказал? Забирай свой балаган и выметайся!

— Да ладно тебе, — вмешался Фархуд. — Смотри, что вытворяет тот вендиец!

Смуглый тощий факир распылил горсти цветной пыли направо и налево. Она взлетала стайками сверкающих, словно драгоценные камни, крошечных птичек, разноцветных большекрылых бабочек и стрекоз. Слова Харры не встретили поддержки и за другими столами, а он был достаточно пьян, чтобы, разозлившись, вскочить и схватиться за меч.

— Убирайся, парень! Кичись своим богатством где-нибудь в другом месте!

Факир подскочил к Харре и выпустил стайку птичек прямо на него. Воин досадливо отмахнулся и шагнул ближе к чудному богачу. Юноша повернулся к нему холеное, с тонкими чертами лица.

— Почему мы должны пить за твое здоровье? — бушевал Харра, не обращая внимания на укоризненные уговоры своих друзей. — Кто ты такой, что пришел сюда и превращаешь в балаган лучший трактир Хоарезма? Если ты приезжий — а по твоей внешности не скажешь,

что ты турец, — веди себя в нашей стране так, как хотим мы!

Незнакомец взмахнул рукой, и столпотворение стихло, словно и не было.

— Я вижу на ваших кольчугах льва с гривой из солнечных лучей,— с поклоном сказал юноша Харре, одновременно обращаясь и к остальным солдатам.— Значит ли это, что вы прибыли из Аграпура и состоите в войске Повелителя Илдиза?

Он произносил слова турецкого языка без какого-либо акцента, более того, Харра услышал тот своеобразный выговор, который свойствен только хорезмцам.

— Да,— еще напряженно, но уже без злости ответил он. — Мы из Аграпура. И действительно состоим в войске Повелителя.

— Тогда мой священный долг — принять вас в Хорезме, моем родном и, смею заметить, гостеприимном городе, — ответил юноша с новым поклоном.— Но помимо этого у меня есть и еще один повод навязывать вам угощение. Шесть дней назад умер мой отец. Умирая, он завещал мне раздать все его богатства, что я с успехом и не без пользы для других делаю уже седьмой день. Труд мой уже близок к концу, а потому не откажитесь потратить немного моих денег и выпить за то, чтобы душа моего родителя не скорбела среди уныния Серых Равнин. Если же вам мешает шум — извольте.

Обернувшись к сопровождавшей его пестрой толпе, он достал из-за пояса мешочек с деньгами и кинул им, сказав:

— Благодарю вас, друзья мои. Более я в ваших услугах не нуждаюсь, ибо эти деньги у меня последние. Теперь делайте, что вам угодно: хотите — веселитесь вместе со всеми в общей зале, хотите, — расходитесь по домам.

Танцовщицы, музыканты и факиры удалились, пятясь и усердно кланяясь щедрому юноше. Взрыв воплей и свиста, раздавшийся в общей зале, сказал о том, что не все из них успели уйти.

— Так лучше?— обернулся к Харре незнакомец.

— Парень, ты начинаешь мне нравиться,— заявил Харра.— Садись к нам, и мы выпьем за твоего отца, прими Эрлик его душу, и за отца его отца, и за всех твоих предков. Как твое имя?

— Юлдуз,— просто ответил юноша, садясь на свободный табурет.

Харра многозначительно посмотрел на саблю, выглядывающую из-под полы нового знакомца.

— Юлдуз ибн... м-м?

Юноша рассмеялся, взмахнув маленькими и тонкими в запястье, как у женщины, руками.

— Просто Юлдуз, — ответил он. — Мой отец был в Хорезме всего лишь ткачом. Правда, богатым и знаменитым далеко за пределами этого города, так что сумел дать мне воспитание, достойное сына князя. Но я и сам неплохой мастер, а катану нопу лишь потому, что это память. Отец вывез ее из Кхитая, откуда он родом, и сохранил, не продавая даже в самые черные времена.

— Могу я посмотреть?— сощурился Харра.

Юлдуз молча вынул меч из ножен и протянул Харре, изящным и ловким жестом вывернув оружие рукостью вперед. Это не осталось незамеченным.

— А драться ты им умеешь?

— Думаю, что смогу защитить себя, если потребуется.

— Ну-ка, Рустад, ты ближе всех к кувшину, налей нам вина,— распорядился Харра,

крутя в ладонях катану.

Меч был великолепен, не удивительно, что юноша не хотел с ним расставаться. В его поверхность можно было смотреться, как в зеркало, до того она была чиста. Клинок был длиннее обычной сабли и имел более плавный изгиб. Маленькая круглая гарда изображала двух сплетенных в схватке драконов, и дракон, грызущий копье, был искусно выгравирован у основания клинка.

Рукоять, обвитая переплетенными шнурями, сама просилась в ладонь.

— Вот бы нашему ун-бashi его показать,— выдохнул восхищенный Фархуд.— Никогда я раньше таких клинков не видывал.

— Да, Конан бы оценил твой меч, Юлдуз,— кивнул Харра, возвращая оружие юноше.— Что ж, мы собирались выпить. За твоего отца, Юлдуз, не мог он быть простым человеком, если хранил такой меч!

— Благодарю тебя, благородный воин. Не могли бы вы тоже назвать мне свои имена?

Харра перечислил всех, включая себя, и добавил:

— А Закира утащила смуглянка, они наверху. Эй, Рута! У нас стало на одно горло больше, и это горло утверждает, что за все заплачено! Мы хотим еще вина и такого же чудного барашка, с какого начали!

В ответ откуда-то из кухни донесся звонкий смех хозяйки, и три проворные девушки мигом прибрали со стола и натаскали новых блюд и кувшинов — полных взамен пустых.

— Пойду, проведаю брата, — заявил вдруг Альмид, сграбастал одну из девчонок в объятия и наградил звонким шлепком по упругому заду.— Ну-ка, красотка, где у вас тут зацеловывают насмерть?

— Наши ряды пустеют,— с пьяной грустью откомментировал его уход Харра.— Кто следующий?

— Пожалуй, что я,— отозвался Рустад и отправился к бассейну, где снова плавали девушки. Выловив русалку себе по нраву, он тоже ушел наверх.

— Ешь и пей, Юлдуз,— сказал Харра, придвигая дымящееся жаркое ближе к юноше.— Не знаю, в самом ли деле был тот кошелек у тебя последним...

— Увы!— рассмеялся Юлдуз.— Больше у меня нет ничего, даже дома, ибо и его я продал, а деньги потратил. Я честно исполнил волю покойного родителя — и теперь могу отправляться на все четыре стороны!

— Тогда... — уже несколько заплетающимся языком вымолвил Харра,— тогда мы сейчас выпьем за послушных сыновей... Даже если они настолько глупы, чтобы быть послушными, — неожиданно заключил он.

И они выпили за послушных сыновей, за глупых сыновей, за умерших родителей и живых родителей, потом выпили за новых друзей и старых врагов, потом еще за что-то, а потом принялись петь — совсем негромко и мелодично, но почему-то распугали этим всех остальных посетителей. Нагие девушки уже не плавали в бассейне, а сидели у них на коленях и смеялись и пили вместе с ними. На коленях у Харры сидела Рута, смеясь громче всех. Вокруг стола рядами выстроились пустые кувшины.

Наконец Юлдуз, который, похоже, не был подвержен хмельному действию вина и единственный из всех сохранял еще ясность мысли, поднялся со своего места.

— Друзья мои! Как ни жаль мне покидать ваше общество, но уже темнеет, и будет нехорошо, если ночная стража застанет нас здесь в поздний час. Мне бы не хотелось завершать нашу пирамиду в тюрьме за нарушение порядка и возмущение спокойствия. К тому

же мне еще нужно найти, где переночевать...

— Что за речи! — закричала Рута. — Ночуй у меня, господин мой, ты оплатил все расходы с лихвой!

— Н-нет! — встярал вдруг Харра. — Он пойдет с нами! Конан будет несчастен всю жизнь, если не увидит его меча... Пойдешь с нами, Юлдуз? Мы возьмем у Руты взаймы лошадь...

— Ну... В общем-то, мне все равно куда идти... — пожал плечами юноша. — Можно и с вами.

— А где вы, кстати, стоите? — спохватилась вдруг Рута. — Чтобы мне знать, у какой коновязи искать потом свою лошадь!

— В доме почтенного астролога Бахрама, — ответил за Харру Фархуд. — Наш отряд охраняет его усадьбу, пока идет Весеннее Гадание.

— В доме почтенного Бахрама? — переспросил Юлдуз, изменившись в лице. — Друг мой Харра, а не поторопиться ли нам в таком случае? Дом Бахрама, насколько я знаю, находится вне городских стен, а ворота скоро закроют! Скажи, добрая моя Рута, могу я оставить пока у тебя небольшой узел? Там нет ничего особенно ценного, но будет жаль, если он пропадет.

— Оставляй хоть верблюда с полным грузом! — весело отозвалась хозяйка и затормошила дремлющего Харру, — эй, дружок, ворота и впрямь скоро закроют! Так что решайте живее — ночуете у меня или едете домой!

— Вер-рно, разрази меня Кром! — энергично кивнул Харра, просыпаясь и отвешивая старой подружке шлепка. — Рута, беги тормоши моих ребят, пусть вылезают из постелей, если еще живы! Мы едем!

Рута нехотя слезла с его колен и направилась наверх, ворча:

— Могли бы и остаться...

— Кром? — удивленно переспросил Юлдуз. — Я полагал, бесстрашный Харра, что ты туранец...

— Я — туранец, — подтвердил Харра, — конечно, туранец! Мы встаем! Иначе мне достанется — не от Крома, так от его сына...

— Я не понимаю... — начал было Юлдуз, но Фархуд и Хасим со смехом пояснили:

— Мы все туранцы и чтим Эрлика и Тарима, Его пророка, и Харра также чтит его, но наш ун-баши — киммериец, сын Крома, Владыки Могильных Курганов.

— Да, и сын грозного бога нарежет нам ремней из спины и присыплет солью, если мы не вернемся вовремя!

— Теперь я понял, — улыбнулся Юлдуз. — А вот и ваши герои любовных битв!

«Герои» имели вид весьма потрепанный — видно, девушки постарались на совесть. Вся компания вывалилась на улицу и с горем пополам расселась по лошадям, что было нелегкой задачей, ибо Рута и ее красотки висли у воинов на шеях, перецеплевая всех по три раза и, требуя непременно приехать еще. Рута вывела Юлдузу тонконогую, вздрагивающую со сна кобылу, и Харра, хоть и был пьян, но сумел отметить, что с седлом парень управляет довольно ловко.

— Ну, прощай, Рута! Теперь мои орлы к тебе дорогу знают, не заблудятся! Хей, Хей, поехали!

Прохлада ночи и мысль о вот-вот закрывающихся воротах отрезвили их достаточно, чтобы выдержать галоп.

Они успели в последний миг — стражи уже задвинули одну створку. Во весь опор

маленький отец промчался мимо зевающих стражей и скрылся в наползающем с моря тумане. В усадьбе они были еще до полуночи.

— До чего хороши! — оценил их Конан, со смехом глядя, как они вылезают из седел — словно тюки с кхитайскими шелками, когда их сбрасывают с верблюдов караванщики. Ничего другого ун-баши от поездки в город и не ожидал. — Ну-ка, Омра, Рамас, волоките их к озеру, да по три кувшина ледяной воды на голову каждому, а то их завтра и набат не разбудит! — Тут он заметил седьмого всадника и нахмурился. — А это еще кто?

Харра, совершенно прозревший за время скачки, подвел к нему Юлдуза.

— Это наш гость! — объявил он. — Его имя Юлдуз, и четверть луны назад у него умер отец, и это все, что я о нем знаю, кроме того, что он — славный парень, и истратил на наши утробы и глотки последние деньги. Мы решили, что должны отблагодарить его.

Юлдуз нагнулся голову в вежливом поклоне.

— Что ж ты, мальчик, взялся кормить этих ненасытных, разве по их лицам не видно, на что они способны! — сказал Конан, без улыбки глядя на юношу.

— С твоего позволения, ун-баши, я уже давно не мальчик, во всяком случае, не больше, чем ты сам, — наконец, негромко ответил Юлдуз. — А что до моих безрассудств, то от них нет вреда никому, кроме меня самого.

— Да ты дерзок, молодой петушок! — рассмеялся Конан. — Немногие отважились бы на такой ответ Конану Киммерийцу! Оставайся, если хочешь, утром мы посмотрим, чего ты стоишь.

— Благодарю тебя за гостеприимство, сын Крома. — Юлдуз с достоинством поклонился и направился расседлывать и чистить свою лошадь.

Конан, высоко вздернув черные брови, посмотрел ему вслед и обернулся к Харре. Тот улыбался, донельзя довольный собой.

— Ну, не молодец ли я, что привез его? Зверей такой породы ты еще не видел?

Киммериец покривил рот и проворчал:

— Завтра мы дадим ему в руки меч и посмотрим, не напустит ли он в штаны. От тебя разит вином, Харра. Иди, вылей на себя воды хотя бы в половину того, что выпил!

Глава 4. Ночные шорохи. Свиток

Конан вертел в руках катану, ловя полированным металлом первые лучи восходящего солнца. Рядом разглагольствовал Харра, в лицах изображая их вчерашний поход.

— И тогда я сказал себе: Харра, твой ун-баши будет всю жизнь несчастен, если не увидит этого меча! Ну, одолжи у Мейры серебряное зеркало и посмотри на свои горящие глаза, а после этого посмей сказать, что я плохо сделал!

— Вот это меч,— не слушая болтовни Харры, благоговейно вымолвил Конан. Глаза у него и, в самом деле, горели. — Где же куют такие мечи? В Кхитае?

— Даже в Кхитае эти мечи — редкость,— с улыбкой заметил Юлдуз.— Во всем подлунном мире их не более трех дюжин. А куют их на островах, что лежат за Кхитаем еще дальше на восход солнца. Раз в сто лет приходит оттуда корабль, и среди прочих удивительных вещей бывают там и катаны. Говорят, их куют не один десяток лет, давая металлу вылежаться в торфяном болоте, в земле, на дне морском и еще Эрлик знает где. Но доподлинно о том ничего не известно. Народ тех островов похож на кхитайцев, но лишь внешне. Говорят, там правит Жрец-Император, который живет уже две тысячи лет и ездит на драконе с чешуей из пластин бирюзы. И что этот Император равно любим всеми жителями островов, от вельможи до простого землепашца, которые почитают его как собственного отца. Еще ни одно судно не достигло берегов той страны, и не достигнет, потому что острова якобы окружены волшебным облаком, и кормчий не увидит их, даже если проплынет в десяти локтях от берега... Но это все сказки, правды же не знает никто.

— Как в таком случае он достался тебе, сыну простого ткача?— спросил Конан, возвращая катану владельцу.— Сколько же нужно золота, чтобы купить такой меч?

— Мой отец не всегда был ткачом,— уклончиво ответил юноша.— Этот меч он всю жизнь хранил как самую большую драгоценность. И тому, кто захочет отнять его у меня, придется сначала выпустить мне всю кровь до последней капли.

— Клянусь Кромом, хорошо сказано!— одобрительно отозвался киммериец.— Ну, а владеть ты им умеешь?

— Не так, как пристало настоящему воину, но умею,— пожал плечами Юлдуз.

Конан вышел на засыпанную с утра свежим песком арену.

— А ну-ка, встань против меня!

— Этим мечом можно снести голову сквозь кольчужный воротник,— напряженно сказал Юлдуз.— И вынимать его из ножен для забавы мне бы не хотелось.

— Ты мужчина или девушка на первом свидании? Вставай, не ломайся!— Конан вынул саблю и принял стойку.— Ну?

— До первой крови,— предупредил Юлдуз.

— Давай, давай, не болтай попусту!

Юноша, нехотя, взял катану обеими руками и встал напротив Конана, чуть расставив ноги.

Конан сделал пробный выпад — и не увидел того движения, которым ускользнул в сторону Юлдуз, гибкий, как кошка.

— Хорошо!— крикнул киммериец и ударил снова.

Клинки скрестились, и снова Юлдуз отступил в сторону плавным движением танцовщика.

— Отлично, клянусь Кромом! Ну, нападай! Давай, что же ты!

Но юноша упорно избегал нападения, легко отражая удары Конана или уходя в сторону. Наконец, видя, что ун-бashi начинает злиться, Юлдуз взмахнул сверкающим клинком перед самым лицом киммерийца и отскочил назад, опустив меч. Конан выпрямился. В руке Юлдуза была зажата прядь черных жестких волос киммерийца.

— Это очень опасно, Конан,— сказал он спокойно.— Я могу случайно отсечь тебе руку. Ты опытный воин, а я — нет. Я могу не успеть отвести удар.

— Глядя на тебя, не скажешь, что ты — неопытный воин,— проворчал киммериец.

На Юлдузе не было ни царапины, хотя последние два удара Конан наносил уже всерьез, стремясь, как следует зацепить противника.

Но то ли в силу чудесного меча, то ли в силу маленького роста и гибкости Юлдуз счастливо избежал и последних атак.

— Ладно. Держи его при себе, раз так боишься им кого-нибудь убить. Харра! Пойди, спроси у женщин, будет ли нам нынче завтрак! Ты ведь, кажется, задолжал его нашему гостю?

— А то как же!— весело отозвался Харра и умчался в дом.

Вскоре большой стол во дворе был заставлен блюдами с тушеной с черносливом бараниной и кувшинами с вином, и весь отряд, не считая тех двоих, кто стоял на страже при церемонии Гадания, приступил к трапезе.

— Так твой отец был богатый человек?— расспрашивал Конан Юлдуза.— Как же он попал в Туран?

— Мой отец разбогател здесь,— отвечал Юлдуз.— В Туран он приехал почти нищим, не имея в Хоарезме ни знакомых, ни друзей. Его приютил старый мастер, и у него отец выучился ремеслу, а потом передал его и мне. Став мастером, он построил здесь дом и женился на дочери соседа, такого же ткача. Моя мать была туранкой, так что я — наполовину туранец, наполовину кхитаец. Но всю жизнь прожил в Хоарезме.

— Как же он решился оставить тебя без гроша в кармане?— недоумевающе спросил Харра. Видно, этот вопрос его занимал больше всего.— Я сам сын купца, и купца небедного. Он, конечно, кричал, что лишит меня наследства, когда я сбежал из дома в поисках счастья, но когда полгода назад я приехал его навестить, он с гордостью показывал меня всем соседям и дал на обратную дорогу две сотни золотых, — помнишь, Конан, мы еще потом три дня на них кутили всем отрядом? А ты, судя по всему, был сын почтительный и послушный... Нет, этого я понять не могу.

— А мать твоя жива?— спросил Конан, не слушая разглагольствований Харры.

— Увы, мать моя умерла, когда мне не исполнилось и пятнадцати лет, — ответил Юлдуз.— А теперь, со смертью отца, у меня больше нет никаких родных. Родители моей матери умерли, не дождавшись рождения внука, и иных детей у них не было. А родителей отца я никогда не видел.

— Как же ты будешь жить — без дома, без семьи и родных?— удивился Харра.

— Я молод, у меня есть руки, да и голова на плечах тоже имеется, и не пустая,— рассмеялся Юлдуз.— Я найду, как прокормить себя. Мне одному нужно немного. Наверное, пойду странствовать. Я давно хотел побывать в сказочной Вендине. Матушка говорила мне, что там текут реки шербета с берегами из ракат-лукума,— он снова рассмеялся.— Вот я и проверю.

— Был я в Вендине,— проворчал Конан.— Нет там рек шербета, зато есть черные маги.

Спору нет, страна сказочная, да ведь в сказках не только сладкие реки текут, есть и огненные.

— Свои глаза, говорят, вернее чужих,— отозвался Юлдуз беспечно.— Не увижу сладких рек, посмотрю хоть на огненные. Да и на родине предков тоже, наверное, следует хоть раз появиться.

— Что ты там забыл, на этой родине предков?— снова встрял Харра.— Рис да драконы, больше там ничего нету. А к рису — ласточкины гнезда и побеги бамбука на сладкое. Разве это жизнь?

— Харра,— нетерпеливо сказал Конан, — сходи, смени ребят.— Пора уже.

— Между прочим, это я его привел, — проворчал Харра обиженно, но все же взял Хасима и Рустада и пошел менять караульных. Но долго он не задержался: Ихор и Омра, заступившие на стражу еще до завтрака, примчались быстрее ветра, издали учуя запах жаркого.

— Ну и дела они там сегодня творят! Лют какую-то черную горячую жижу на пластины слюды — как глянешь, так и есть не хочется!— пожаловался Ихор, уплетая баранину за обещеки. — А глянуть на этого горбuna, Магриба, — так просто дрожь по коже. Ну, настоящий колдун и сын колдуна. Как зыркнет своими кошачими глазами...

— Ешь молча, — оборвал его Конан, и Харра красноречиво развел руками у него за спиной: мол, говорил я вам!

Еще не все было съедено и выпито, как со стороны Хоарезма на дороге показалась крытая повозка, в какой разъезжают по деревням и селениям казни, записывая нехитрые сделки и скрепляя печатью наместника брачные договоры, а также бумаги о разводе, рождении или смерти. Видно, в деревне кто-то судился или близка была свадьба, коль скоро пожаловал сюда казий.

Но повозка не остановилась у деревенского трактира, обычного места сбора старейшин, где справлялись все свадьбы и поминки, отмечались рождения новых турецев и велись мелкие тяжбы. Послушный ослик, подгоняемый кнутом, протрусили через всю деревню и поволок повозку выше, к усадьбе Бахрама.

— С кем это старик затеял судиться?— удивился Харра, глядя на приближающегося казия.— Не мог найти другого времени, что ли?

Повозка остановилась посреди внешнего двора. Заинтересованные солдаты встали из-за стола, и подошли ближе. Из повозки, несколько робея перед таким скопищем вооруженных людей, вылез писец и помог вылезти казию. Вслед за казием из повозки выбрался тучный, одышиловый меняла Испахир, всем известный в Хоарезме как первый выжига и плут.

— Есть ли среди вас ткач по имени Юлдуз, что похоронил недавно усопшего родителя? — скрипучим, как колеса его тележки голосом возгласил казий.

— Да вот он, этот мошенник!— толстый палец менялы торжествующе уперся в юношу, подошедшего вместе со всеми.— Мне ли его не знать!

— Что тебе нужно от меня, меняла?— холодно поинтересовался Юлдуз.— У меня нет с тобой дел — ни денежных, ни дружеских.

— Теперь есть! Думаешь, я забыл, как ты выставил меня на позор всему базару, когда какой-то проходимец подсунул мне фальшивое золото? Я все помню!

— Что до твоих седин, — отвечал Юлдуз, — то они могут вызвать только скорбь о том, что годы прибавили тебе серебра в волосах, но не прибавили золота в сердце. О честности же твоей наслышан весь город. Это ты тогда пытался подсунуть немедийскому торговцу

фальшивое золото, а не он тебе! Вот было бы славно, если бы наш Хоарезм оставил на всю Немедию как город фальшивомонетчиков! Но то дела давно минувшие, на что я тебе теперь?

— Надо рассчитаться, уважаемый Юлдуз, надо за все рассчитаться,— захихикал меняла.

Его маленькие глазки совсем пропали за трясущимися от жира щеками.

— Вот! Купчая на твой дом!

Юлдуз мельком взглянул в бумагу.

— Мне жаль, что ты перекупил его, ибо я продавал наш дом в хорошие руки. Но что с того, я же больше не живу в нем?

— А к дому прилагается опись, и половина предметов отсутствует! У меня есть десяток свидетелей, что новый владелец даже не переступал порога этого дома! Значит, ты продал ему ничто, пустой воздух! Слова на бумаге! Взгляни-ка, уважаемый Юлдуз, вот вещи, немалой ценности, как значится в описи, не наличествующие в купленном мною доме!

— Я и смотреть не буду,— пожал плечами Юлдуз.— Я хорошо знаю, что не составлял описи имущества, когда продавал дом, а это значит, что ты сам написал ее, а подкупленный тобою казий заверил бумагу печатью и проставил число шестидневной давности.

— О, неучтивый юноша!— заскрипел казий.— Суд нашего наместника неподкупен, оскорбляя суд, ты оскорбляешь наместника, а оскорбляя наместника, ты оскорбляешь власть. А за оскорбление власти следует наказание по закону, а именно — отрезание чересчур длинного языка!

— В мои намеренья не входило никого оскорблять, в ваши же, как видно, входит засадить меня в долговую яму, а то и казнить, — усмехнулся Юлдуз. — Правильно я тебя понял, о неподкупнейший из казиев?

Казий потыкал узловатым пальцем в предъявленную опись.

— Ответчик должен в самый краткий срок либо предоставить в распоряжение истца означенные вещи, денежную их стоимость в полновесных, не стертых золотых монетах ли, вещи равной им ценности ли. В противном случае ответчик будет сослан на работы в рудник или каменоломню, покуда не выплатит долг или не умрет, в зависимости от того, что случится ранее!

— Да ты что, старик, хайшиша накурился?— вмешался негодующий Харра.— Этого менялу знает весь Хоарезм! Ни один честный торговец не пошлет к нему покупателя менять деньги, только те, кто зарится на мзду, которую он выплачивает с каждого обманутого! Конан, вели гнать их обоих в шею!

— Это мы живо сделаем!— поддакнул Закир, подходя ближе.

— Как велика сумма, за которую ты хочешь сослать меня на рудники?— спокойно спросил Юлдуз.

— Всего лишь триста золотых,— медовым голосом ответил меняла.— Но я должен получить их сейчас же, на месте. Никаких отсрочек и поблажек! Если я не получу сейчас денег, через час я вернусь со стражниками! Тебя в цепях поведут через весь город, на каждой улице выкрикивая, что ты вор, точно так, как ты сделал со мной!

— Юлдуз, я должен тебе кое-что сказать.

Конан шагнул вперед, заслоняя собой юношу. Тот стоял совершенно спокойно, как тополек среди травы, только глаза его, и без того темные, потемнели еще больше от расширившихся зрачков. Лицо его выражало полнейшую отрешенность.

— Что ты хочешь мне сказать, Конан?

— Не здесь. Отойдем подальше.

— Не вздумай помочь ему бежать, о, незнакомый мне воин! — немедленно вмешался Меняла. — Он не укроется от карающей дланi правосудия нигде, разве что успеет пересечь до рассвета границу Турана! — Тут он снова захихикал.

— Замолчи, стариk! — брезгливо ответил ему Конан. — Твое место давно на пашне, гнилая верблюжья лепешка! Попробуй только раскрой здесь еще раз рот, и я набью его тем, чем ты на самом деле являешься! Иди за мной, Юлдуз. Харра, тебя это тоже касается.

Меняла испуганно замолчал, а казий на всякий случай залез обратно в повозку, готовый удрать в любой момент. Заметив это, Конан бросил через плечо:

— Сторожите их, ребята, чтоб не сбежали!

Видя, как к повозке ленивой походкой направляется десяток вооруженных солдат, казий совсем перетрусил и стал шептать Меняле, что напрасно они затеяли это дело и что лучше уносить ноги пока не поздно. Но было уже поздно.

— Что вы собираетесь делать с нами, доблестные воины? — дрожащим голосом проблеял Меняла. — Моя лавка находится под покровительством самого наместника!

— А мы не подчиняемся твоему наместнику, — любезно пояснил Закир. — Нам может приказывать только Владыка Турана. Так что сиди тихо, стариk, пока не вернется наш унбashi и не решит, что с тобой лучше делать — вздернуть вон на том тополе или снести мечом голову. Если все, что сказал Юлдуз — правда, то никто не хватится тебя в Хоарезме, наоборот, нас еще будут благодарить, что мы избавили базар от такой гиены.

Тем временем Конан, зайдя в казарму, вытащил из-под своего топчана переметные сумки, в которых хранил все необходимое в дороге, и вынул из одной ларчик красного дерева. Раскрыв его на топчане, он достал оттуда один из свитков и малую печать Казначейства.

— Послушай, Юлдуз. Повелитель Илдиз доверил мне право в любое время и в любом месте принять в мой отряд человека, которого я сочту достойным такой чести. Так вот, я предлагаю тебе наняться в войско Повелителя.

Юлдуз посмотрел на него с глубокой задумчивостью.

— Но ведь я совсем не воин, Конан. Как я буду сражаться в твоем отряде, толком не зная, как это делается?

— Со временем ты научишься всему. Но сейчас, вступив в ряды наемной армии, ты избавишься от каких-либо судебных повинностей и издержек. Ты не будешь подсуден светским властям, только военным. Твой долг перейдет на армию, его заплатят из казны, а у тебя будут удерживать понемногу из жалованья. Думай скорее, у нас мало времени!

— Подумай, Юлдуз, — жарко зашептал ему Харра, — ты останешься с нами, уедешь в столицу, у тебя будет крыша над головой и еда трижды в день! Ну, куда тебе странствовать, без гроша в кармане? А так — никаких забот. Ребятам ты понравился...

— Погоди, Харра, у меня и так голова кругом, — поморщился Юлдуз. — А скажи мне, унбashi, что будет, если я исчезну?

— Ничего не будет, — ответил Конан, несколько удивленный вопросом. — Если тебя убьют, никто не станет взыскивать ни с меня, ни с Харры, если ты об этом.

— Хорошо, — решительно сказал юноша. — Что я должен сделать?

— Ты писать умеешь?

— Да, конечно.

— Харра, беги живо к этому крючкотвору, одолжись у него чернилами и палочкой для письма.

Харра кивнул и умчался. Юлдуз с сомнением покачал головой.

— Ты уверен, что все делаешь правильно, Конан?

— Если бы я над каждым решением раздумывал столько, сколько ты,— отозвался киммериец,— меня бы уже убили не одну сотню раз. Делай, что говорят.

Харра вернулся, неся в руках мешочек с чернильницей и связку заостренных палочек. Сунув все это Юлдузу, он подставил загорелую спину:

— Подписывай!

И Юлдуз подписал.

— Все!— торжествующе возгласил Харра и помахал фирмансом в воздухе, чтобы скорее просохли чернила.

Конан засветил лампу, разогрел на огоньке сургуч и оттиснул печать.

— А теперь — к этим проходимцам!

И Харра помчался почти вприпрыжку к повозке, где сидели, ожидая наихудшей участи, казий и меняла.

Предъявив им фирманс Повелителя, по которому Юлдуз отныне становился наемным солдатом турецкой армии, их спровадили, причем Закир и Альмад еще долго шли рядом с повозкой по дороге, объясняя, как скоро они могут рассчитывать получить что-либо из казны Владыки Турана.

Троица в повозке жалась в углы и думала, что еще дешево отделалась, ибо всякому известно: никогда не связывайся ни с родичами властелина, ни с его личной гвардией, ибо распра и с теми, и с другими сильно укорачивает жизнь — а иногда и тело. На целую голову.

Избавившись от судейских, солдаты затеяли бурное ликование по поводу принятия новобранца. Ихор, ненамного превосходивший Юлдуза ростом, хотя был много шире в плечах, тут же достал ему из своих запасов вторую кольчуту с солнцегривым львом. Второго островерхого шлема ни у кого не было, но с этим можно было подождать до столицы. Но шлем Рамаса оказался Юлдузу как раз впору и, оглядев прищуренно нового воина с ног до головы, Конан изрек:

— Вот что, раз ты уже в отряде, ступайте-ка вы с Харрой в третью стражу. Она как раз начинается. Я вас сам и разведу.

— Ну, вот,— пихнул Харра в бок нового товарища.— Считай, что на этом ты окончательно принят.

По установленному обряду воины, охраняющие вход от злых духов, уходили из Двора Гаданий последними. Как ни отворачивался Юлдуз, как ни прятал лицо, когда Бахрам прошел мимо него в сад, астролог все же узнал его.

— Ты!— закричал он, подпрыгнув, словно мячик.— Ты здесь, сын греха и позора! Как ты только посмел появиться в этом доме, нечестивец!

— С сегодняшнего дня Юлдуз — воин моего отряда, почтеннейший Бахрам,— ответил неслышно подошедший Конан.— И я за него отвечаю. Чем он тебя сейчас обидел, многомудрый старец?

— Сейчас — ничем, клянусь Эрликом! — отдуваясь, пыхтел старик.— Но...

— Ты знал его раньше? — прервал его Конан.

— Знал ли я его! Знал ли я его! Да ты посмотри на его растерянный вид, доблестный унбashi! Пусть он посмеет сказать, что он меня не знает! Юлдуз, в первый миг, опешивший от неожиданности, уже вполне справился с собой.

— Кто же в Хоарезме не знает личного астролога наместника Мардуфа,— спокойно сказал он.

— Пусть он скажет, пусть скажет тебе, о, украшение турецкой армии, какую злую шутку они со мной сыграли! — продолжал бушевать Бахрам.

— Почтенный Бахрам, что было, то прошло, — сказал Конан сурово, уже хорошо зная, что с астрологом можно разговаривать только таким тоном — начальственно-покровительственным. Во всех остальных случаях Бахрам начинал яриться, брызгать слюной и выкрикивать невнятные угрозы. — Теперь же этот юноша состоит в моем отряде. Если он доставит тебе какое-либо беспокойство, обратись ко мне, и виновный понесет наказание. Юлдуз и Харра, идите за мной.

Выходя из сада, Конан развернулся к Юлдузу.

— Ну, что это значит? Почему ты мне не сказал, что ты его знаешь?

— Его и в самом деле все знают, мой ун-бashi, — смеясь, ответил Юлдуз. — Но я никак не думал, что он запомнит меня с той проделки!

— Что это за мерзость вы над ним учинили?

— Куда большую мерзость он учинил над нами, — возразил Юлдуз, мрачнея. — Он навел порчу на наш квартал — теперь я думаю, что это вышло случайно, а тогда полагал, что он все это подстроил. Прямо над нами и соседями висело розоватое ядовитое облако. Почти четверть луны мы жили в ужасающем зловонии и духоте. Именно после этого случая моя мать тяжело заболела и вскоре умерла. И не только моя...

— Так он что же — колдун? — подозрительно спросил Харра.

— Наверное, можно сказать, что он пытается им быть. Но у него ничего не получается, по крайней мере, не получается то, чего он хочет — пояснил Юлдуз и продолжал, — ну, мы, мальчишки, собрались со всех дворов и стали думать, что же нам с ним такое сделать. И придумали: сделали настойку корня валерианы и полили ею крышу его дома. А потом мешками таскали к озеру кошечек. А у него в это время гостил правитель Шангары — он приехал за каким-то важным предсказанием. Ну вот, вместо предсказания они три ночи подряд слушали кошачий концерт — пока дождь все не смывал.

Под конец этого бесхитростного рассказа и Конан, и Харра едва стояли на ногах от смеха. Просмеявшись, ун-бashi хлопнул новобранца по плечу.

— Лучшего не мог придумать и Трам Гирдри, шут короля Зингары! Ладно, старик покричит и забудет. Но все же постарайся больше не выводить его из себя, Юлдуз.

— Будь моя воля, я бы с ним век не виделся, — негромко ответил юноша, и Конан невольно обернулся — с такой горечью это прозвучало.

Вечером, когда ун-бashi, сидел на веранде с Магрибом, к нему подошел почтенный Бахрам.

— Да простит меня доблестный военачальник, — сокрушено молвил астролог, — но мне кажется, он поступил опрометчиво, приняв в свой прославленный отряд этого шакала в образе человека!

— О ком ты говоришь, ученый друг мой? — заинтересовался Магриб. — У тебя в отряде новобранец, Конан?

— Да, — кивнул киммериец. — Еще мальчик, но может выйти хороший воин.

— Правильно ли я понял, что речь идет о том юноше-полукровке, которого я видел у вас во дворе нынче утром? — спросил Магриб и, получив утвердительный ответ, покачал головой. — Нет, Конан, этот человек долго у тебя не задержится. Ты знаешь, кто он?

— Презренный сын презренного ткача! — заявил Бахрам, фыркая и отдуваясь. — Ничтожество! А со смертью отца — еще и нищий оборванец. Разве из таких людей должна

состоять армия, опора порядка и власти?

— И тебе, сын мой, он сказал то же самое? — спросил Магриб Конана, не сводя при этом глаз с возмущенного Бахрама.

— Мне он сказал, что его отец не всегда был ткачом, — ответил ун-баши. — Парень, похоже, себе на уме. И преследует какую-то свою цель, которой не желает делиться с другими. И все же мне он по душе.

— Прекрасно сказано, сын мой! — кивнул Магриб, а Бахрам снова презрительно фыркнул.

— Цель его проста: обокрасть мой дом и соблазнить мою дочь! — заявил он. — Завтра же я поговорю с юным Амалем! Он уже не раз намекал мне, что был бы счастлив видеть Фейру хозяйкой в своем доме!

— Но согласится ли на этот брак Фейра? — мягко спросил Магриб.

— Моя дочь во всем мне послушна и сделает так, как я захочу! — заносчиво объявил астролог, не заметив взглядов, которыми обменялись Магриб и Конан.

— К тому же она быстро поймет, что лучше ей мужа не найти, хоть обойди весь Туран!

Похоже было, что Бахрам готов весь вечер разглагольствовать о том, какая послушная у него дочь и как счастлив будет их союз с Амalem. Поэтому Конан поднялся и сказал:

— Пойду, прослежу, улеглись ли мои молодцы. Не то завтра придется проводить церемонию без стражей!

— Да, я тоже пойду, — кивнул Магриб. — Восходят Семь Сестер, и мне хотелось бы видеть, как близко они пройдут от знака Лягушки. Приятных сновидений, почтенный Бахрам!

Конан, как всегда, помог ему подняться и, опираясь на его руку, Магриб сказал негромко, чтобы не слышал обиженно сопящий Бахрам:

— Что бы ни пришло тебе в голову в ближайшие дни, Конан, поверь мне, прожившему в этом мире не один десяток лет: в этом мальчике нет лжи. Но он не сын ткача. Ни у одного сына ткача не может быть такой прямой спины, как у него.

— Я уже заметил это, — кивнул Конан. — Но я не понимаю, зачем он лжет и ради кого.

— Все тайное когда-нибудь становится явным, — ответил Магриб. — У кхитайцев есть хорошая поговорка: если долго сидеть на берегу реки, рано или поздно увидишь, как по ней плывут трупы твоих врагов.

— Поговорка хороша, спору нет, — отозвался Конан, уже не таясь. — Но только это — не для меня.

Загнав всех в казарму и усевшись на обычном месте на крыше, Конан пытался вспомнить, кого же ему напоминает этот мальчик — носящий меч, но не воин, называющий себя ткачом, но не простолюдин. Он вступил в отряд Конана, но не раскрыл своей тайны. А что, если он — шпион Мардуфа, просто очень неумелый и неопытный? Но зачем же Мардуфу подсыпать в усадьбу неопытных шпионов? А если на самом деле он искуснейший соглядатай, умело прячущий за открытой и светлой улыбкой, жало степного скорпиона? Киммериец терялся в догадках.

И слова Магриба тоже не шли у него из головы. «В этом мальчике нет лжи». Как это понимать? Ведь он солгал уже не единожды, и сам Магриб признал это...

Конан не любил ломать голову над неразрешимыми проблемами, но долгие бессонные ночи к этому очень располагали. Редко вышадали варвару поручения такие простые на первый взгляд, но такие выматывающие!

Более всего страдал киммериец от бездействия. Долгие ночи ему приходилось выжидать, как коту у крысиной норы — и терпение у кота уже было на исходе.

И какой же музыкой прозвучал для Конана тихий шорох по траве! Кто-то неслышно пробирался к дому со стороны озера, этот кто-то таился, сливаясь с каждой тенью, с каждым стволом и камнем! Киммериец подобрался и бесшумно спрыгнул с крыши в сад.

Вздрагивающая, едва видная тень скользила вдоль стены дома. Ночной гость сторожко оглядывался, вслушиваясь и всматриваясь, как мышь-полевка, ждущая, что вот-вот прямо над головой раздастся неожиданное шух-шух-шух крыльев неслышно подобравшейся совы, и острые когти вонзятся в серую спину.

Тонкой сверчковой трелью скрипнула дверь из сада во внутренний двор. Серый силуэт скользнул в узкую щель.

Конан замер у стены.

Мгновения тянулись бесконечно. Но вот маленькая плешивая голова высунулась из двери и огляделась — точь-в-точь мышь у норы, высматривающая кота. Конан перестал дышать.

Убедившись, что все тихо, серый человечек вынырнул из Двора Гаданий и подготовился юркнуть в траву. И тут Конан прыгнул ему на спину. Подбирайясь для прыжка, он успел подумать, что если бы у него были когти, он бы втянул их в мягкие подушечки бесшумных лап — чтобы миг спустя вонзить в пищающую, оглушенную жертву.

Вор не успел ни вскрикнуть, ни вздохнуть. Конан в прыжке сломал ему шею. Он тщательно осмотрел жертву, надеясь обнаружить хоть что-то, что помогло бы ему определить, кем был этот неудачливый вор, однако в карманах у того было хоть шаром покати, а грубая испитая физиономия ясно говорила, что перед ним обычный грабитель-наемник из тех, что за гроши способны на любую низость.

Оттащив труп в овраг за рощей масленичных деревьев, подступающей к дому со стороны озера и казармы, Конан вернулся со свитком к ларцу. Искушение прочесть предсказание было велико, но ун-бashi сдержался. Положив свиток на место, Конан поймал ночную бабочку и сунул под крышку. Теперь, если ее кто-то откроет, он будет об этом знать.

Вернув драгоценный свиток в ларец, ун-бashi решил на всякий случай все же обойти темный сад. Вор мог прийти не один.

Но сад и окрестности усадьбы были пусты. Ни шороха, ни звука не раздавалось в ночи, лишь трещали сверчки, да проползла торопливо к озеру змея, потревоженная шагами Конана.

Ун-бashi уже намеревался вернуться на крышу, как замер под стеной дома с похолодевшим сердцем. Во Дворе Гаданий кто-то был. И он молился! Во всяком случае, тот торопливый, прерывистый шепот, который слышал Конан, мог означать только молитву. Конан проскользнул в щель полуоткрытой створки двери — и увидел Юлдуза, сидящего на птичьем ковре. Чуть покачиваясь, он что-то быстро шептал.

— Все рати Нергала! — чуть ли не во весь голос рявкнул Конан. — Во имя Крома! Ты-то что тут делаешь?!

Юлдуз, вздрогнувший от неожиданности, вскочил на ноги, но узнав своего ун-бashi, облегченно улыбнулся.

— Это ты... Я могу тебе сказать правду, но ты мне не поверишь.

— Отвечай, отродье Нергала!

— Я пытаюсь заставить этот ковер подняться в воздух, — ответил Юлдуз, глядя Конану прямо в глаза.

Глава 5. Ночная свадьба. Фейра

Гадальщики складывали в ларец свиток, в котором прибавилось еще несколько строк.

— Не хочет ли уважаемый Амаль распить со мною кувшин вина и потолковать о сговоре? — громогласно, так что слышно было на весь дом, спросил Бахрам.

— С превеликим удовольствием, мой ученый собрат, — ответил Амаль, держа на весу холеные руки. Он посмотрел на собеседника и добавил: — Не позвать ли нам и Фейру, чтобы она тоже послушала?

— Все, что нужно, она услышит и так, — не понижая голоса, трубил Бахрам. — Женщинам нечего делать там, где разговаривают мужчины. Я и так избаловал свою проказницу, она творит решительно все, что хочет. Придется тебе держать ее постороже, мой возлюбленный будущий зять!

В этот день третью стражу стояли Юлдуз и Харра. Они очень сдружились за прошедших два дня, и Конан, заметив это, поставил их вместе. Скривив рожу в спину Бахраму, помощник ун-бashi пихнул земляка локтем в бок.

— Что ты застыл? Никогда не видел, как девушек насильно выдают замуж? Еще насмотришься.

— Как он смеет... — прошипел Юлдуз, бледный от злости. — Как он только смеет так унижать ее! Она же все слышит!

— Он для того и вопит, чтобы бедная девочка все слышала, — пожал плечами Харра. — Вздорный старик. И Амаль этот мне тоже не нравится. Карый день полощет с утра свои ногти в розовой воде. Я как-то видел его прихорашивающимся в саду. Он разве что брови не сурьмил! А уж расчесывался так, что смотреть было противно. Если он — мужчина, то мы с тобой — женщины. Тыфу, мерзость!

Юлдуз проводил взглядом ушедших в дом астрологов и недоуменно спросил:

— И что же, Бахрам готов выдать за него Фейру?

— Этот разряженный шут увиивается за ней с самого первого дня, — ответил Харра. — Просто проходу не дает. Вот старик и хлопочет. Пойдем отсюда.

И он почти силой поволок друга к казарме, где уже тянуло от печи запахом мяса и лука. После трапезы и полуденного отдыха к Конану подошел Юлдуз.

— Если позволит мой ун-бashi, я хотел бы до вечера уйти в город.

Конан испытующе глянул на новобранца. Минувшей ночью, после того, как выгнанный из Двора Гаданий Юлдуз послушно отправился в казарму, ун-бashi проверил ларец. Хранилище свитка было в совершенной целости и запертая в нем накануне бабочка обрадовано выпорхнула в ночь. Но это могло говорить и о том, что подосланный вор не успел добраться до свитка.

— Зачем тебе в город? Ты же сказал, что у тебя там ничего не осталось?

Юлдуз улыбнулся.

— Ну, мне бы не хотелось огорчать добрую хозяйку «Трех Негодяев». Лошадь она дала мне взаймы, и будет нехорошо, если я обману ее веру в честность солдат туранской армии.

— А! — Конан вздохнул с облегчением. — Тогда возьми с собой свободных ребят. Харра занят нынче, а ты ведь наверняка знаешь город не хуже, чем он.

— Будет так, как ты скажешь, мой ун-бashi, — ответил Юлдуз с поклоном, и Конан снова нахмурился.

Откуда у сына простого ткача речь и повадки царедворца? Или это передается с кхитайской кровью? Рассказывая о Кхитае, Магриб упомянул, что почтение к старшим — по возрасту ли, по званию, все одно — наивысшая добродетель, не следовать которой означает гневить и богов, и демонов. Интересно было бы посмотреть, как поведет себя парень в городе, подумал Конан и сказал, глядя в спину уходящему Юлдузу:

— Пожалуй, и я с вами прогуляюсь.

Новобранец не вздрогнул, не застыл, а только обернулся с той же улыбкой:

— Я думаю, Рута умрет от восторга. Джамла и Сагирей вчера наговорили столько, что она взяла с них слово привести тебя хотя бы раз. Они весь вечер измышляли, как бы уговорить тебя съездить сегодня к «Трем Негодиям».

«Вот и пытайся тебя подловить, с неудовольствием подумал Конан. Если бы Юлдуз начал изворачиваться, сразу стало бы ясно, что он наемный шпион. А так Нергал его разберет, что он такое».

Ехать с Юлдузом и Конаном навестить Руту вызвались и близнецы с Фархудом. Остальные, сетя на жару и лень, остались в усадьбе. День и в самом деле выдался не повесеннему жаркий и солнечный, столбы густого марева дрожали над разогретой дорогой. Всадники подгоняли лошадей, пока не въехали в прохладу теней узких улиц Хоарезма. Здесь усталым и разморенным скакунам было позволено идти шагом. Конан, бывший в Хоарезме впервые, с любопытством разглядывал дома серого и желтоватого камня. В Аграпуре строили большей частью тоже из камня, но поверх клали штукатурку и белили, здесь же, в силу близости горных каменоломен, первые этажи домов и высокие стены, окружавшие дворы, пестрели живым, неполированным камнем.

В предпраздничные дни в город съехалось множество людей, а потому улицы и площади города были переполнены, и из каждого трактира слышались веселые выкрики. На ступенях храмов толпились паломники и богомольцы, особенно большая толпа собралась у знаменитого хоарезмского Храма Огня, где жрецы-провидцы предсказывали судьбу всем желающим — правда, соглашались ответить только на один вопрос и за большие деньги. Длинный тощий служка, стоя на верхней ступени храма, составлял список желающих, его осаждали толстяки в парчовых халатах, сквозь толпу пробивался шелковый паланкин с какой-то знатной женщиной. Ниже стоял люд победнее. Каждому из них пришлось бы копить не один десяток лет, чтобы собрать плату за Откровение Эрлика, и они довольствовались тем хотя бы, что глазели на богатых счастливцев, которые могли себе это позволить.

Проезжая мимо этого шевелящегося муравейника, Конан не удержался:

— Вы только посмотрите, как эти глупцы спешат расстаться со своими кошельками! А ведь укради у любого из них те же деньги какой-нибудь оборванец, они не успокоились бы, пока не посадили его на кол!

— Здесь ты не прав в одном, мой ун-баши: вор украдет у них деньги и ничего не даст взамен, — отозвался Юлдуз. — А жрецы Священного Огненного Круга дадут ответ на вопрос, который, быть может, мучил этого человека всю жизнь.

— Ты что же, веришь в эту чушь? — удивился Конан.

— Это не чушь, а пророчество. Я видел, как это делается: жрецы входят в транс, и тогда один человек зачитывает вопросы один за другим, и на них даются ответы, которые пишет на отдельных листах другой человек. Доказательством же тому, что ответы эти истинны, служит забавное обстоятельство: как правило, задавший вопрос не доволен полученным ответом.

— Как это может быть? — вмешался Фархуд. — Ответ — он и есть ответ. Если только это не нечто туманное и двусмысленное.

— Нет, ответы всегда четки. Просто не всегда правильны вопросы, — пояснил Юлдуз.

— Это трудно — составить правильный вопрос. Ну, скажи, что бы ты хотел спросить?

— Хотя бы — ну, положим, когда я умру?

— Ты будешь доволен, если тебе ответят: Когда будет выиграна великая битва? И ведь это, быть может, будет правдой, но ты со дня полученного ответа не найдешь себе покоя нигде, ибо во всех странах ведутся битвы, и любая может оказаться смертельной для тебя.

— Тогда зачем задавать вопросы? — пожал плечами Фархуд. — Уж лучше никакого ответа, чем такой!

— Любопытство человеческое неистребимо, — улыбаясь, ответил Юлдуз. — Сам я никогда не пытался получить предсказание в Храме Огня. Они свернули к базарной площади. У «Трех Негодяев» их уже поджидала Рута. — Я словно чувствовала, что вы приедете! — закричала она с порога. — Господин мой Юлдуз, ты возвращаешь мне лошадь! Понравилась тебе моя Снежна?

— Прекрасная кобыла, хозяйка, — ответил Юлдуз, спешиваясь. — Выносившая и незлая. В тот раз мы мчались до дому галопом, она почти не вспотела.

— Ну, так бери ее себе. Не спорь, я подсчитала, сколько ты мне тогда оставил, так там хватит еще на три таких кобылы! Ничего не желаю слушать! Она твоя.

— Благодарю тебя, моя госпожа, — поклонился ей Юлдуз, и Рута, к собственному удивлению, залилась краской.

— Пустое, — пробормотала она.

Взглянув, наконец, на остальных приехавших, Рута тотчас опознала среди них Конана.

— Ты, несомненно, и есть прославленный Конан-киммериец! — Черные волосы, синие глаза! Мы ведь почти земляки, знаешь ты об этом? Как же ты попал в Туран?

— Если у тебя найдется свободная комната наверху, я расскажу тебе все, что ты захочешь знать, моя красотка, — усмехнулся Конан, привязывая своего могучего жеребца.

— Ну, так иди за мной, — сказала Рута, и, не оборачиваясь, прошествовала в таверну. — А вы располагайтесь, где хотите, все к вашим услугам! — услышали остальные ее крик уже с лестницы, ведущей наверх.

Конан подмигнул им и направился вслед за хозяйкой.

— Славные мои девочки! — позвал Фархуд. — Ваша хозяйка и наш ун-бashi удалились выяснить, как близко были их родные деревни! Не мешало бы нам этим воспользоваться!

В ответ на его зов сбежалось пять девушек, с хохотом и щебетом они живо собрали угощение и заперли таверну на большой железный засов.

Весь дом остался в полном распоряжении пятерых мужчин и дюжины женщин. Впрочем, мужчин было только четверо: Юлдуз отказался принимать участие в веселье, сказав, что у него есть невеста. Оставив Фархуда и братьев в общей зале, где они растащили вдоль стен столы и стулья, очистив пространство посередине, Юлдуз вышел к бассейну у помоста и остался там, с кувшином золотого вина и мечами о возлюбленной.

Когда Рута и Конан, наконец, спустились вниз, в общей зале царила умиротворенная тишина. То есть это была тишина по сравнению с тем, что творилось в ней за каких-то два или три часа до того. Сдвинув несколько столов в один, солдаты и девушки мирно беседовали о самых разных пустяках. Когда пиршество плоти превратилось в пиршество желудков, к компании присоединился и Юлдуз.

— Пить хочу! — громогласно возвестил с верхней ступеньки Конан. На плече у него восседала разомлевшая Рута. — И есть!

Их появление было встречено воплями восторга. Из погреба извлекли новые кувшины и холодную баранину, Рута принялась хлопотать у очага, и веселье застолья вспыхнуло с новой силой.

Лишь когда в закрытых резными ставнями окнах начал гаснуть дневной свет, Конан хлопнул ладонью по столу и объявил:

— Нам пора!

— Еще чуть-чуть! — отозвалась Рута, сидевшая у него на коленях, обвив белыми руками смуглую шею киммерийца. — До второй стражи!

— Уже темнеет, а Харра там один, — возразил Конан, надевая кольчугу и перевязь с мечом. — Мы славно повеселились, но долг есть долг. Собирайтесь!

И словно ответом на этот клич снаружи раздался громкий стук: кто-то колотил ногой в двери таверны.

— Эй, хозяйка! Открывай! Давненько мы не щипали твоих гусей и девок!

— Ну, их, — отмахнулась Рута. — Я устала. Правда, мои сладкие? — Она возвысила голос и крикнула: — Нынче трактир закрыт! Мы устали и никого не кормим сегодня!

Ответом на это был возмущенный рев, по меньшей мере, дюжины луженых глоток.

— А как же пять боевых лошадей при полной сбре, что стоят у твоей коновязи? — заорал тот же голос. — Их хозяев ты тоже, стало быть, не кормишь? Или кормишь только их? А ну, подавай их сюда, мы их посолим, поперчим да сожрем с потрохами!

Конан шагнул вперед.

— Кто это там тявкает, как пес из-под забора? — рявкнул он. — Давно зуботычин не получали?

Рута повисла у него на локте, умоляюще шепча:

— Молчи, молчи, они погалдят и уйдут, их же там не меньше десятка...

Тотчас, подтверждая ее слова, на дверь обрушился град ударов, и послышались новые вопли ярости и брань.

— Эти псы порвут твоих котиков в клочья, Рута! Открывай двери!

Конан сбросил Руту с себя досадливым жестом, как сбрасывают докучливого муравья.

— Открывай двери, Фархуд! Сейчас мы покажем этим крысам, какие зубастые здесь сидят коты!

Фархуд, обнажив меч, вынул засов из петель — и тут же отскочил, пригнувшись в боевой стойке.

В таверну ввалился полуපъянный подгулявший сброд — несколько стражников и их друзья из младших мастеровых. Увидев пятерых вооруженных воинов в кольчугах и при мечах, гуляки несколько проторзели.

— У-у, — сказал один, по виду — дворцовый стражник. — Какие когтистые коты! Мяу! Мяу! Вы и любовью занимаетесь в кольчугах?

Конан молча выхватил меч, но дорогу ему заступил Юлдуз.

— Пусть мой ун-баши позволит мне сначала поговорить с этими людьми. Зачем вы явились сюда? Если за весельем — так милости просим, места всем хватит, а если за дракой — так лучше проторзитесь сначала.

— Посолим, поперчим и съедим! — выкрикнул чей-то голос сзади, и сразу несколько пьянчужек начали скандировать: — Посолим! Поперчим! И съедим!

— Расходитесь по домам, к женам и детям,— продолжал Юлдуз.— Иначе многие из вас никогда больше не увидят ни жен, ни детей.

— Да что он болтает, этот мальчишка!— взревел, наконец, другой стражник и протолкался вперед, размахивая мечом.— Не пора ли тебе домой к мамочке, сосунок? Ты хоть меч-то в руках удержишь?

— В третий раз говорю вам: одумайтесь, мы еще можем разойтись по-хорошему...— снова начал Юлдуз, но тут стражник с бычьим ревом бросился на него.

Никто не успел заметить, когда Юлдуз вынул меч.

Мгновение назад его руки были пусты, но никто и вздохнуть не успел, как стражник уже валялся на полу обезглавленным.

Это послужило сигналом. Тонко завизжала Рута, ее визг подхватили девушки. Толпа пьянчуг ринулась на воинов Конана, размахивая кто оружием, кто подхваченным на ходу табуретом. Но ун-бashi успел заметить, что у большинства все же были мечи, причем прекрасной стали.

Звон оружия мешался со звоном бьющейся посуды:

Рута и ее помощницы, не переставая визжать, швыряли в головы нападающим все, что подворачивалось под руку, и швыряли довольно метко.

Конан щедро раздавал удары, но, улучив момент, схватил одного из гуляк за ворот рубахи и отволок в сторонку.

— Кто подослал вас? Ну? От тебя даже не разит, шакалье отродье! Говори, или я перережу тебе горло!

Чуж у шеи холодную сталь кинжала, наемник, округлив от ужаса глаза, еле слышно прохрипел:

— Мардуф... Мардуф велел убить Конана-киммерийца и всех, кого с ним застанем...

— Падаль!— сплюнул Конан и чиркнул кинжалом по горлу убийцы. Обернувшись к остальным, киммериец увидел, что стычка окончена. Трое из лежащих на полу были обезглавлены, в смерти остальных тоже сомневаться не приходилось.— Десять убито, остальные бежали,— подсчитал Конан.— Неплохой улов, ребята, клянусь Кромом! И трое из них — на счету Юлдуза. Что ж ты скромничал, парень?

Юлдуз молча и тщательно вытирая свой клинок полой халата одного из убитых.

— А что, Юлдуз,— весело спросил Фархуд, вбрасывая меч в ножны,— в Кхитае все сыновья ткачей так лихо дерутся?

— Я не хотел их убивать,— тихо сказал юноша.— Я их предупредил.

— Посмотреть на тебя, так ты убиваешь впервые в жизни,— хмурясь, заметил Конан.

— Так оно и есть. По крайней мере, катаной. Лучший бой — это тот, который не состоялся.

— Кром! Тогда зачем же ты носишь при себе меч?— уже не на шутку разозлился ун-бashi.— И когда успел научиться так им владеть? Вертясь перед серебряным зеркалом?

Юлдуз вскинул гордую голову. В глазах его полыхнул недобрый огонь. Но мгновение спустя он ответил тем же тихим и ровным голосом, каким говорил всегда:

— Владение мечом — это искусство. Бой с равным себе и воином — это искусство. Бой с уличным забиякой — это позор. Но другого оружия у меня при себе не было.

Киммериец удивленно вздернул брови и переглянулся с Закиром и Альмидом. Те пожали плечами.

— А если бы было?— спросил Фархуд.

— Если хотите, я расскажу вам одну историю, пока мы едем домой, — предложил Юлдуз. — Кхитайскую легенду. Или, может быть, не совсем легенду.

— Валяй,— разрешил Конан. Близнецы отвязали всех лошадей, отряд расселся по седлам, и начался неторопливый рассказ.

— Когда-то давно в провинции Чжэнь правил благородный Унь Ши из рода Вэй, справедливый и честный наместник Императора. Был у него дайгон по имени Итсан Па, опытный и умелый воин. С другими дайgonами он вел воинство Унь Ши в битвах против камбуйцев, что постоянно тревожили северные границы Кхитая.

И вот однажды наместник заболел. Заболел так тяжело, что все думали, он уже никогда не поправится. А наследовать ему должен был его сын, с которым у Итсан Па однажды вышла ссора — как обычно, из-за прекрасной девушки. Их бой чести не кончился ничем, то есть оба были изранены и не смогли продолжить поединок. Но девушка выбрала сама. Она выходила Итсан Па и стала ему женой. И сын наместника затаил злобу на них обоих.

И вот, когда лекари объявили, что Унь Ши не проживет более недели, Итсан Па пришел к своей любимой и сказал: «Жена моя, возьми детей, возьми столько драгоценностей, сколько сможем мы унести и бежим в Камбую, потому что не будет нам здесь жизни, если наш недруг придет к власти.

— «Как,— удивилась его жена,— ты бросишь своего господина и благодетеля в трудный для него час?»

— «Да, ибо пекусь о благе наших с тобой детей.

Прекрасная Ута-но промолчала, но когда дайтон вернулся с лошадьми, он застал и жену, и детей мертвыми, ибо они предпочли смерть предательству и бегству...»

— Как это?— удивился Закир. — По-твоему, лучше умереть, чем жить в изгнании?

— Лучше умереть, чем предать своего господина,— возразил Юлдуз. — Если не на своих дайгонов ему рассчитывать, то на кого же? Тем паче, что Итсан Па намеревался перейти к его врагам, камбуйцам. Если бы он сделал это миг спустя после смерти своего господина, не нашлось бы никого, кто осудил его. Но моя сказка не об этом. Слушайте дальше.

— «И тогда дайгон Итсан Па проклял своего господина и его сына, проклял и себя самого. И бежал в Камбую. Император Камбуи и Пограничных Островов принял его приветливо и любезно и сделал военачальником над всеми своими войсками. Итсан Па женился второй раз, обзавелся домом и детьми и был счастлив. Он редко вспоминал свою родину, а если вспоминал, то не тосковал по ней. А Унь Ши выжил и правил далее. И вот однажды Император призвал его к себе и сказал: «Я желаю проверить твою преданность мне и трону Камбуи. Завтра утром наши войска выступают походом на провинцию Чжэнь, и ты поведешь их.

— «С великой охотой, ибо там правит мой старинный враг»,— ответил Итсан Па.

— «Чем же так обидел тебя Унь Ши, что ты его ненавидишь?»— спросил его Император.

— «Он обрек меня на вечные страдания и клеймо предателя тем, что не умер, тяжело заболев».

И бывший дайгон повел камбуйское войско на провинцию Чжэнь. Две армии сошлись на широкой равнине, и трава под копытами коней побурела от крови, а неба не стало видно за тучами стрел. И вот Итсан Па, воспользовавшись суматохой боя, пробился к шатру наместника, где он сидел в складном кресле в окружении всего только двух дайгонов. Итсан

Па всегда был лучшим воином всей армии Унь Ши, он легко зарубил бросившихся на него дайгонов. А затем упал на колени перед креслом наместника и закричал: «Прости или убей меня, господин, ибо я не в силах так жить больше!» Но Унь Ши молча сидел в своем кресле, и лицо его было неподвижно. «Тогда я убью тебя и избавлюсь, наконец, от этой пытки!» — крикнул дайгон и кинулся на своего бывшего господина. Унь Ши имел при себе и меч, и метательные кинжалы, но не стал обнажать благородного оружия против предателя. Он отбивался сложенным металлическим веером и даже не встал со своего кресла. А потом подоспели другие дайгоны наместника и убили предателя».

— Это все? — спросил Конан.

— Все, — ответил Юлдуз. — Эту сказку рассказал мне отец, когда я подрался первый раз в жизни и помчался домой за катаной, чтобы порубить обидчиков на куски. Их было больше, и они тогда здорово избили меня. Но позже я свел с ними счеты, а еще позже крепко подружился и не раз думал потом, что было бы, если бы отец не успел меня тогда остановить.

— Это его слова: «Лучший бой — это тот, который не состоялся»? — спросил Конан.

— Нет, это старинная кхитайская поговорка.

— Я бы назвал тебя трусом, Юлдуз, если бы не видел, как ты дерешься, — задумчиво сказал Конан. — Ты прав, из тебя плохой воин. Но из тебя вышел бы хороший правитель.

— Пока что из меня вышел хороший ткач! — весело рассмеялся Юлдуз. — Я подарил Руте за лошадь ковер своей работы из тех, что не распродал, и она благодарила меня так, словно получила луну с небес. А что может быть лучшей музыкой для ушай мастера, чем похвала?

— Звон катаны! — ехидно ввернул Фархуд. — Я не видел тебя за ткацким станком, но видел с мечом в руках. Не пройдет и трех месяцев, как ун-бashi сделает из тебя настоящего воина!

Конан, хмурясь, о чем-то напряженно думал.

— Скажи, Юлдуз, твоего отца звали не мастер Тай? — спросил он вдруг негромко. — Ты еще ни разу не говорил, что ткешь ковры, а не шелк или бархат.

— Моего отца звали Тай Цзы, — ответил Юлдуз. — Это его ковер лежит у Бахрама во дворе.

— И ты хотел его украсть? А я тебе помешал?

Юлдуз помолчал. Конан смотрел на него чуть сощуря синие глаза, и не было в них ни осуждения, ни злости.

— Я сказал тебе, что я хотел сделать, — ответил, наконец, Юлдуз. — Можешь назвать это «украсть», если хочешь.

Фархуд, Закир и Альмид спорили о предательстве и чести наемника и не слышали тихий разговор ун-бashi и новобранца.

— Запомни, парень: мне нет дела до ссор твоего отца и почтенного Бахрама, — раздельно произнес Конан. — Но если я еще раз застану тебя во Дворе Гаданий в неурочное время, я спущу с тебя шкуру, ты понял?

Юлдуз склонил голову:

— Я понял, ун-бashi.

Прибыв в усадьбу, Конан предоставил своим молодцам распускать хвосты перед остальными, а сам отозвал в сторонку Харру и рассказал о нападении так, как было. Упомянул и о предсмертном крике одного из наемных убийц.

— Это были не подвыпившие гуляки, Харра. Это были наемные убийцы. Мардук начал действовать в открытую. Поэтому никаких вылазок в город меньше, чем ввосьмером. Я тут как-нибудь справлюсь с остальными.

— Так Юлдуз дрался за троих? — не без удовольствия переспросил Харра. — А ты еще не хотел брать его. Теперь ты ему веришь?

— Теперь я верю ему еще меньше, чем прежде, — мрачно ответил ун-бashi.

— Да почему же, выгрызи Нергал тебе сердце?! — вспылил Харра. — Знаешь пословицу: по какому mestu не ударь, все тебе больно!

— Он — сын ткача?! — вспылил в ответ Конан. — Кром Владыка! Тогда я — сын короля Аквиilonии! Где ты видел ткача, который разговаривает, как принц крови, и дерется, как берсерк? Зачем-то он лжет, и я много дал бы за то, чтобы узнать правду!

Харра расхохотался.

— Этот дурацкий ларец с дурацким свитком сделал тебя подозрительнее ревнивого мужа, Конан!

В следующее мгновение он уже лежал на земле, сбитый с ног тяжелым ударом кулака.

— Когда все это закончится, — сказал ун-бashi, — можешь как-нибудь за бутылкой обозвать меня даже евнухом, так и быть. А пока придержи свое веселье при себе, иначе, видит Кром, останешься без зубов.

Харра в ответ на это только что-то прорычал, потирая челюсть. Но охота смеяться у него пропала.

А Конан уже шел к казарме, зычно крича:

— Эй, ночные болтуны! Попетушились и хватит! Всем спать, не то завтра подниму до свету и заставлю бегать по дюжине кругов вокруг озера!

— Напугал, — проворчал Харра, поднимаясь с земли и идя за ним следом. — Хоть одну ночь поспи первым, я выспался днем.

— Втиранье в доверие к начальству путем подкупа и лести, — бросил ему через плечо ун-бashi, и помощник вздохнул с облегчением: не злится. — Иди ложись, я тебя сегодня растолкаю раньше, чем обычно.

Харра, еще что-то ворча, полез на свой топчан, а Конан забрался на крышу и сел, подставив лицо убывающей луне. Харра был прав в одном: он слишком подозителен. Какие бы цели ни преследовал Юлдуз, ни к свитку, ни к Мардуфу они, пожалуй, не имели отношения... А из парня и в самом деле можно было бы воспитать славного воина. Вот только заносчив он слишком, хоть и вежлив. Ну, добро бы был он сыном какого-нибудь вельможи, было бы все ясно... Значит, в чем-то он все-таки лжет, повторил себе Конан и снова нахмурился. Вот только зачем?

Шорох внизу прервал его мысли. Где-то возле дома прятался человек. Конан насторожился. Спрыгнув со стены, он начал по-кошачьи бесшумно подбираться к тем кустам, откуда доносились подозрительные звуки.

Это могла быть и ласка, крадущаяся в курятник, и новый посланец Мардуфа. Шорох смеялся. Переместившись вслед за ним, Конан услышал разговор. Говорили двое, но так тихо, что слов было не разобрать. Ун-бashi затаился в кустах, ожидая, когда воры начнут подбираться к ларцу. Но они почему-то не торопились. Разговор становился все громче, и Конан, пользуясь тем, что его явно не слышат, подошел поближе. И тут все стихло. «Прах и пепел» — почти беззвучно выругался киммериец и скользнул по траве к дверям внутреннего двора, боясь упустить злоумышленников.

Но звук возобновился в другой стороне, там, где выходила в сад большая веранда. Что-то быстро прошуршало по траве среди деревьев и исчезло в саду. Конан кинулся к ларцу — свиток был на месте.

Осторожно закрыв крышку, он снова прислушался, сдерживая дыхание. В доме кто-то плакал. Конан неслышной тенью вышел в сад и заскользил вдоль стены дома, подбираясь к тому окну, откуда доносились тихие всхлипывания.

Ун-бashi перевел дыхание. Похоже, кто-то просто приходил к одной из девушки служанок, и они поссорились. Наверно, какой-нибудь деревенский парень. Двое служанок Мейры изредка появлялись во дворе и в саду, пробегая мимо солдат Конана шаловливыми ящерками.

Обе были смуглые, румяные, с лукавыми ямочками на щеках. Деревенского воздыхателя одной из них Конан даже как-то видел: он однажды приходил к дому вечерней порой. Киммериец уже собрался вернуться на свой наблюдательный пост, как вдруг из окна высунулась девичья головка и быстро огляделась вокруг. Конан почти слился со стеной и травой, боясь вздохнуть. Короткое время спустя из окна вылезла девушка. Повисла на карнизе, сползая на животе, а потом спрыгнула вниз.

Встав и отряхнувшись, она решительно пошла через сад. Конан, заинтригованный, двинул вслед за ней. Он бесшумно крался между деревьев, перебегая с места на место, но вскоре понял, что мог бы просто идти по тропе, ведущей к озеру, — девушка не заметила бы ничего. Она шла, низко опустив голову, прижимая к груди стиснутые руки и что-то быстро бормоча про себя. Конан не разобрал ни слова, кроме многократного призыва к всеблагому Эрлику и милостивой Иштар.

Тонкая белая фигурка почти светилась в темноте. Девушка вышла к берегу озера и молитвенно вскинула руки. На запястьях у нее звякнули браслеты. Она сняла одну туфлю и попробовала воду пальцами ноги. Потом вздохнула и, не раздеваясь, вошла в озеро.

«Кто же это купается в платье и украшениях?» — успел подумать Конан, но тут девушка вскрикнула по-птичьи, потеряв опору под ногами — видимо, ступила в яму — и скрылась под водой. На миг ее головка вынырнула, всколыхнув равнодушную гладь озера, — и тотчас же снова пропала, увлекаемая тяжелыми косами.

Конан, сам когда-то попавший в реку, не стянув в узел своих длинных волос, хорошо помнил, какой тяжестью они становятся в воде. А косы у ночной купальщицы были чуть не до земли.

Помянув Нергала, он ужом выскользнул из перевязи с мечом, на всякий случай зажал в зубах кинжал, скинул сапоги и прыгнул в теплую, как парное молоко, воду. В несколько гребков сильными руками он достиг того места, где еще расходились круги, и нырнул. Подводная яма оказалась неглубокой, чуть выше его роста, он схватил девушку за косы и вытянул на поверхность.

Как ни скучен был свет ущербной луны, Конан тотчас узнал ее. Это была Фейра, любительница сказок. Славную сказку решила она рассказать своему озеру напоследок!

Вытащив на берег мокрую добычу, киммериец, имевший весьма смутные представления о том, что делать с утопленниками, пристроил девушку головой себе на колени, разорвал ворот платья и принялся растирать ей холодную грудь. По счастью, Фейра не успела наглотаться воды и еще дышала.

Терка его жестких, загрубевших мозолистых ладоней оставляла красные отпечатки на нежной коже, и если не побежавшая живее кровь, то боль от его усилий заставила девушку

очнуться. Она застонала и открыла глаза. И увидела склонившееся над ней темное от торфяной воды лицо в обрамлении черных мокрых волос.

— Кто ты? — слабым голосом спросила девушка.

— Дух озерных глубин, который забирает таких вот дурочек, как ты, — сердито ответил Конан.

С него текла вода, в волосы набились тина и водоросли, его вполне можно было принять за озерного демона.

— А мне все равно, — ответила Фейра и закрыла глаза. — Делай со мной что хочешь, хоть ешь.

Киммериец выругался и несильно, но хлестко ударил ее по щеке. Девушка вскрикнула.

— Очнись, детка, — сказал он тоном, в котором ясно читалось: «Тебе же будет хуже, если ты этого не сделаешь». — Я не намерен торчать тут над тобой до рассвета. Ты подхватишь лихорадку, если будешь дальше лежать мокрая на холодной земле, — добавил он тоном ниже.

Утопленница выглядела так жалко, что язык не поворачивался бранить ее.

— Так я жива! — поняла, наконец, Фейра и с неожиданной яростью набросилась на своего спасителя: — Зачем ты это сделал? Разве я кричала «помогите»? А?! Кто тебя просил меня спасать? Это входит в твои обязанности ун-бashi — вытаскивать девушек из воды, когда они хотят утопиться?

Натиск ее был так внезапен, что Конан на миг лишился дара речи. Девушка еще что-то выкрикивала с ненавистью, сжимая маленькие кулаки, когда он молча сгреб ее в охапку и решительно направился вдоль берега, туда, где над озером поднимался высокий глинистый обрыв. Встав на краю, он поднял отбивающуюся дерзкую девчонку на вытянутых руках. Она затихла, боясь шевельнуться.

— Ну? Швырнуть тебя вниз или отпустить, о, ты, жаждущая смерти в зловонной тине?

— Пустить, пустить! — поспешил пискнуть она.

Конан рассмеялся и опустил Фейру на землю.

— Дурочка, — сказал он ласково. И назидательным тоном повторил фразу, услышанную на днях от мудрого Магриба: — Ибо живой еще может повернуть колесо своей судьбы, мертвые же — мертвы.

Фейра без сил опустилась в траву и разрыдалась.

— Колесо моей судьбы крутит отец! — услышал Конан сквозь всхлипывания. — Я вольна только умереть. Может, я и в самом деле умру от лихорадки, если просижу на земле остаток ночи...

— Вот заладила! Ну-ка, вставай, и пойдем со мной, нам обоим надо обсушиться и переодеться. Я дам тебе мяса и вина, что остались от ужина, и ты расскажешь мне, с чего это такая хорошенъкая девчонка, как ты, захотела вдруг свести счеты с жизнью.

Всхлипывая, она побрела за ним к казарме. В доме все спали, не было только нескольких солдат, которых Конан отпустил в город до рассвета. Киммериец стянул с себя мокрые штаны и рубашку, оставшись в одной набедренной повязке, растопил печь во дворе, вытащил из своих вещей теплый плащ из верблюжьей шерсти, кинул Фейре:

— Снимай все мокрое и укутайся пока в это. — И, чтобы не смущать девушку, ушел за низкую глинистую стену, бросив через плечо: — Крикнешь, когда управишься.

Ждать ему пришлось долго. Зато когда он вернулся, наконец, во двор, на большой жаровне уже шкворчало мясо, распространяя в ночном воздухе восхитительный запах, а

мокрая одежда — и ее, и его — была развезена на низких ветвях кривого тутовника, росшего над виноградной решеткой. Фейра, обмотанная одеялом по самые подмышки, сидела у пышущей жаром печи и расплетала свои мокрые косы.

— Ну,— сказал Конан, разливая вино по глиняным кружкам,— я жду рассказа. Полагаю, я заслужил его. И если это в человеческих силах, я обещаю помочь тебе в твоей беде, только, ради прекрасной Иштар, не топись больше.

— Не смейся надо мной, о, храбрый воин из далекой Киммерии,— тихо сказала Фейра, не поднимая глаз.— История моя проста, и помочь ты мне не можешь ничем.

— Пока человек жив, ему всегда можно помочь,— заметил Конан. — Так что рассказывай.

— Что ж, ты и сам уже многое знаешь. Мы с Юлдузом встретились прошлой осенью в доме моего отца, и с первой встречи полюбили друг друга. Солнце казалось нам черным, трава казалась золотом, пока мы были в разлуке, и все цветы расцветали для нас, когда он приезжал — открыто или тайком, извещая о себе через пастушка из деревни.— Фейра говорила нараспев, прикрыв глаза и тихонько раскачиваясь, словно рассказывала старинное предание.— А весною состоялся свовор, и после празднеств Равноденствия должна была быть наша свадьба...

— Так вот зачем он здесь, этот красавчик!— с облегчением расхохотался Конан.— А я то, выгрызи Нергал мою печеньку, уж всерьез подумывал, не шпион ли он Мардуфа. Ты обрадовала и успокоила меня, девочка. Хочешь еще вина? Нет? Ну, я налью себе... Так почему же вы не поженились, раз так любите друг друга?

— Потому что наши отцы повздорили между собой,— вздохнула Фейра.— Я уже говорила тебе, что так и не поняла, в чем же там было дело. До свадьбы оставалось всего две луны... А мастер Тай вдруг умер от какой-то своей кхитайской болезни, а, может, просто от огорчения...

Она снова всхлипнула.

— Ну, пусть бы отец просто отказал Юлдузу, я бы ушла в храм Иштар и приняла бы обет, и молилась бы всю жизнь, чтобы мой возлюбленный смог полюбить другую...

Слезы уже вовсю текли у нее по лицу, ей было жаль себя, ей совсем не хотелось уходить в храм, этой маленькой, перепуганной девочке, у которой первая любовь обернулась таким страданием и страхом.— Но теперь он сватает меня за этого слоняя, Амаля!

Конан хмыкнул: томный надушенный юноша, по его мнению, заслуживал еще менее лестного имени. Но не удержался и чуть поддразнил девушку:

— Ну, слоняй или нет, а смотрит он на тебя...

— Как пес на течную суку,— зло сказала Фейра, поджав губы и сузив глаза.

«А девчонка с характером,— с уважением отметил Конан.— Юлдузу-то, может, несладко придется». А вслух сказал:

— Ну ладно, а топиться-то зачем?

— А что ж мне еще остается?— по-детски наивно сказала она.— Свадьба назначена на новолуние. Юлдуз говорит: «Потерпи, родная, я непременно что-нибудь придумаю». Но только что тут придумаешь?

— До новолуния еще целых семь дней. Скажись больной, тяни время. Вы, женщины, прекрасно умеете это делать, если захотите.

— А потом что? Юлдуз поступил к тебе на службу...

— Не ко мне, а к Повелителю Илдизу...— строго поправил ее Конан.

— ...Да сияет над ним Око Эрлика все его дни, только мне-то как быть? Он уйдет с тобой в столицу и пока еще дослужится до такого чина, чтобы увезти меня от отца силой! А мужнюю жену по законам Пророка не может увезти и Великий визирь, чтобы не быть после этого битым палками по пяткам и лишенным мужества. Разве что я отравлю своего благоверного, да простит мне милостивая Иштар самые помыслы об этом. Но злодейством счастья не добудешь...

Слезы снова навернулись ей на глаза.

— А ведь ты права, малышка! — весело воскликнул киммериец, осененный счастливой мыслью. — Никто не может отобрать у мужа жену, даже Великий визирь Повелителя! Поэтому вам двоим нужно просто пожениться.

Девушка посмотрела на него с надеждой.

— Но ведь нужно двое свидетелей... — робко сказала она. — А у нас с Юлдузом никого нет...

— Меня и Харры будет недостаточно?

Конан вскочил на ноги, ему не терпелось осуществить свою затею. Девчонка нравилась ему все больше, а к вздорному астрологу он не питал никакой привязни, особенно после учиненного накануне скандала. Провести глупого и упрямого родителя и выручить из беды двух отчаявшихся влюбленных — что может быть благороднее? И киммериец, внутренне хохоча в предвкушении веселой проделки, велел Фейре:

— Беги-ка, надень что-нибудь подобающее, да скорее возвращайся сюда. Ты верхом ездить умеешь?

— Смогу, если надо! — отозвалась Фейра совсем другим, звонким и веселым голосом. — Я быстро!

И, вскарабкавшись на плоскую крышу казармы по приставной лестнице, она почти бесшумно исчезла в саду.

— Ай, да девушка! — восхищенно пробормотал киммериец. — Мне бы такую сестренку! Иштар щедра к Юлдузу!

Войдя в казарму, он направился к топчану новобранца, намереваясь поднять его хорошим пинком. Но место у стены пустовало. На топчане лежало одно только свернутое одеяло, которое в темноте легко можно было принять за спящего человека. Но к пинкам ун-бashi оно осталось совершенно равнодушно. Киммериец не на шутку разозлился.

— Кхитайский ублюдок! — шепотом выругался Конан. — Где он шляется, Нергал его забери?

— Что случилось? — послышался из темноты хриплый со сна голос Харры. — Тревога? Будить всех?

— Хорошо, что ты проснулся, — отозвался Конан и еще раз пнул уже лежащее на полу одеяло Юлдуза. — Вставай, Харра, иди за мной.

Выбравшись из душной тьмы общей спальни, Конан быстро пересказал своему помощнику события этой ночи.

— Ну, и где же он, этот пылкий влюбленный? — хмыкнул Харра.

— Шляется где-то рядом, ищет возлюбленную в озере — может, догадался, что не вовремя оставил. Вот и он!

В калитке, ведущей из двора в сад, появился Юлдуз. Увидев ун-бashi и его помощника, явно его поджидающих, юноша растерянно застыл на месте.

— Где ты был? — спросил Конан самым суровым тоном, на какой был способен. Харра

тихо хрюкнул у него за спиной.

— Там, где ты запретил мне бывать, мой ун-бashi,— глядя Конану прямо в глаза, честно ответил Юлдуз.

— Если бы ты был чуть-чуть поразговорчивее, сын мой, — сказал ун-бashi тоном Магриба,— я смог бы помочь тебе гораздо раньше.— И, с удовольствием глядя на недоумевающего новобранца, велел:— Оседлай четырех лошадей, мы едем в город.

Юлдуз, не говоря ни слова, отправился в конюшню. Конан обернулся к Харре.

— Что скажешь, старый друг? Надо помочь несчастным детям. Нет ли у тебя в городе знакомого казия или жреца Эрлика, мой хитроумный Харра? Сойдет даже младший жрец.

— Найдем,— ухмыльнулся Харра.— Где-то у нас тут было вино, а то гортань у меня пересохла, как заброшенный колодец.— Разыскав кувшин, он приложился к нему, не утруждаясь поисками чистой чаши.— Ах, хорошо, клянусь Оком Эрлика, под чими лучами созрел виноград для этого вина!.. Мне тоже не по нраву вздорный старикан. Хорошо бы сыграть с ним эту шутку. Эй, Юлдуз!— окликнул он юношу, который уже вывел четверых оседланных скакунов и подтягивал подпруги.— А сохранил ли ты запись о сговоре?

— Каком еще сговоре?— очень натурально изображая неведенье, отозвался Юлдуз.

— О вашей свадьбе с несравненной Фейрой!— невозмутимо заявил Конан, веселясь от души.— Я ее сегодня выпашил за косы из озера, так надоело малышке ждать, пока ты наконец решишься назвать ее своей!— И, словно не замечая, как резко побледнел Юлдуз, киммериец добавил с самой серьезной миной:

— Я тебе просто завидую, парень. Не каждый день топяется из-за меня прекрасные девушки!

— Да, если б каждый, это было бы приятно,— заметил хохочущий Харра.

— Что с Фейрой?— тихо сказал Юлдуз таким жутким голосом, что начальник, дабы тут же на месте не лишиться подающего надежды воина, поспешил его успокоить:

— Жива она, жива. Ручаюсь, сейчас она выпрыгнула из окна отчего дома и со всех ног бежит сюда — слышишь шорох в кустах? Нынче ночью мы едем в город тайно вас женить.— Конан закатил глаза и загнусил, весьма искусно подражая казию: — Согласен ли Юлдуз, сын ремесленника Тай Цзы, взять в жены Фейру, дочь астролога Бахрама, сына... Кого-то ибн Такого-то...

— Горшечника Мирада,— приглушенно выкрикнул девичий голос, и перед пораженными мужчинами предстала преобразившаяся Фейра — в белом платье и белых же шелковых шальварах, в золотом халате и тонком покрывале. Расшитые жемчугом маленькие туфли не годились для скачки, и ун-бashi ворчливо распорядился:

— Юлдуз, расседлай одну лошадь, невеста поедет с тобой, целее будет... Может, закатать тебя в ковер для верности?

— Обойдется, — буркнул Харра.

Означенная невеста этой ночью сделалась чудо как хороша, и наемник вдруг застыдился своего заспанного вида, встрепанных волос и заляпанных винными и жирными пятнами штанов.

— Давай я подсажу.— Он подставил руки, и Фейра ловко взобралась на седло— Вот так. А теперь — поехали, небо уже сереет. Успеть бы, пока не хватились.

Глава 6. Ночной сговор. Бахрам

На рассвете они вернулись. Конан бросился поднимать разоспавшийся отряд. Харра занялся взмыленными лошадьми, а Юлдуз посадил Фейру в раскрытое окно ее маленькой спальни. Их прощание, как ни было оно тихо, разбудило одного из постояльцев Бахрама. На беду влюбленных это был Амаль.

Томясь все эти дни по прекрасной, но недоступной Фейре, осыпавшей его колкостями всякий раз, когда он пытался с нею заговорить, молодой астролог плохо спал ночами. В это утро он собирался выбраться пораньше в сад и нарвать роз для своей почти невесты.

Он проделывал это уже не первое утро — вставал до зари, резал цветы, нещадно кромсая тугие, колючие стебли, а затем выбрасывал их в овраг за домом, потому что не находил в себе сил преподнести их черноокой недотроге.

Утешало сохнувшего от любви Амала лишь то, что отец девушки, похоже, всячески приветствовал его ухаживания, и даже объявил вчера сговор. Но Фейра, услышав об этом, ударила в слезы, чем окончательно убедила несчастного, что он ей совсем не мил. И бедный юноша, понимая, что никогда не сможет ввести в дом женщину, которая его не любит, краснел и бледнел, слушая излияния Бахрама о том, как будет прекрасен этот брак, как благословен всеми богами.

Фейра рыдала, Бахрам говорил все громче, а Амаль не знал, куда деться от стыда.

Но увидев, как нежно целует его невеста другого, молодой астролог почувствовал себя оскорбленным. Пусть он не любим девушкой, но сговор есть сговор. Как хватило ей бесстыдства у него на глазах целоваться с солдатом, только позавчера зачисленным в отряд! Что же, став его женой... Но тут Амаль, прервав поток своего негодования, вспомнил, что женой эта девушка ему никогда не будет. К чему же тогда возмущаться тем, что ей любезен кто-то другой? Но порыв благородства прошел, Амаль снова вспомнил, что Фейра обещана ему отцом девушки, мудрейшим Бахрамом, а это значит, что его нужно поставить в известность о том, что происходит в его доме. И, едва завершилась церемония Седьмого дня, он твердым шагом подошел к Бахраму и выложил ему все, что видел.

— Ах, бесстыдница! — вскричал толстый астролог, вскакивая с места и устремляясь к комнатам дочери. — Ну, я призову тебя к порядку! Посажу на хлеб и воду! Завтра же выдам за Амала! Ты слышишь меня, дрянная девчонка?

— Слыши, — невозмутимо отозвалась Фейра. — Но ничего из этого ты не сделаешь!

— Сделаю, клянусь Эрликом! За косы поволоку к жрецам! Либо замуж, либо тотчас в храм, принимай обет Невесты Пророка! — Бахрам в ярости метелся по комнате, но, видя странную, неестественную невозмутимость дочери перед родительским гневом, остановился и неуверенно спросил: — Тебе что же, все равно?

— Ты ничего не сделаешь, отец! — весело отозвалась Фейра и закружилась по комнате, схватив себя за кончики кос. — Ничего, ничего, ничего!

— Что это означает? — рассердился Бахрам, вертя головой вслед ее танцу. — Да перестань ты вертеться, наконец!

— Это означает, что замужняя женщина не может выйти замуж вторично или быть отдана в храм на пострижение в Невесты! — отозвалась Фейра, послушно садясь. — А я теперь — замужняя женщина!

В первый миг Бахрам вообразил, что это просто шутка.

— Замужняя? — умильно переспросил он. — Да неужели?

— Замужняя, — уже серьезно подтвердила Фейра. — И больше ты надо мной не властен, потому что мой господин отныне не ты, а мой муж.

— Муж! Эрлик Всемогущий! Что это за слово такое — муж! — продолжал восклицать Бахрам, воздевая руки. — Какой еще муж?

— Мой муж, за которого ты обещал меня выдать еще луну назад, — все так же спокойно ответила Фейра. — Юлдуз.

— К-как Юлдуз? — поперхнулся астролог. Несколько мгновений он стоял, хватая ртом воздух, а затем вдруг выбежал из дома и помчался к хозяйственному двору.

Завидев его тучную, подпрыгивающую как колесо на ухабах, фигуру, Харра тронул Конана за плечо.

— К нам гости, — негромко сказал он.

Бахрам влетел во двор, тяжело и надсадно дыша.

— Где этот сын греха и позора? — проревел он, едва вдохнув. — Где этот соблазнитель дочерей?

— Ты кого-то ищешь, почтенный наш хозяин? — поинтересовался Харра, выступая вперед с вилами в руках. Бахрам попятился, но так скоро сдаваться не собирался.

— Да, я ищу вашего новобранца! Что за растлителя невинных душ ты принял в свой отряд, доблестный ун-бashi! — обратился он с упреком к Конану.

Тот развернулся и рявкнул во всю силу легких.

— Юлдуз! Сюда!

Юлдуз, сражавшийся на арене с Фархудом, поспешил обтереться и предстать перед ун-бashi.

— Тебя хотел видеть мудрейший Бахрам, — сказал Конан и сел на скамью у стола, всем своим видом давая понять, что не желает упустить интереснейший разговор. — Садись, мудрый старец. В ногах, говорят, правды нет.

Бахрам не принял приглашения, а сразу накинулся на Юлдуза.

— О, ты, недостойный имени своей матери, ибо про имя твоего отца я не говорю ни слова, столь оно мне противно! — завопил он с прежней силой. — Как посмел ты обесчестить мою дочь и склонить ее к сожительству, не освященному законами Пророка! Отвечай, потомок нечестивых родителей!

Юлдуз молча развернулся и исчез в казарме. Астролог недоумевающе обернулся на Конана, но прежде, чем он успел раскрыть рот, юноша появился снова — со свитком в руках.

— Прочти это, почтенный Бахрам, — спокойно сказал Юлдуз, поднося свиток к глазам старика, но, не давая взять в руки. — Здесь черным по белому записано, что я и Фейра отныне — муж и жена. Начиная с первой стражи этого дня, то есть вот уже шесть часов.

Казалось, старика хватит удар на месте. Он побледнел, потом побагровел, потом снова побледнел.

— Кто свидетельствовал? — еле слышно прохрипел он.

— Я и Харра, — незамедлительно ответил Конан. — Хочешь ли ты узнать еще что-нибудь?

— Нет, чтоб ты провалился прямиком на Серые Равнины! — с неожиданной яростью ответил астролог. — Чтоб тебя загрыз пещерный волк, чтоб ты...

— Умерь поток своего красноречия, старик, — сурово сказал Конан, поднявшись. — Здесь никто не нанес тебе никакого урона. Их поженили по свидетельству о сговоре,

подписанным тобою и отцом Юлдуза луну назад. Подобные бумаги теряют силу только по истечении пяти лет.

— Но моя дочь! — простонал Бахрам, закрывая лицо руками. — Моя бедная птичка! Куда она пойдет с этим оборванцем? Где преклонит голову? У него ведь нет даже дома!

— Я думаю, им это все равно, мой ученый друг, — послышалось вдруг позади, и к Бахраму подошел Магриб. — Пойдем со мною, сядем на циновки и обсудим, что же с тобой приключилось.

Бахрам покорно дал себя увести на веранду и усадить перед кальяном.

— Не хочешь ли, почтенный Бахрам, я расскажу тебе одну историю, — напевно сказал Магриб, подавая расстроенному астрологу трубку. Тот жадно втянул в себя воздух, раскурил кальян и затянулся. Магриб расценил это как согласие.

— Тогда слушай. Когда-то в Иранистане, что лежит не так далеко от наших земель, в одном из городов правил суровый и усердный в постах и молитвах мадрант по имени Рамир. Было у него двое детей — родной сын и приемная дочь. И принц, и принцесса очень любили друг друга. Они прожили детство как брат и сестра, выросли и узнали, что не родные друг другу, и тогда в их сердцах вспыхнула страсть. Солнце казалось им черным, море казалось им глыбой льда, ничто не радовало взор и не услаждало слух, если были они не рядом.

У мадранта в сокровищнице хранилась одна диковина: рукотворный летающий конь. Его сделал древний мастер-атлант, давно сгинувший во мраке времен. Но металлического коня хранили с тщанием и заботой, и ни одно пятнышко ржавчины не смело поселилось на его полированных позолоченных боках. Внутри коня был заключен сложный механизм, позволявший ему подняться в воздух. Отец Рамира, от которого тот унаследовал это сокровище, сказал сыну, умирая: «Сын мой, храни главную нашу драгоценность, но помни, что если хотя бы раз в год не поднимать коня в воздух, зубчатые колесики и сложные пружинки разладятся и выйдут из строя. И вся ценность этого несравненного сокровища уйдет, останется лишь груда металла».

С этими словами старый мадрант умер. Рамир и сам понимал, что чудесный механизм не может простоять годы без дела. Но вот беда — он очень боялся высоты. И поэтому на коне поднимался раз в год его сын, отважный принц. Он взлетал с высокой крыши дворца, делал круг над городом и опускался на крышу снова.

Годы шли, принц и принцесса подрастали, а мадрант старел.

Жизнь и весна перестали радовать его. И решил он, что женитьба на юной принцессе вернет ему силы и вкус к жизни. И он объявил ей о том, что решил взять ее в жены, велел радоваться и плясать. А бедняжка не знала, куда деваться от горя. Тогда пришел к мадранту сын и сказал: «Отец, ты обезумел! Ты неволишь свою приемную дочь идти за тебя замуж, а она вдвое тебя моложе! И неужели ты не видишь, что мы давно и страстно любим друг друга. Пожени нас, твоя воспитанница народит тебе внуков, и радость снова вернется в твое сердце, ибо детский смех есть соль земли». Но мадрант не захотел слушать разумные речи сына. Он запер девушку в высокой башне, а принца велел изгнать из города. И тогда юноша, которому, конечно же, были ведомы все тайные ходы родного дома, пробрался ночью в сокровищницу и украл волшебного коня. Это было смелое, но рискованное решение, потому что никто не знал, в каком состоянии теперь древний механизм, и поднимет ли он двоих, а если поднимет, то далеко ли унесет. Но юноша сумел подняться на коне не с крыши дворца, а от земли, и помчался по облакам к башне, где томилась его возлюбленная.

И он выкрад ее и увез в далекий край, где их не мог уже найти жестокий мадрант. Они

улетели и были счастливы. А мадрант из-за упрямства и глупости своей потерял в один час все: и воспитанницу, и сына, и сокровище. И на внука ему тоже не пришлось порадоваться. Рассказывают, что он вскоре после этого умер в своем дворце один-одинешенек.

— Прекрасная сказка,— заметил Хамир, стоявший у веранды и слышавший все почти с первых слов.— Очень подходящая.

— К чему подходящая?— жалобно заскулил Бахрам.— Неужели ко мне? Но разве я враг своей дочери? Какой отец согласится отдать родное дитя за оборванца без гроша за душой? И Амаль — такой славный юноша!

— Ты, несомненно, враг своей дочери,— кивнул Магриб. — Все мы враги своим детям. Но сейчас ты еще и пытаешься быть врагом самому себе. Мадрант лишился всех своих сокровищ, лишившись и ты.

— И умрешь здесь один-одинешенек,— подхватил, смеясь, Хамир.— У меня у самого трое внуков, и я знаю, какое это счастье — кратковременная тишина в доме. Но как тревожно замирает сердце, когда чувствуешь, что тишина эта длится что-то слишком долго!

— Ах, друзья мои!— вздохнул астролог.— Как вы не понимаете: я вовсе не против внуков, я против этого полукровки! Кто может поручиться, что отец его не мошенник и не проходимец? Один только Эрлик знает, отчего он бежал из своего Кхитая!

— Ты ведь говоришь о мастере Тае, верно?— уточнил Магриб, и с удовольствием увидел, как насторожился Хамир.

— Мастер Тай?— перспросил он.— Тай Цзы? Так этот мальчик — сын мастера Тай Цзы? Того самого, что учился у турецких, но изображал не затейливые узоры и сложные орнаменты с вплетенными письменами, а бабочек, птиц, барсов и леопардов, цветы и травы? Ведь это про его ковры говорили, что когда на них выткано отражение луны в озерной глади, его хочется зажерпнуть ладонью?

— Он самый,— подтвердил Магриб.

— Друг мой Бахрам, да ты лишился рассудка!— воскликнул Хамир.— Упустить такого зятя! Он же сам прославленный мастер! Он прокормит и себя, и твою Фейру, и тебя, если придется!

— Не нужен мне такой зять,— упрямо проворчал Бахрам.— И Фейре такой муж не нужен.

— Бахрам,— произнес Магриб почти сурово.— Вспомни рассказалую мною сказку. Ты потеряешь все — и дочь, и сына, и летающего коня!

Старый астролог посмотрел на Небесного Визиря почти испуганно, но вскоре справился со своим страхом.

— И все же я не вижу смысла в твоей сказке, сиятельный Магриб, — сказал он и вздрогнул, когда звездочет ответил:

— Еще увидишь, мудрейший Бахрам. Но будет уже поздно: принцесса и принц улетят на коне.

Магриб поднялся, вслед за ним поднялся и Хамир. Бахрам остался сидеть на веранде — с погасшим кальяном и обуреваемый самыми страшными подозрениями.

— Колдун, настоящий колдун,— прошептал он еле слышно, имея в виду Магриба. Затем вздохнул и снова поплелся к казарме.

На этот раз все получилось так, как он хотел. Грозного ун-бashi не было поблизости, а в тени винограда ной решетки сидел Юлдуз и шелковой масляной тряпкой полировал свой меч. Бахрам подсел к нему.

— Ну, на что она тебе, — зашептал астролог, склоняясь к самому уху юноши. — Неужели мало девушек вокруг. Ведь ты увезешь ее, увезешь далеко, и я больше никогда не увижу мою девочку... — Казалось, Бахрам вот-вот расплачется.

— Ни я не откажусь от Фейры, ни она от меня,— жестко сказал Юлдуз.— А тебе, лживый старик, лучше держаться от меня подальше. Я хорошо знаю, что свело в могилу моего отца.

Бахрам всплеснул короткими ручками.

— Столько шуму из-за какого-то ковра! Да можешь забирать его, если он тебе так дорог. — Тут он снова пригнулся к Юлдузу.— Только Фейру оставь мне — и забирай его. Знаешь, сколько мне за него предлагал Магриб? Тебе на всю жизнь хватит.

Юлдуз поднялся.

— Я сказал, а ты слышал,— равнодушно сообщил он.— Окончится Гадание, и я увезу Фейру в Аграпур. А ты можешь делать все, что хочешь. Можешь по частям съесть последний ковер моего отца.

Он вбросил катану в ножны за спиной, подхватил со скамьи кожаную безрукавку, несколько защищающую при тренировочных боях, и ушел за конюшню. Там находилась небольшая аrena, посыпанная белым песком.

На ней отряд Конана тренировал руку и глаз, отрабатывая точность ударов друг на друге. На арене уже поджидали Юлдуза Харра и Закир, одетые в такие же безрукавки.

— Ты еще попляшешь у меня, молокосос!— проскрипел ему вслед Бахрам, багровый от злости.— Я найду на вас на всех управу!

И он, прихрамывая на затекшую ногу, направился к дому.

Вслед ему посмотрел Конан, не замеченный ни Юлдузом, ни Бахрамом.

— Клянусь Кромом,— пробормотал киммериец,— старик что-то затевает. И я готов дать палец на отсечение, что-то весьма недобroe.

Беспокойно прошло утро, беспокойно прошел день, беспокойно начинался вечер. Конан отпустил большую часть отряда в город до утра, и на дворе было тихо, но тишина эта напоминала затишье перед бурей, когда воздух так плотен, что его, кажется, можно резать ножом, а кожу на руках покалывают тысячи мельчайших иголочек.

После стычки в «Трех негодяях» Конан не требовал от солдат непременного возвращения в усадьбу на ночь, чем вызвал бесконечную признательность Руты, которая предпочитала для веселья темное время суток, да и боялась оставаться в трактире без мужской поддержки.

Быстро темнело. Сверчки снова надрывались в траве. Конан сидел на своем обычном месте на крыше и вслушивался в ночную тишину. Вечер был так тих и звонок, что Конан слышал даже плеск играющей рыбы в воде.

В крохотном оконце башни снова горел огонь, перемигиваясь с негасимой лампадой внизу. Конан мечтательно глянул вверх, где в вышине башни трудился Магриб ибн Рудаз. Зеленый огонек мигнул, и киммериец опустил взгляд, почти ожидая, что желтый мигнет ему в ответ. Но вместо этого он погас совсем.

Конан нахмурился и привстал на крыше, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь в неверном свете убывающей луны. Желтый огонек лампадки снова вспыхнул и снова погас. Это могло означать только одно: его закрывала чья-то тень. Как и накануне, Конан бесшумно соскользнул с крыши и широкими, стелющимися прыжками пересек открытое пространство между деревьями. Припав к стене внутреннего двора, Конан услышал голоса.

В следующий миг воры уже выходили из дверей, и киммериец не успел подготовиться, как следует.

Прыгнув на того, который оказался ближе, ун-бashi одним движением повалил его и сел сверху на грудь.

После чего резким рывком вывернул ему голову, сломав шею. Второй вор тем временем, не дожидаясь, пока его постигнет участь товарища, бросился бежать. Конан обернулся — и увидел у беглеца зажатый в руке пергамент.

С рычанием разъяренного тигра киммериец бросился вдогонку. Но то ли вор очень хотел жить, то ли хорошо бегал, потому что Конан почти сразу потерял его из виду. Но зная, что бежать здесь можно только в сторону дороги на Хоарезм, кинулся ему наперевез.

Настиг он его только у самого оврага, за масленичной рощей. А на краю этой рощи, в густой кроне масленичного дерева, скрытый листвой и непроглядной тьмой убывающей луны, сидел, замерев, Ягинар, прозванный за битву в Холодном ущелье Бесстрашным.

Посылая его вслед за двумя опытнейшими ворами, Мардуф рассчитывал если не избавиться от них, заполучив свиток, то хотя бы проследить их судьбу.

И вот, сидя в ветвях, как в огромном плетеном кресле, Ягинар мог со всей отчетливостью видеть, как расправился варвар с двумя незадачливыми похитителями свитка. Поистине, пока этот ун-бashi находится поблизости, свиток остается вне досягаемости воров, даже самых изощренных!

Ягинар готов был себе локти кусать от злости. Владыка Мардуф уже третью ночь подряд призывал его к себе под утро и мягко спрашивал, когда он, наконец, увидит свиток. И каждый раз голос государя звучал все мягче и ласковее, и если военачальник Ягинар не принесет своему повелителю добрых вестей и в этот вечер, тень Ягинара укоротится задолго до наступления полудня.

И разве не пытался Ягинар поймать варвара в городе, после попойки и дебоша? Едва его шпионы донесли, что пять человек из отряда с Конаном во главе заперлись в «Трех Негодяях», Ягинар помчался с этой вестью к владыке. Мардуф разрешил попытаться взять подвыпивших наемников, только велел послать не десять человек, как собирался Ягинар, а пятнадцать. Из этих пятнадцати вернулись только пятеро, причем изрядно ощипанные, а отряд киммерийца меж тем не потерял ни перышка!

Ягинару в тот день крепко досталось от сатрапа Хоарезма. Он валялся у Мардуфа в ногах, вымаливая прощение, потому что знал: это единственный способ разжалобить каменное сердце наместника. Он клялся и обещал, что либо достанет свиток, либо уберет с дороги киммерийца, и государь отпустил его. Но правду сказать, Ягинар ни в малой степени не представлял, что же теперь делать.

И вот, глядя с высоких ветвей на варвара, который, что-то насвистывая себе под нос, прятал под мостом в овраге сначала один труп, затем второй, военачальник с тоской думал, что это были последние воры из лучших, что осталось только жулье, не способное отнять и кусок халвы у младенца, куда их выпускать против этой помеси быка и тигра!

Тем временем Конан забросал лозой трупы и вернулся к дому — но не забрался на крышу казармы, а направился ко Двору Гаданий. И тут Ягинар увидел невероятное. Присев перед столиком с ларцом, в скучном свете лампады, Конан развернул свиток и прочел его — от начала и до конца. В это мгновение он был обречен.

Торопясь спрыгнуть, пока варвар занят чтением свитка, Ягинар белкой скользнул вниз по стволу. Не обращая внимание на то, что у него ободраны руки и вся одежда в соке и смоле,

военачальник осторожными, тихими шагами принял отступать в сторону своей лошади, привязанной в роще со стороны деревенской дороги. Пройдя так, пятясь и оглядываясь, он вдруг услышал в роще шум, какой не под силу было бы произвести и медведю — кто-то с треском и бранью ломился сквозь кусты. Ягинар замер, застыв на одной ноге.

Треск и сопение слышались все ближе, в кустах мелькнула грузная светлая тень. Ягинар взгляделся в ночной сумрак и вдруг устремился навстречу позднему прохожему, так странно решившему сократить свой путь от озера до усадьбы.

— Ты, кажется, заблудился, почтенный Бахрам! — крикнул военачальник Мардуфа еще издали. — Позволь мне подойти и помочь тебе!

Астролог, сопя и бранясь, тщетно пытался выпутать баюруму своего нарядного шелкового пояса из колючек ежевики. Ягинар подошел и, заставив Бахрама снять пояс и оттеснив старика, высвободил изрядно пострадавший кушак.

— Мой доблестный Ягинар! — воскликнул Бахрам, не скрывая своего удивления. — Что ты делаешь здесь в столь поздний час, о, начальник дворцовой стражи?

— Это, скорее, я должен спросить у тебя, почтенный Бахрам, почему ты бродишь в темноте среди пней и колючек? Ибо в твоем возрасте, мудрейший мой друг, ночные прогулки могут обернуться любой хворью... или еще чем похуже. Но я вижу, ты расстроен? Что же заставило тебя выйти ночью из дома и бродить вокруг озера, словно душа грешника, не нашедшая пристанища на Серых Равнинах?

Бахрам сокрущенно махнул рукой:

— Не спрашивай, любезнейший Ягинар! Огорчения мои бесконечны, а думы тяжелы... Но ты все же не ответил на мой вопрос. Ибо то, что я, мучимый бессонницей, брожу вокруг собственного дома, еще понятно; но мне не верится, что даже самая жестокая бессонница может выгнать тебя столь далеко — ведь дом твой, насколько мне известно, находится в Хоарезме, в добром часе езды отсюда! Уж не одолела ли тебя лунная болезнь, о, доблестный воин? Если так, у меня есть прекрасное средство — красное барахтанское, горячее и нежное, как молодая девушка, оно, несомненно, облегчит твой недуг! — Последние слова были сказаны не без ехидства, ибо кому, как не придворному астрологу, было знать, что приступы этой ужасной болезни не одолеваются при ущербной луне.

— Нет, недуги не терзают меня, любезнейший Бахрам, — с тонкой улыбкой, означавшей, что намек астролога услышан и понят, ответил Ягинар. — И я бы с радостью принял твое приглашение, если бы не находился здесь по долгу службы. Уже которую ночь я и мои люди охраняю покой собравшихся здесь мудрейших провидцев Турана.

Бахрам изобразил на лице крайнее изумление:

— Но ведь отряд воинов Повелителя Илдиза и так охраняет наш покой! Или владыке Мардуfu известно о каких-либо кознях, кои замышляют наши враги?

— Нет, — усмехнулся военачальник, — врагам нашим не до козней. Эти иранистанские шакалы сейчас скулят и зализывают раны в своем вонючем логове после трепки, которую мы задали им этой зимой...

— О, да, — льстиво ввернул Бахрам, — я наслышан о твоих победах, Ягинар, по заслугам прозванный Бесстрашным!

— ...Просто государь очень озабочен тем, чтобы Весеннее Гадание прошло благополучно, — словно не слыша его, закончил Ягинар. — Ты говоришь о гвардии Владыки Турана — но где они, эти доблестные львы Повелителя Илдиза? Прислушайся, любезный Бахрам, не их ли храп тревожит ночной покой твоего прекрасного озера? Что-то я не видел

тут ни одного за все эти夜里!

— О нет! — вскипел Бахрам, мгновенно побагровев. — Среди них есть один — великий любитель не спать ночами и обделывать у меня за спиной всякие грязные делишки, недостойные славного звания ун-бashi туранской армии!

Ягинар насторожился:

— Уж не о Конане ли из Киммерии говорит почтенный Бахрам? — вкрадчиво осведомился он. Одним из талантов Ягинара было умение мгновенно оценивать ситуацию и обращать ее ко всяческой своей пользе. — Чем же мог прогневить великого астролога, прорицателя судеб, какой-то северный варвар?

— Посети его дух Серых Равнин! — подхватил Бахрам. — Этот насмешник ни во что не ставит ни заслуги мои, ни седины, ни почтенное имя — горе мне, несчастному отцу!

— Эрлик милосердный! — изобразив на лице приличествующие случаю ужас и сочувствие, попытался вклинииться Ягинар. — Неужели этот презренный сын шакала осмелился покуситься на честь прекрасной Фейры? ..

Но ослепленный собственной яростью, астролог несся вперед на коне своих рассуждений, не замечая ни дороги под копытами своего скакуна, ни встречных на ней.

— Я так мечтал увидеть свою девочку замужем за Амалем, будущим придворным звездочетом правителя прекрасной Замбулы! Но стоило мне вчера объявили словор, как этот проклятый ун-бashi, да уязвит его скорпион в его расползшуюся от бесконечного пьянства печень, приволок откуда-то ее прежнего жениха, этого узкоглазого ублюдка, оставшегося после смерти отца без гроша в кармане! Вообрази себе подобную наглость, мой добрый Ягинар, — нынче утром этот сын греха является ко мне с подписанным брачным договором. Я бы стер этого оборванца в порошок вместе с его свидетельством, но Конан принял его к себе в отряд, и стоит мне промолвить хоть слово, этот киммериец вырастает, словно ифрит из-под земли! Пусть проклят тот, кто надоумил Повелителя Илдиза прислать на весенне гадание отряд под предводительством этого наемника-северянина.

— Воистину будь проклят, — с готовностью откликнулся Ягинар.

В отличие от Бахрама, он прекрасно знал, на чью голову падают сейчас яростные проклятья уязвленного астролога.

— И что же, этот варвар совсем не спит по ночам?

— Право, не знаю, мой добрый Ягинар, — отдуваясь, буркнул Бахрам. При его тучности подобные вспышки ярости не проходили бесследно, и теперь тысячи маленьких стеклистых червячков плавали перед ним в воздухе. — А по мне, так было бы неплохо, если б он заснул покрепче на день-другой — и предпочтительно, подальше от моего дома, в каком-нибудь грязном хоарезмском трактире, где ему самое место!

Ягинар помолчал, словно бы раздумывая, а потом медленно проговорил:

— Если бы я осмелился предложить моему старинному другу всю помошь, на какую способен...

— Ах, да какая тут может быть помошь! — с досадой отмахнулся Бахрам. — Не можешь же ты силой запереть его в Хоарезме!

— Ну, почему же... — вкрадчиво протянул Ягинар, — к тому времени, как ехать в город, он будет уже достаточно пьян... или, скажем, кто-нибудь подмешает ему в вино сонного зелья... то я, пожалуй, смогу продержать его в надежном месте дня два, а то и все три.

Бахрам взглянул на него с робкой надеждой:

— Ты, в самом деле, сделаешь это ради меня, мой добрый друг?

— Я всегда готов прийти на помощь старинному приятелю,— с любезным поклоном отозвался Ягинар.— Если только я буду уверен, что зелье подействует...

— Подействует,— с воодушевлением заверил его астролог,— подействует, можешь не сомневаться!

— ...Так вот, если зелье подействует,— невозмутимо продолжал военачальник, — мои люди будут ожидать его у озера, там, где к нему близко подходит дорога. И клянусь милостями пророка Тарима, ты, почтенный Бахрам, не увидишь его ни завтра, ни послезавтра.

— И вероятно, более никогда, — добавил он про себя.

Толстый астролог расчувствовался до слез.

— Сколь приятна дружеская поддержка,— всхлипнул он,— в час, когда твоя же собственная дочь, свет очей твоих, услада твоей одинокой старости, — он снова всхлипнул, — дерзит тебе и мешает твое имя с грязью!— Тут он шумно высыпался в столь отважно спасенный доблестным другом пояс.

Ягинар, справедливо опасаясь, что дело может дойти и до рыданий у него на плече, поспешил сказать:

— Уже светает, почтенный Бахрам. Мне пора, с восходом солнца я должен быть с докладом у государя.

И, если мы обо всем договорились... а мы, несомненно, договорились...

— Можешь смело на меня положиться!

— В таком случае я оставляю тебя, почтеннейший, — надеюсь, в лучшем расположении духа, чем застал, — поклонился Ягинар и скрылся в густом кустарнике прежде, чем Бахрам успел еще что-то сказать.

Глава 7. Ночной допрос. Мардуф

Первое, что услышал Конан ранним утром Восьмого дня Гадания было возмущенное:

— Ты опять разбудил меня, да еще и завалился спать сам! Я вскочил, как встрепанный, заслышив рядом с собой твой самозабвенный храп! Хорошо хоть, что свиток на месте, я уже проверил!

— Еще бы ему не быть на месте,— пробормотал Конан сонно.— Я сегодня утром убил двоих чересчур любопытных — одного у ларца, а второго в саду. Их трупы лежат в овраге за домом, у масленичной рощи.

Харра расширил глаза и умчался посмотреть. Конан удовлетворенно хмыкнул и повернулся на другой бок.

Но не успел он задремать, как Харра снова тряс его за плечо. Ун-бashi подскочил на топчане и одним ударом кулака отправил помощника в дальний угол сарая.

— Отрыжка Нергала! Даешь ты мне сегодня выспаться, наконец, или нет?

— Трупов там нет,— тихо сказал Харра, вставая и отряхиваясь.— Зато есть много следов сапог с высокими каблуками, какие носят старшие стражники Мардуфа. И пара лошадей там тоже побывала. Они расписались на влажной глине у родника так ясно, что сосчитал бы и ребенок.

Улегшийся было киммериец снова сел на топчане.

— Кром! Это означает, что сегодня ночью они придут всей толпой — если не побоятся...— пробормотал он.— Не вовсе же они дураки, поймут, что мы увидим следы их посещения. Если только...

— Что если только?— насторожился Харра.

Конан, наконец, проснулся.

— Если только они не видели, что я прочел свиток!— рявкнул он.— Раз они видели, куда я дел трупы,— я ведь их неплохо припрятал, под мостом — если бы не видели, в темноте не отыскали бы... Вот что, Харра, сегодня мне, видно, стоит прогуляться в город — разнюхать, чем там пахнет. Да и проветриться заодно. А то вчера мне эти вояки все настроение испортили.

— Один не ходи,— сказал Харра и тут же пожалел о сказанном.

Ибо древняя мудрость гласит: не стоит давать советы начальнику, если он в ночь убил двоих и зол на себя за то, что упустил третьего. Следовало подождать хотя бы до тех пор, пока Конан не отоспится и не поест.

Поэтому Харра не очень удивился, а лишь сокрушенно вздохнул и возвел очи горе, когда ун-бashi глянул на него, прищурив злые глаза, и язвительно поинтересовался:

— За кого ты опасаешься больше, мой бессонный страж,— за меня или за себя? Я уж как-нибудь обойдусь без нянек! А теперь, пока я не вышиб тебе твои куриные мозги, выметайся и дай мне спать!

Харре ничего не оставалось, как убраться и сказать остальным, чтобы не совались в казарму, не то попадутся ун-бashi под горячую руку.

— Может, в самом деле, проветрится у Руты и немного придет в себя,— пробормотал он, подпиная жердью дверь сарая.— А то вон какой стал, тощий и осунувшийся — одни скулы да глазища синие остались! Возьми тебя Нергал, всеведущий Мишрак ибн Сулейн, со всеми твоими поручениями!

Проспав до полудня, Конан неспешно выкупался в озере и выпил полкувшина вина, после чего, наконец, почувствовал себя более или менее сносно. Харра предупредил отряд, что ун-бashi нынче не в духе, и свободные от стражи воины усердно трудились на засыпанной свежим песком арене за конюшней.

Конан какое-то время скептически наблюдал за тем, как Фархуд и Омра с пиками в руках оборошаются от наседающих на них близнецовых, а Рамас, Тувим, Джамла и Сагир стреляют по большой корзине с соломой. Корзина уже видом своим напоминала большого морского ежа. Хмыкнув, но ничего не сказав, ун-бashi сунулся в конюшню и застал там Ихора и Рустада, наводящих последний глянец.

— Эй, воплощение гнева Пророка,— окликнул его голос Харры.— Не хочешь ли глоточек барахтанского красного?

Конан вышел и увидел своего помощника сидящим в тени деревьев с кувшином и кружками.

— А то мне вот-вот идти менять Юлдуза и Хасима! Тут еще осталось на донышке.

— Шельмец!— несильно пнул его в бок ун-бashi и плюхнулся на циновку рядом с помощником. Заглянув в кувшин, он действительно увидел — и унюхал!— восхитительное вино с Барахских островов, терпкое и сладкое, темно-красное, как кровь из вен. Вопреки уверениям Харры, кувшин был полон почти до краев.

Конан сделал большой глоток и прищелкнул языком.— Где ты его раздобыл?

— В погребе многомудрого Бахрама!— расхохотался Харра.— Этот сын гиены примчался ко мне сегодня ни свет ни заря и лебезил, как побитый пес. Очень хотел тебя лицезреть, да я не допустил, оберегая священный покой величайшего воина всех времен и народов... Ай! Пинаться-то зачем?

— Что было нужно этому смрадному шакалу?— поинтересовался Конан, наливая себе полную кружку.— Не зевай, а то ничего не достанется.

— Пей, пей, это тебя задабривали, а не меня. Вчера Магриб его пристыдил, и он, кажется, одумался. Во всяком случае, объяснял мне сегодня со льстивой улыбкой, что все, конечно, понимает, дело молодое, но ведь и его, бедного родителя, можно понять, как же он останется на старости без единственной услады — и прочая чушь в этом же роде. Я важно кивал, потом забрал у него кувшин и ушел, потому что началась церемония. И слава Эрлику, а то он бы мне до самого полудня объяснял, какой он одинокий и несчастный.

— И чем они там занимались сегодня?— миролюбиво поинтересовался Конан. Астролог, конечно, заискивал неспроста, наверняка он что-то задумал. Но вино было великолепно, оно до некоторой степени оправдывало существование вздорного старика.

— А кто их разберет?— пожал плечами Харра.— Эрлик, слава его мудрости, не сподобил меня рвением к наукам! Перебирали какие-то палочки и сухие стебли, кидали их так и эдак. — Он заглянул в уже почти пустой кувшин, отхлебнул глоток, а остаток вылил в кружку Конану. — Пора ребят снимать.

— Иди-иди. Хоть один день я посижу спокойно,— отозвался ун-бashi. Его немного развезло от выпитого на пустой желудок, во всяком случае, вставать на ноги ему не хотелось. Солнышко пригревало, молодая листва сквозь его лучи казалась прозрачно-золотой. Солнечные зайчики скакали по еще не пожухлой траве — или это рябило в глазах у Конана? Он смежил отяжелевшие веки — и в затылок его ударились что-то твердое. Открыв глаза, он с удивлением обнаружил, что лежит навзничь на земле, а над ним, против солнца, мельтешит пестро-золотая листва масленичных деревьев.

— Прах и пепел,— пробормотал озадаченно Конан.— Не мог же я так опьянеть с одного кувшина?

Недобро предчувствие шевельнулось у него в груди, он собрался с силами, поднялся и на нетвердых ногах пошел вниз к озеру. По тому, как все кружилось и прыгало у него перед глазами, он понял, что в вине был яд — или очень сильное сонное зелье. Нужно было немедленно напиться воды, причем выпить столько, чтобы его стошило, иначе...

Добравшись до озера, он упал животом на камни и, склонившись над водой, принял с жадностью пить.

И тут чья-то рука макнула его голову в воду.

Несмотря на звон в ушах и темное, кровавое марево перед глазами, у Конана еще достало сил высвободиться и отшвырнуть убийцу. Ярость придала ему сил, он с рычанием бросился на темные, расплывающиеся фигуры, осторожно подбирающиеся к нему со всех сторон. Выхватив нож из сапога, киммериец успел справиться с двумя из них, прежде чем на него упала тонкая шелковая сеть. Он вспорол ее, действуя с отчаяньем загнанного в ловушку барса, когда зверь, уже видя, что гибель неизбежна, раздает удары направо и налево в слепой жажде крови тех, кто забивает его камнями.

Ибо в Конана летели камни. Видя, что даже едва держась на негнущихся ногах, жертва еще способна унести с собой на Серые Равнины не одну жизнь, убийцы забрасывали его камнями издали, метя в голову. Он уверчивался, как мог, слепо тычась во все стороны в поисках выхода, но тут камень угодил ему в висок, и Конан упал.

Он еще помнил, как его, полуоглушенного и задыхающегося под грудой вонючих одеял, волокли куда-то, а потом везли в тряской крытой повозке, сквозь вощеную дырявую тряпку которой били тонкие лучи солнца, раскаленными иглами впивающимися ему в мозг.

Единственное, что он сумел сообразить в этой немыслимой кутерьме: убивать его явно не собираются, кому-то он надобен живым.

Потом его снова волокли, как ему показалось, в кромешной тьме, бесконечными коридорами и переходами. Он плохо сознавал, что с ним пытаются сделать и чего добиться. Наконец тряска и выпитая вода дали долгожданный результат, его стошило — как он не без удовольствия отметил, на чьи-то штаны.

Видимо, на какое-то время он все-таки потерял сознание, потому что не помнил ни как срывали с него одежду, ни как прикручивали к большой деревянной крестовине наискось.

Очнулся он от того, что в лицо ему плеснула ледяная вода. Он встряхнул мокрыми волосами — и сознание снова расплылось, потому что низ поменялся с верхом, а в висках тяжело и гулко застучала кровь.

— Еще! — негромко велел чей-то голос.

Его снова окатил поток воды, и Конан окончательно пришел в себя.

— Приветствуя тебя в моем доме, прославленный Конан из Киммерии! — услышал он тот же голос.

Чем-то он был знаком Конану, но голова у него еще кружилась слишком сильно, чтобы понять, где он уже слышал эти насмешливые интонации.

— Мне пришлось потрудиться, чтобы залучить тебя в гости!

Конан еще раз помотал головой и открыл глаза.

Он был распят вниз головой у влажной каменной стены не то подвала, не то каземата. Скудный свет факелов и масляной лампы на столе писца только сгущал кромешную тьму. Но даже этого света было довольно, чтобы разглядеть того, кто восседал в пяти шагах от него в

складном золоченом кресле с грудой подушек.

Это был Мардуф, наместник Хоарезмский.

Киммериец с интересом всматривался в лицо молодого вельможи, которого до тех пор видел только издали на больших дворцовых праздниках. Ко времени прибытия Конана в Туран, Мишрак уже отоспал Мардуфа из столицы, но новый наемник еще успел застать поток полуправдивых сплетен о знатном повесе и моте. О нем рассказывали тысячи небылиц, одну ужаснее другой.

Будто бы дочери владыки потому были так спешно отданы замуж, что Мардуф сожительствовал со всеми тремя, и плоды этого сожительства становились слишком явны. Будто бы выезжая в поля на соколиную и гепардовую охоту, он травил не степных лисиц и горных антилоп, а молодых деревенских девушек. Будто бы он родился таким же уродом, как и его отец, но повстречал однажды искусного мага из Стигии и получил от него красивую внешность за обещание служить Сету и сеять вокруг себя только зло.

Большей части этих сплетен Конан не верил. Случалось, он сам развлекался с тремя девчонками разом; случалось ему, повстречавшись в безлюдье с красавицей, обнаружить в ней ведьму, подстерегающую на дорогах молодых любострастных олухов, и, как правило, такая встреча кончалась для красавицы смертью. А услышав басню про купленную у Сета внешность, он просто расхохотался удивленному рассказчику в лицо и заявил, что давно не слыхал такой чуши. Попав в Хоарезм, Конан убедился, что правит Мардуф разумно, не обременя город излишними поборами. Базар Хоарезма был шумен и многолюден, дела купцов процветали — а ничто так не говорит о толщине кошелька горожанина, как процветающая торговля.

Единственно верным из всех слышанных Конаном утверждений являлось одно: Мардуф был красив. Разве что несколько бледен, но вкупе с черными как вороново крыло волосами и бровями это придавало его лицу ту загадочность призрака, что так нравится женщинам.

Его темные глаза, всегда чуть сощуренные, светились тем же неземным светом, что и у его отца. Глядя в эти глаза, можно было с равным усердием совершить величайший подвиг и величайшую низость.

Кресло наместника стояло на небольшом возвышении. Рядом с этим возвышением, за низеньким столиком, погребенным под бумагами, сидел писец с отсутствующим выражением лица. Но как только золоченая трость Мардуфа коснулась его спины, он обернулся, задирая голову, глядя на хозяина с вниманием собаки, ждущей приказаний.

Мардуф снова заговорил.

— Мне известно, что этой осенью у Илдиза должен родиться ребенок. Также мне известно, что перед отъездом из Аграпура ты посетил дом Мишрака ибн Сулейна, где, несомненно, получил точные указания, как тебе следует действовать, услышав шорох в кустах рядом с драгоценным ларцом. Видишь, — тут он улыбнулся, и Конан пожалел, что не смотрел в другую сторону, — я вполне откровенен с тобой. Мне нужно было знать, что написано в свитке, а ты одного за другим убил троих моих людей. Хорошо ли это, о, прославленный ун-бashi непобедимой турецкой армии?

Конан молчал. Похоже было, что не один Мишрак имеет в Туране искусственных шпионов за каждой дверью.

— Я уже не говорю о той стычке у таверны «Три негодяя». Я согласен, было бы глупо надеяться, что банда числом десять человек убьет пятерых, один из которых — Конан-киммериец. И я послал пятнадцать. И где они, мои умелые воины? У трех из них была

снесена с плеч голова! Не спорю, они не заслуживали лучшей участи, и рано или поздно познакомились бы с топором палача, но до того еще послужили бы мне. Список моих обид велик, варвар, но ты можешь перечеркнуть его одним лишь словом.

Конан по-прежнему молчал.

Мардуф вздохнул с таким видом, словно его вынуждали на поступки, которых по собственному желанию он никогда бы не совершил.

— Обрати внимание на всех этих людей вокруг тебя, — продолжал он. — Вон те двое карликов — просто прислуга, они глухонемые. А мой добрый Ами, — он указал на худого, с безумными запавшими глазами человека, раскладывавшего на низком столике какие-то инструменты, весьма гнусные на вид, — самый искусный палач своего времени. Поклонись нашему гостю, Ами.

Худой Ами, осклабясь, согнулся перед распятым. Руки у него были длинные, узловатые, с крючеобразными пальцами, каждый из которых, казалось, гнулся не в трех суставах а, по меньшей мере, в пяти.

— Он — только немой. Узнав об опытах Мишрака, я понял, до чего разумен этот визирь в подборе слуг. И следую его примеру. Писец Сулла — глухонемой от рождения, но прекрасно читает по губам, даже таким распухшим, как твои. Верно, в них попал камень? Прими мои извинения. Теперь, если ты скосишь глаза влево, то увидишь возле себя человека с колотушкой.

Конан чуть повернул голову и действительно увидел толстяка с глупейшим выражением лица. В руках у него был обмотанный войлоком деревянный молот на длинной рукояти.

— Если ты будешь вести себя неподобающе званию ун-бashi, он будет тебя бить, — пояснил Мардуф. — Это не больно, но неприятно. Обычно на десятом ударе люди лишаются разума, поэтому веди точный счет.

Толстяк был единственным, до кого мог дотянуться беспомощный пленник, и не успел Мардуф договорить, как Конан изловчился и плонул прямо в бессмысленно помаргивающий глаз. Лицо толстяка не утратило своего блаженно-идиотского состояния, когда он, несильно размахнувшись, ударил молотом Конана по голове. Новая порция воды привела пленника в чувство.

— Что записано в свитке?

Конан попытался плонуть в Мардуфа, но не сумел.

— Ты будешь висеть так, пока не сознаешься, или пока не лопнут все сосуды в твоей дубовой голове, и мозги, плаваясь, не потекут из глаз. Я точно знаю, что ты читал этот проклятый свиток, мой Ягинар видел тебя, — равнодушно сообщил Мардуф. — Виси, варвар. Я знаю, что ты живуч и не умрешь слишком скоро от одного только висения вниз головой, а потому времени у меня очень много. Только учти, что скоро рассвет, а я иногда хочу спать. Еще раз пропоет петух, и я отправлюсь в свою опочивальню. — Мардуф нарочито сладко зевнул, изящно прикрыв рот рукавом парчового халата. — И тогда ты провисишь здесь еще и весь день. Кричать здесь можно. Кричи громче, во всю силу своих легких. Очень удобное место, чтобы вволю накричаться...

«Какой же ты самовлюбленный осел в павлиньих перьях! — думал Конан, глядя на наместника. — Это при таком-то отце!»

Но вслух он пока не говорил ничего, решив посмотреть, как будут развиваться события. Зато говорил Мардуф: прикрыл глаза тонкими синеватыми веками, чуть раскачиваясь, монотонно и негромко. Ему доставляло явное удовольствие слушать самого себя.

— Толстяк с колотушкой — не глух, но тоже с отрезанным языком. Когда-то его судили за крайнее бесчинство и прелюбодейство. И теперь помимо языка у него отрезано и еще кое-что, посему он крайне извращен и очень любит мужчин...

Толстый кастрат с колотушкой, услышав эти слова, умильно улынулся Конану, и того чуть не стошило.

— О,— по-прежнему не открывая глаз, все тем же бесцветным голосом, но со змеиной улыбкой на тонких бескровных губах отметил Мардуф, — я чувствую, что ты вздрогнул от омерзения. Когда мне захочется поразвлечься, я разрешу ему ласкать и гладить тебя, я разрешу ему довести тебя до исступления, а он умеет это делать, поверь мне. Ибо причинять тебе физическую боль я не вижу никакого смысла, поскольку, судя по твоим шрамам, ты перенес ее больше, чем все, кто побывал здесь до тебя... Только представь себе, варвар: такое жирное, слюнявое, омерзительное существо, не мужчина и не женщина, будет касаться тебя своими толстыми мягкими пальцами... Ты здоровый, не увечный мужчина, и рано или поздно он добьется своего, потому что природа наша сильнее нас. Никто никогда не узнает, что Конана любил жирный, слюнявый кастрат, но ты после этого возненавидишь сам себя...

По безволосому подбородку кастрата и в самом деле текла струйка слюны, он смотрел на Конана, как... «Как пес на течную суку!— вспомнил Конан слова Фейры.— Кром Владыка! Если бы этот осел с позолоченной шкурой знал, как немного я могу ему рассказать... Он бы просто лопнул от злости».

Эта мысль его развеселила, и он улынулся. Кастрат принял это на свой счет и немедленно улынулся в ответ. Улыбка у него была самая идиотская.

— Что написано в свитке, варвар?

Конан по-прежнему молчал, но мысль сказать Мардуфу правду нравилась ему все больше и больше.

— А то еще можно кликнуть палачей, и они приведут сюда премиленых мальчиков и девочек,— продолжал тем временем Мардуф.— Их разложат на тех больших столах, чтобы тебе было, как следует видно, и будут долго рвать на части, так долго, как умеют это делать только мои палачи. А в заплечных дел мастеров я набирал сумасшедших маньяков, они любят свою работу, варвар, смотреть на них — просто загляденье...

Наконец Конан решился. Сказав правду, он не терял ничего, кроме жизни, но сейчас его жизнь или смерть и так находилась в полной власти этого сумасшедшего.

— Зачем тебе знать то, что записано в свитке?— хриплым, севшим голосом спросил Конан.— Разве ты Владыка Турана? Разве тебе есть дело, нападут на нас враги или нет, каков будет урожай и не случится ли засухи?

— Нет, все это мне не интересно. Ты знаешь, что я хочу знать: кто родится этой осенью. Если мальчик — его ждет смерть еще в утробе. Если девочка — я возьму ее в жены. Да, я не Владыка Турана, но очень скоро им стану, варвар. Подумай об этом, если хочешь остаться в войске Повелителя Аграпура. Тебе выпадает редкий случай начать свою службу новому государю прямо сейчас.

Стараясь не выдать себя смехом или просто странным для пленника выражением лица, Конан начал торговаться.

— А что я получу за то, что скажу тебе правду? За то, что предам своего повелителя и нарушу клятву, которую давал, вступая в его войско? Предательство стоит дорого, а ценится дешево.

Мардуф, оживившись, подался вперед.

— Наконец-то я слышу речи не наемника-варвара, а мудрого человека, знающего, что не все на свете зависит от одной только силы мышц! Я сделаю тебя кир-бashi своей армии, а когда стану Владыкой Турана, назначу Верховным военачальником взамен старого Азамата!

— Это только обещания,— заявил Конан, видя, что наживка проглочена вместе с крючком.— А кто потом удостоверит твои слова, сказанные при глухих и немых?

— Сулла записывает за нами каждое слово, Конан,— ответил Мардуф, проявляя нетерпение.— Но вот здесь лежит мой фирманс о назначении кир-бashi, в него осталось только вписать имя. Говори!

Если бы он мог двинуть хотя бы пальцем, Конан, наверное, не удержался бы от какого-нибудь непристойного и обидного жеста — и, вероятно все бы этим испортил. Мардуф ждал, постукивая свернутым в трубку фирмансом о поручень кресла.

— Говори! Ты и помыслить не можешь, варвар, как прекрасна станет туранская земля, когда я воссяду на трон во дворце Аграпура! Сколько раз, размышляя об этом, я ясно видел нашу страну в довольстве и великолепии! И неужели одно злое дело не искупят тысячи добрых и угодных богам! Ну, скажи мне, что родится девочка — и не будет во всем мире принцессы счастливее, чем она, такой лаской и заботой я ее окружу! Но мне нужно опередить негодяя Рагдрима, брата Илдиза!

Он тоже мечтает о короне и непременно захочет племянницу в жены, хоть это и против закона Пророка!..

— Хорошо, я все скажу тебе,— проворчал киммериец, стараясь придать своему голосу оттенок не насмешки, но усталости и раздражения.— Я скажу тебе, что знаю, только вели перевернуть меня, потому что мне уже очень надоело изображать на стене ящерицу-геккона!

Наместник Хоарезма вздрогнул, оборвав поток красноречия на середине слова: он не ожидал, что варвар сдастся так скоро. Посмотрев на Конана, изо всех сил изображавшего мрачную сломленность, он милостиво кивнул. Карлики подскочили к вороту, цепи и блоки пришли в движение, крестовина с Конаном медленно повернулась.

— О, будущий Владыка Турана!— обратил к Мардуфу Конан свою речь, и меда в его голосе было столько же, сколько и яда.— Я и в самом деле читал тот свиток, хотя, наверное, не должен был этого делать, и теперь гнев Эрлика Огненноликого, несомненно, падет на мою голову никак не позже новолуния...

— Покороче!— оборвал его Мардуф. С каждым словом Конана лицо его все больше темнело, он начинал понимать, что варвар попросту потешается над ним. — Иначе мой гнев падет на тебя задолго до гнева Эрлика!

А Конан едва сдерживал рвущийся наружу смех.

— Гадание о наследнике произойдет на десятый день, о, ты, коронованный ослиными ушами! — выкрикнул он, уже открыто смеясь.

— В том свитке было все, кроме этого, о Мардуф Ишацья Задница! Можешь пойти и проверить сам, если сомневаешься в моих словах!

Глядя на то, как вытягивается бледное лицо будущего Владыки Турана, он заливисто расхохотался.

Мардуф оскалил по-волчьи белые и острые зубы и махнул рукой со своих подушек. Тяжелый деревянный молот опустился на голову Конана. Все поплыло у него перед глазами, и уже теряя сознание, он успел услышать спокойный голос, исполненный невыразимой злобы:

— Заточить в Черную башню. Сначала, киммериец, ты будешь жрать крыс, а потом

крысы сожрут тебя. Еще никому не удавалось безнаказанно потешаться надо мной, клянусь алмазной короной повелителя Турана!

И больше Конан ничего не помнил.

Очнулся он уже в цепях.

В голове у него после вчерашней отравы изрядно гудело, все мышцы ныли, поэтому он не сразу пошевельнулся в ответ на пинки стражников. Но те, в конце концов, подняли его на ноги и, окружив плотным кольцом, приволокли, почти нагого, с одной только грязной тряпкой на бедрах, на главную площадь перед дворцом.

Здесь, под высокими стенами обители отца и благодетеля города, светоча справедливости и милосердия, находилось лобное место, и высились зловещая Черная башня, узилище для самых отъявленных злодеев.

Солнце пекло немилосердно. Конан едва стоял на высоком помосте, мутными глазами глядя на зевак внизу. Монотонный голос зачитывал обвинение, в котором упоминалось и чернокнижие, и осквернение трупов, и гнусные помыслы о свержении законной власти от Повелителя Илдиза, милостью Эрлика владыки Турана.

При взгляде на огромные плечи и сильные руки обвиняемого во все это верилось с трудом. Если бы и задумал этот злоумышленник свергнуть правителя Хоарезма, то уж скорее не чернокнижем, а мощью молодого, ловкого тела, думал в этот час каждый, кто стоял тогда на площади. Опять же всем было известно, что двадцатилетние юноши не слишком-то охочи до колдовства и прочей премудрости. Но обо всем этом народ шептался украдкой, боясь, как бы и их не постигла участь этого пришельца издалека. А участь его была незавидна. В Башню вел только один ход. Сажая в нее злодея, ход замуровывали, и узник погибал вскоре от голода и жажды. Случалось, что заключенный был еще жив, когда стену ломали и сажали к нему нового осужденного на мучительную смерть. Тогда новичок, как правило, добивал соседа, и какое-то время еще жил, питаясь его соками и плотью. Ибо на девятый, или десятый день поста у несчастного мучился рассудок, он становился подобен зверю и не разбирал, что хорошо и что плохо, одержимый одним лишь желанием: выжить еще день и еще ночь.

Конана, скованного по рукам и ногам, втолкнули в душный подвал.

Каменщики приволокли большие плиты и раствор и принялись наскоро заделывать узкий лаз. Конан смотрел на них с равнодушием, достойным плененного тигра, с которым тот смотрит на служителей, убирающих его клетку, хотя мог бы одним ударом лапы переломить хребет любому из них. Ярость, безумная, темная ярость клокотала в душе киммерийца, но эта ярость была направлена не против подневольных рабочих, а против Мардуфа, их хозяина.

— Ты уж прости нас, брат,— вымолвил виновато один из каменщиков, выкладывая последний ряд.— Тут дело такое. Сегодня ты в этой проклятой башне, а завтра, глядишь, и я.

Луч света становился все тоньше по мере того, как один за другим ложились камни, пока не мигнул и исчез совсем. Конан оказался в кромешной тьме.

Впрочем, волчьи глаза варвара быстро привыкли к темноте. Какой-то источник света в подземелье все-таки был. И в этом призрачном, голубоватом свечении Конан разглядел кости, белеющие на каменном пыльном полу: череп, остатки ребер, осыпавшиеся по форме грудной клетки...

— Вот что тебя ждет, если не пошевелишься,— сказал он сам себе и попробовал порвать цепи. Опыт в подобных делах у него имелся. Доводилось в юности, когда оставался без гроша, таким образом зарабатывать на ярмарках, заставляя восхищенно охать красоток и

завистливо хмуриться — их кавалеров.

С цепью на ногах он справился легко. Стальные звенья, жалобно тренькнув, лопнули от мощного рывка, и варвар хохотнул, презрительно сплюнув на камни. Не на того напал, Мардук! Не по зубам тебе, турецкому шакалу, киммерийский волк!

Освободить руки, правда, оказалось потруднее. Они были скованы слишком тесно, всего пять или шесть звеньев отделяло друг от друга стальные браслеты на его запястьях. Пошарив вокруг, Конан нашел какую-то балку с торчащим из нее толстым железным штырем.

Обдирая кожу, он просунул штырь в браслет на левой руке и рванул. Ему пришлось повторить это трижды, но, в конце концов, кольцо лопнуло, и пленник высвободил одну руку. Тем же способом он справился и со вторым браслетом.

Покончив с цепями, Конан приступил к более тщательному осмотру подвала. Очень скоро он обнаружил лестницу, обвивающую стену башни изнутри. Она изгибалась вверх широкой спиралью, упиралась в высокое деревянное перекрытие и продолжалась над ним еще дальше. Свет шел оттуда, и Конан начал подниматься.

Старые прогнившие ступени натужно скрипели под тяжестью его тела. Ступить на доски перекрытия Конан не решился — они были совсем черные от гнили. В центре настила зияла огромная дыра от провалившейся когда-то балки, той самой, которая освободила Конана от цепей. Лестница уходила вверх, к новому перекрытию. Здесь, следуя за ее подъемом, через каждые двадцать ступеней были побиты в толще стены окна: узкие бойницы, в которые Конан не сумел просунуть руку дальше запястья. Как ни скучен был свет, проникавший сквозь них, его все же хватало на то, чтобы разогнать вечный сумрак, царивший в башне.

Сознавая, что не приближается к спасительному выходу, а лишь поднимается все и выше над городом, киммериец упрямо карабкался вверх по ступеням. Он миновал еще шесть перекрытий и подсчитал, что если высота каждого составляет около тридцати локтей, то он должен уже достичь высоты птичьего полета. Чем выше он поднимался, тем суще и свежее становился воздух, крепче казались ступени лестницы, опорные балки и доски настилов. В последнем, восьмом по счету, перекрытии над лестницей была просто дыра, сквозь которую щедрым потоком лился солнечный свет. Как ни иллюзорен был этот выход, это был все же выход, если не на свободу, то хотя бы на свежий воздух. Конан в три прыжка одолел последние пятнадцать ступеней и выбрался наверх.

Здесь гулял ветер. Яростный верхний ветер толкнул его в грудь, разметал черные волосы, сдул с него паутину и пыль нижних этажей Башни. Какое-то время Конан просто стоял, захмелев, раскинув руки, всем телом подставившись под этот поток свежести и весенних вечерних запахов. Сила вскипала в нем, кровь оглушительно-звонко гремела в ушах. Он снова был один на один с ветром и солнцем, снова под необъятной ширью неба, он найдет выход из этой ловушки, пусть только стемнеет. Человеческие руки еще не выстроили такой стены, по которой не мог бы спуститься Конан-киммериец.

Между тем солнце клонилось к западу. Где-то внизу щебетали первые ласточки, черными молниями проносясь над крышами домов. Конан подошел и, осторожно улегшись на каменную кладку полуубавившегося зубца, заглянул вниз.

Перед ним как на ладони был весь Хоарезм.

Черная Башня, видимая отовсюду, вздымалась выше башен и шпилей дворцовых куполов, выше изразцовых, пронзительно-голубых с вкраплением золота и киновари шапок минаретов. Отсюда Конану были видны все окрестные дворы домов вельмож и богатых

купцов, селившихся поближе ко дворцу, виден был сам дворец со всеми своими галереями, висячими садами и внутренними двориками. Более того, сверху отчетливо прослеживались два тайных хода: один от сокровищницы, а второй от стены, окружавшей дворец. По другую сторону стены вход закрывал большой камень, на первый взгляд, пролежавший в зарослях сирени не один десяток лет. Оба хода вели к спальне наместника. Захоти теперь Конан пробраться к Мардуфу никем не замеченным, он мог бы сделать это в любую безлунную ночь.

«Дай мне только спуститься отсюда, о, ты, недостойный и мизинца своего благородного отца, — пробормотал Конан с коротким злым смехом, — я расскажу тебе, какие здесь вкусные крысы».

Но сейчас на площади перед дворцом толпились стражи, а у Конана не было даже обломка ножа. До темноты оставалось еще не менее пяти часов, и киммериец, руководствуясь здравым смыслом варвара, решил высаться на солнышке. Кровоподтеки его понемногу подживали, головная боль прошла. Он вытянулся на теплых досках и мгновенно заснул.

Снился ему отец. Отблески пламени плясали на его мокрой от пота и жара горна спине. Он мерно ударял тяжелым молотом по куску стали, превращая его в тонкую полосу, сияющую ослепительным белым светом.

Конан, почему-то не мальчик, а уже взрослый, такой, каким он был сейчас, трудился над мехами.

— Тише ты, медведь! — прикрикнул на него отец, — отрастил себе руки, а ума не набрался. Сожжешь мне все, охолонись!

Конан перевел дыхание и выпрямился. Сталь пластилась по наковальне, в ней уже можно было узнать будущий меч.

— Жаль, — сказал Конан, завороженно глядя на белую полосу, переливающуюся жидким огнем.

— Что — жаль? — буркнул отец, не отрываясь от работы. — Давай теперь, только полегоньку.

— Жаль, что меч не остается вот таким навсегда, — пояснил Конан, снова берясь за мехи. — Какое это было бы оружие — струя белого пламени! Как молния Эрлика.

— Это еще что за речи? — загремел отец. — Какого такого Эрлика? Твой народ чтит Крома, Владыку Могильных Курганов, а не заморских богов! Пошатался по белу свету, волчонок, нахватался всякого мне на позор! Ума надо было набираться, а не новых богов искать. Сиди вот теперь в своей Черной башне, как привязанный!

Отец отвернулся, а Конан с ужасом осознал, что он снова в темном и душном подвале, только лестницы наверх больше нет. Он вскочил на ноги и заметался, застонав во сне. И снова услышал голос отца:

— Оружие воина не в руках у него, а в голове, сын мой. Ты убиваешь не рукой, ты убиваешь желанием убить, яростной, стремительной мыслью, быстрой, как молния Эрлика... — Конан изумленно обернулся: его отец не мог сказать так!

Перед ним, маяча призраком во мраке подвала, стояла скрюченная фигура Магриба.

— Ищи, и обретешь эту силу. И она не так далеко от тебя, как кажется, она всегда рядом, стоит только захотеть. Если желание достаточно сильно, пусть даже это желание сравняться силой и властью с богами — неси его в себе всю жизнь, ищи пути достичь желаемого, борись за него. И оно исполнится. Ибо нет в подлунном мире ничего, что не было бы в силах человеческих. Ты слушаешь меня, Конан? Конан!..

Киммериец открыл глаза. В первый миг он подумал, что сон обернулся явью — вокруг царила тьма. Но тут же понял, что это просто ночь. Ясная весенняя луна, предвестница добрых всходов, заливалась белым светом вершину Башни.

— Конан! — услышал он снова. — Да проснись же ты!

Он приподнялся на локтях. За стеной, скрестив ноги, словно вендийский заклинатель змей, парил в воздухе Юлдуз.

Глава 8. Ночной полет. Волшебный ковер

Конан вскочил, готовый голыми руками драться не на жизнь, а на смерть с этим полукровкой, сыном страны, о которой ни один путешественник, ни один купец, ежегодно водящий туда караваны, не мог рассказать ничего определенного. Парень все-таки оказался колдуном! Иначе как бы он мог вот так висеть на высоте более двухсот локтей?

— Тише! — зашептал Юлдуз. — Давай ко мне сюда! Только осторожно, а то он может перевернуться. Я сам не встаю, чтобы случайно не накренить его.

Конан подошел поближе — и помотал головой, не веря собственным глазам. Под Юлдузом, чуть покачиваясь в потоке воздуха, как покачиваются на мелкой волне корабли в порту, распластался голубой ковер со стаями диковинных птиц, тот самый, который так часто рассматривал Конан в томительные часы ежедневных церемоний. Край ковра приходился вровень с краем стены, вот почему казалось, что Юлдуз парит в воздухе.

— Кром Владыка! Как ты заставил его подняться? — вымолвил, наконец Конан. — Скажи правду, парень, ты все-таки колдун?

— Я не колдун, сколько раз тебе повторять! — прошептал Юлдуз сердито. — Садись скорее! Уже три часа пополуночи, а летает он очень медленно. Надеюсь, коврик, ты выдержишь нас обоих, — добавил юноша и ласково погладил густой ворс. Оглянулся на недоверчиво разглядывающего ковер Конана и снова замахал рукой: — Садись, садись, я все расскажу по дороге!

— Хо! Это будет самый удивительный способ бегства из всех, какие я пробовал! — пробормотал Конан.

Сев на стену, он начал осторожно спускаться, постепенно перенося тяжесть с рук, опирающихся о камни, на ноги, тонущие в мягким длинном ворсе. Ковер, в первое мгновение просев под ним, но скоро выровнялся и снова принялся покачиваться на ветру.

— Не стой, сразу садись, так ему будет легче, — сказал Юлдуз.

Конан сел рядом с ним, так же скрестив ноги. Юлдуз негромко произнес что-то по-кхитайски, и они полетели. Выглядело это так, словно Черная башня дрогнула, и начала плавно удаляться. Она становилась все меньше, как корабль, постепенно уходящий за горизонт, потом сдвинулась в сторону, и из-за нее показались ярко освещенные факелами дворы и золотые крыши дворца Мардуфа.

— Погоди-ка, — спохватился Конан. — У меня тут остался один должок...

— У нас нет на это времени, — возразил Юлдуз. — Не скачи, как белка, свалившись.

— Останови ковер! — рявкнул Конан. — Я поклялся, что доберусь до горла этого ублюдка, и я...

— Сделаешь это в другой раз, — твердо закончил Юлдуз. — Ковер летит не быстрее, чем идет лошадь. А мы должны быть на озере до света. Если тебе все равно, что станется с твоим отрядом, после того, как тебя за убийство племянника Повелителя казнят на главной площади Аграпура, — при этих словах Конан презрительно фыркнул, — представь хотя бы горе отца Мардуфа, благородного Магриба ибн Рудаза. Я буду последним человеком, который причинит ему зло, вольно или невольно.

Видя выражение упрямства на лице своего командира, Юлдуз сердито продолжал:

— Хочешь сводить счеты — прыгай вниз. Но не для того я помчался за тобою к Башне. Ребята этой ночью собирались разнести весь город, да я отговорил. Сказал, что так мы

ничего не добьемся, и что я лучше сначала потолкую с одним парнем из дворцовой стражи. Они мне дали сроку до утра и ждут с ответом. Если я вернусь без тебя или не вернусь вовремя, Харра пойдет брать Башню приступом. Так что выбирай — либо уголенная месть, либо весь наш отряд, перебитый людьми Мардуфа.

Слова эти прозвучали с вызовом, почти сурво. Но Конан против обыкновения не стал спорить. После упоминания имени Магриба, в продолжение всей осталной тирады Юлдуза, он молча сидел на ковре, подставив лицо ночному ветру, задумчиво глядя на множество огней внизу. Желтые, красные, оранжевые, они горели приветливым домашним светом, и мигающими светляками мерцали в ночи огоньки лампад в садах перед домашними алтарями. Близился праздник, и в канун его каждый спешил высказать заветное желание. Если лампада не погаснет до утра — желание непременно сбудется.

— Сегодня канун Солнцестояния,— вымолвил наконец Конан.— А ты загадал заветное желание, Юлдуз?

— Мое заветное желание уже исполнилось,— ответил юноша.— Нынче утром мы улетим с Фейрой в Кхитай, как завещал мне отец. Ты уж не брани меня, но поднять этот ковер в воздух и было единственной моей целью, когда я пришел к тебе в отряд.

— Это я давно понял,— усмехнулся Конан.— Что же это все-таки за чудо-ковер?

— Я расскажу,— кивнул Юлдуз.— Слушай.

Он уселся поудобнее и начал свой неторопливый рассказ, словно не летел по воздуху на головокружительной высоте, а сидел у костра, коротая с друзьями ночь за сказкой и кувшином вина.

— Да будет тебе известно, о, прославленный ун-бashi туранской армии, что отец мой, Юэй Тай Цзы, был начальником личной гвардии Императора Ян Суня, и носил шапку придворного четвертого ранга. Род моего отца старинный и знатный, потомки его и сейчас процветают в Кхитае. Но даже для потомка знатного рода мой отец быстро возвысился в глазах Императора — слишком быстро, как полагали многие завистники. Отцу не было и двадцати пяти, когда он занял свой пост, он был самым молодым из придворных высших рангов. А его дружба с принцем Ясу Вэй Сунем и госпожой Весенних покоев, матерью принца и любимой женой Императора, еще больше вселяла тьму в сердца иных людей, годами добивавшихся хоть какой должности при дворе.

И вот чья-то злая душа измыслила черное дело.

Рассказывая мне об этом, отец никогда никого не обвинял прямо, но позже дознались, что навет был выдуман придворным магом, И-Пыном. Он домогался любви госпожи Весенних покоев, но не преуспел в этом. Тогда он задумал погубить госпожу. Не буду пересказывать тебе всех подробностей, они скучны и не имеют значения. Мой отец был обвинен в соблазнении Императрицы, а юный принц — в содействии их греховной связи.

Лишенный всех титулов, земель и богатств, отец мой был сослан и попал в Туран. Принца отправили в одну из отдаленных провинций Поднебесной Империи, но все же участь его была не так жестока, как участь моего отца — он остался в родных краях. Что было делать молодому князю в чужом kraю? Никакому ремеслу он не был обучен, но всегда слышал хорошим рисовальщиком. Он нанялся в ученики к прославленному мастеру ковроткачества, и через семь лет стал мастером сам. Его учитель мечтал соткать когда-нибудь чудо из сказки: волшебный летающий ковер.

Он нашел секрет — в чем он состоял, я тебе сказать не могу, потому что не знаю сам. Отец не успел мне его передать. Но летающие ковры учителя моего отца могли поднять в

воздух только кошку, и не выше, чем на два локтя от земли. С годами отец сумел преодолеть и это. И раз в год, вычислив благоприятные для такой работы дни, он садился за особый ткацкий станок, сделанный из ствола старого карагача.

Нет ничего легче и летуче тополиного пуха... Он добавлял пух к шерсти, вплетая его в цветную нить, но это была лишь часть секрета...

Юлдуз замолчал, водя рукой по ворсу, в самом деле, необыкновенно мягкому и пушистому. Конан тоже коснулся ковра — и, закрыв глаза, ощутил, как в его ладонь словно ткнулся невесомый комочек тополиного цвета, что в конце весны теплой метелью вьется, подпрыгивает и плывет в воздухе над каждой деревней Турана.

— И что же, он ткал на этом тополином станке летающие ковры? — спросил Конан, не открывая глаз.

— Да, как только созревал новый урожай летучего пуха. Этот сделан в неурочное время, из остатков от прошлых лет, поэтому он такой маленький. Бахрам поставил это непременным условием: мне — Фейру, ему — летающий ковер. Но, отдав ковер Бахраму, отец не сказал, как им управлять — это толстый астролог должен был узнать только после нашей свадьбы. Представляю, как он подпрыгивал на коврике, выкрикивая все заклинания, какие знал!

— Помнится, я и тебя застал за этим занятием, — вставил Конан. — Да не поверил ни единому твоему слову. Кром Всемогущий! Трудно поверить в летающий ковер, если до тех пор не видел ни одного!

Тем временем огни города ползли под ними вбок, ярко освещенный факелами дворец постепенно исчезал из виду. Конан посмотрел ему вслед, и темная ярость снова шевельнулась в его душе. «Благодари своего отца, он спас тебе жизнь этой ночью, — с ненавистью подумал киммериец. — Но горе тебе, если я еще раз окажусь в Хоарезме».

А Юлдуз продолжал рассказ:

— Один из ковров отца попал в Кхитай, в дом нашего родича. Он узнал в рисунке руку Тай Цзы, ведь каждый художник неповторим, к тому же на ковре был изображен мостик перед нашим домом в провинции Сян. Родич наш стал расспрашивать турнского купца, продавшего ему этот ковер, и выяснил, что благородный изгнаник живет в Хоарезме простым ткачом. Но кем бы ни считали его соседи, — с гордостью добавил Юлдуз, — мне он всегда повторял: «Помни, сын мой, что в твоих жилах течет кровь принцев. Никогда не давай понять этого простым людям, что здороваются с тобою, как с равным, но если доведется встретиться с вельможей — не опускай работяги глаз. Твой род не ниже, чем у него».

Конан с любопытством взглянул на юношу. Так вот чем объяснялась та отвага и готовность снести голову любому обидчику, будь он хоть сыном Великого визиря! Недаром этот мальчишка выделялся среди его молодцев, как выделяется чистокровный иранистанский жеребец среди обычных боевых лошадей.

— Родич наш — а он приходится мне двоюродным дядей — поспешил собраться в дорогу и выехал в Хоарезм вместе с караваном купца, к тому времени распродавшего свой товар и закупившего кхитайские шелка и шитую парчу, что так ценятся в Туране. Здесь, в Хоарезме, он нашел своего брата с домом, женой и ребенком, и возрадовался, что отец мой жив и ни в чем не терпит лишений. К тому времени полных двенадцать лет прошло с черного года. Воспользовавшись изгнанием наследного принца, злокозненный И-Пын задумал извести и самого императора, чтобы на трон сел его другой, малолетний сын. Тогда бы ничто не помешало чародею править за его спиной, ибо все считали этого лукавого человека

мудрым и преданным советником государя. И-Пын преподнес Императору в Праздник Урожая дюжину кувшинов лучшего вина со своих виноградников, подсыпав в каждый алмазной пыли. Это самый изощренный яд, ибо от него умирают медленно, словно от застарелой болезни. Но когда государь стал жаловаться на рези в желудке, его лекарь, не найдя иных возможных причин, догадался процедить подаренное вино сквозь десять слоев тончайшего шелка — и обнаружил драгоценный яд. Злодей был разоблачен и подвергнут пыткам, дабы выяснить, не успел ли он посеять семена иных черных дел. Не знаю, ведомо ли тебе это, но во всем подлунном мире нет более изощренного в дознании истины народа, чем мой...

— Да,— кивнул Конан. — Я слыхал о пытках кхитайцев. Рассказывают, что они могут даже камни заставить заговорить, не то, что имеющих язык.

— Итак, колдун был подвергнут пыткам, и открылись все его злодеяния, в том числе и навет на Императрицу. Госпожа и ее сын ко всеобщему ликованию вернулись во дворец, был объявлен всенародный праздник. Принц немедленно разослал во все земли гонцов на поиски своего изгнанного друга, но те вернулись ни с чем. И вот случай, наконец, помог родным отыскать моего отца.

Я помню приезд дяди, хотя был тогда лишь восьми лет отроду. Он долго уговаривал отца вернуться в родные места, но тот отказался. Моя мать не хотела покидать Хоарезм. Она удивилась и испугалась, когда узнала, что ее муж, простой ткач, родился в княжеском доме. И уговорила его остаться тем, кем он всегда был для нее: мастером Таэм.

Но мое сердце возликовало при мысли о том, как близки были мои предки к императорскому дому. Заметив это, отец стал поощрять во мне жажду узнать как можно больше о его родине. Сидя рядом с ним за своим маленьким станком, который он заказал специально для меня, я учился у него мастерству и слушал его долгие рассказы о Нефритовой Империи и ее столице, городе Тысячи Драконов. И понемногу, не сразу, постепенно, я начинал сознавать, что в жилах моих течет кровь пятнадцати поколений высокородных князей Кхитая. Я, как и мой отец, словно разделился на двух человек: один, сын мастерового, прилежно учился ткать ковры, а другой, сын князя-изгнаника, постигал науки, учил языки и часто вынимал из ножен отцовский меч, когда думал, что его никто не видит. Но отец видел и вскоре взялся обучать меня верховой езде и владению оружием.

Год спустя, весенним вечером, когда по крыше барабанил веселый теплый дождь, в наш дом постучался гонец из Кхитая. Он привез письмо от принца. Принц писал, что старый Император умер, и по прошествии года траура состоится церемония возведения на престол нового Императора, то есть его, принца Ясу Вэй Суня. Он просил отца присутствовать на празднике и заодно представить двору сына и наследника. В письме он обращался к отцу полным именем и титулом, что означало восстановление во всех правах и возвращение всех земель. И через год мы отправились в Кхитай. На границе нас встретила присланная принцем свита, и по родной земле мы ехали со всеми почестями, какие положены прибывшему на коронацию князю. Юлдуз вздохнул и мечтательно улыбнулся. — С того сказочного путешествия мною овладело горячее желание поселиться там, на родине предков.

Мой отец пообещал новому Императору, что после своей смерти он отпустит меня в столицу Поднебесной Империи, а до той поры удержит при себе. С кончиной моей матери некому было скрасить его одиночество, я не мог оставить старика. Но раз в год, когда там, на моей истинной родине, зацветала дикая слива, мы с отцом получали письмо от Императора, полное привета и заботы. Он помнил о нас и не оставлял надежды увидеть снова.

Конан слушал юношу и смотрел, как в небе гаснут одна за другой звезды. Луна уже давно скрылась за дальними вершинами гор, близился самый холодный и темный предрассветный час.

Миновав городскую стену, Юлдуз велел ковру лететь пониже, и теперь они скользили неслышной тенью над безлюдной ночной дорогой.

Впрочем, один ранний путник на ней все же был, разглядел Конан. Кто-то неспешно ехал из Хоарезма на белом ишаке. Как же он прошел ночью через городские ворота, удивился киммериец. Но Юлдуз продолжал рассказ, и Конан скоро забыл о верховом — мало ли у кого найдутся спешные дела и достаточно золота, чтобы подкупить алчных стражников.

— Время шло, глаза уже отказывали моему отцу. Но к тому времени я сам стал мастером и заменил его у станка. Он мог, наконец, отдохнуть и рисовать не для ковров, а просто для собственного удовольствия, что было его сокровенной мечтой долгие годы. Жизнь наша текла легко и приятно, без волнений и суеты. Но пришла эта весна, и я встретил Фейру. Мы полюбили друг друга сразу, с первого дня, с первого слова. Меня не радовали ни зеленеющие сады, ни солнечные погожие дни. Вокруг все пробуждалось и расцветало, а я худел и мрачнел с каждым днем.

Конан недоверчиво покрутил головой и хмыкнул. Что толку сохнуть по девчонке, когда можно просто прийти и забрать ее? Тем более, если она сама не против. Но, может, у кхитайских князей принято все делать иначе? Поэтому на вопросительный взгляд юноши Конан лишь махнул рукой: не обращай, мол, внимания, продолжай.

— Остальное ты почти все знаешь сам. В тот день, когда наш слуга пришел с отказом, отец по собственной неосторожности сильно простудился и слег. Известие о беспричинной вспышке астролога — ибо они договорились, что ковер полетит только после нашей с Фейрой свадьбы,— доконало его. В этот год ему должно было исполниться всего пятьдесят шесть лет, но он очень постарел со смертью Наирин, моей матери. Умирая, он успел лишь мне завещать, чтобы я раздал все наши богатства и улетел с Фейрой в Кхитай. «Мой последний ковер я ткал не для Бахрама,— прошептал он тогда.— А для тебя и черноокой Фейры. Она так похожа на твою мать... Летите с ней на мою родину, не взяв отсюда ничего, кроме того, что будет на вас. Император примет вас, как собственных детей...»

— «Но что я должен сказать, чтобы ковер взлетел?» — спросил я.

— «Скажи ему просто: «лети»...» — ответил мой отец и закрыл глаза.

— Я сделал все, как он сказал.— Тут Юлдуз смущенно улыбнулся:— Только немного не рассчитал с деньгами... Продавая дом и избавляясь от имущества, я ломал голову над тем, как же мне попасть в дом Бахрама и заставить ковер взлететь. Но я уповал на Великий Счастливый Случай, потому что если терпеливо добиваться чего-то, рано или поздно боги помогут тебе.

И как раз в тот день, когда я потратил последние деньги, я встретил наших ребят.

В первую же ночь я подобрался к ковру и, сев на него, сказал: «Лети!» — в точности так, как велел отец. Но, как ты помнишь, ничего не получилось. И только сегодня вечером я догадался, что нужно сказать это слово по-кхитайски. Я повторил его три раза — и поднялся в воздух! Хорошо, что рядом никого не оказалось. Тогда я отговорил ребят брать приступом Башню, дождался, пока совсем стемнеет, тайком вынес ковер за масленичную рощу и полетел в Хоарезм. Я так торопился, думал, ты мечешься в своей клетке, как пятнистая пантера, и все тут уже разгромил в щепки. Я чуть с ковра не свалился, когда увидел, как ты спокойно похрапываешь себе наверху.

Конан рассмеялся.

— Я собирался просто слезть по стене, когда стемнеет, а до того решил как следует выспаться, — пояснил он.

Юлдуз с сомнением покачал головой.

— Даже если бы тебе это удалось, в чем я не уверен, ты не выстоял бы безоружный против двух десятков стражей внизу.

— Не многовато ли для замурованного в башне и закованного в цепи узника? — жестко усмехнулся Конан.

— Слава о твоих подвигах летит далеко, Конан, — серьезно сказал Юлдуз. — И Мардуф знал, что делал, когда выставил под Башню усиленную охрану. Но он, я думаю, не столько предвидел твой побег, сколько догадывался, что в первую же ночь отряд аграпурских головорезов явится спасать своего ун-бashi. И так бы оно и случилось. Потому что Харре к вечеру стало худо. Если до того он еще думал, что ты ушел в город, как и собирался, то теперь начал сомневаться. Он послал нас обшарить все вокруг, а сам взял за глотку Бахрама, и тот ему живо все выложил.

Он сговорился с военачальником Ягинаром, которого, оказывается, отлично знал. Подсыпал тебе в вино несильной отравы без вкуса и запаха — у него в погребе целый сундучок этих снадобий. О том, что Мардуфу нужен свиток, он, конечно, не знал. Ягинар обещал ему помочь без всякой корысти, просто из дружеского расположения. Думаю, Бахрам не хотел твоей смерти, просто надеялся, таким образом, хотя бы на короткое время избавиться от главной помехи его планам: он кричал, что Ягинар обещал тебя выпустить дня через два. После этого он рассчитывал под каким-нибудь предлогом отослать Фейру, разделаться со мной и выдать мою вдову за Амаля. Как он собирался это сделать при дюжине вооруженных солдат в доме — спрашивай не у меня.

— Самый опасный дурак — тот, который возомнил себя мудрецом, — поморщился Конан. — Вот ведь жабья морда! Пусть только попадется мне теперь, я из него всю душу вытрясу!

— Делая это, не забывай, что он все-таки приходится родителем Фейре, — улыбнулся Юлдуз. — А потом, Харра и так уже постарался. Не вмешайся мы с Фейрой — он исхлестал бы его ножами до смерти. После этого почтенный Бахрам только и мог, что лежать на животе и стонать, а остальные мудрецы хлопотали вокруг него с примочками и целебными отварами...

— Ну вот, — продолжал Юлдуз, — Харра разбирался с Бахрамом, а мы обошли озеро и к ночи нашли четыре свежих трупа, порванную сеть и следы крови на траве. Что есть духу, мы помчались в город — но было уже поздно, и ворот нам, конечно, не открыли. Ночь мы просидели у костра, а едва рассвело, были уже в Хоарезме. Никаких определенных планов у нас не было, мы просто не могли сидеть на месте. Ты был где-то в темнице у Мардуфа — вот все, что мы знали.

Руга предоставила нам весь второй этаж своей таверны, мы засели там и начали строить планы. А в полдень услышали оглашенный на всех площадях приговор злоумышленнику с севера, не чтящему законы Пророка, а поклоняющемуся нечистому духу по имени Кром. Мы сразу догадались, кого велел уморить в Башне проклятый Мардуф. Перед праздником Тарима запрещено проливать кровь, иначе бы он просто казнил тебя на месте. Мы вернулись в усадьбу и принялись придумывать план побега. Мы, несомненно, сумели бы справиться со стражами всем отрядом, но потеряли бы время. Из дворца выскоцила бы подмога, и,

освободив тебя, мы не ушли бы живыми. Я сумел втолковать все это Харре, и он согласился, что надо действовать хитростью. Он хотел идти со мной, но как бы я его взял, сам посуди? А так никто и не заметил, что птичка выпорхнула из клетки, — добавил он, посмеиваясь.

— Выстоял бы я против стражей, нет ли, но я благодарен тебе за неожиданное спасение, Юлдуз,— ответил Конан не без торжественности в голосе.— Лети со своей милашкой в Кхитай и будь счастлив... Смотри-ка! Это не озеро ли уже под нами?

Огромное чистое зеркало расстипалось под летящим ковром. Они скользили над ним так низко, что слышно было, как играла в воде рыба. Небо светлело, то здесь, то там слышались голоса просыпающихся птиц.

Перелетев озеро, Юлдуз опустил ковер невдалеке от усадьбы.

— Побудь с ним пока здесь,— попросил он Конана.— Он долго лежал без дела, и теперь склонен к озорству. Окунется в воду, отяжелеет, и никуда мы не улетим.

Киммериец кивнул и уселся на коврик, пригвоздив его к земле тяжестью своего огромного тела. Тот горестно поплескал углами вслед уходящему Юлдузу, но без волшебных слов не мог сдвинуться с места.

Конан погладил его, как погладил бы лошадь или собаку.

— Сиди смирно, пестрая шкура! Хозяин скоро вернется.

Не успело еще Око Эрлика выкатить из-за деревьев, как на берегу появились Юлдуз и Фейра. Девушка, недолго думая, бросилась Конану на шею.

— Если бы не ты, никогда мне не видать моего счастья!— воскликнула она.— Сами боги привели тебя в наш дом, о Конан из Киммерии!

— Скорее уж, Мишрак ибн Сулейн,— ухмыльнулся Конан.— Ну, вы собрались? Надеюсь, вина и еды у вас вдоволь?

— Да, я уж давно все подготовила,— кивнула Фейра, указывая на две большие перметные сумы, которые с трудом волок на плече Юлдуз.— Я вас всю ночь прождала. Твои люди тоже не спали: я слышала, как они бродят по двору.

— Ничего, я их быстро призову к порядку. Да всыплю, как следует Харре за то, что не дал высаться отряду,— весело отозвался Конан.— А вы летите. Вон уже солнце встает. В Праздник Пророка люди поднимаются рано, как бы вас не увидели.

Молодые послушно уселись на ковре, пристроив рядом сумки, и Юлдуз произнес трижды свое кхитайское слово, прозвучавшее, как звон спущенной тетивы.

Ковер медленно поднялся над озером...

— Удачи!— крикнул Конан, вскинув вверх сжатый кулак.

— Прощай!— закричали муж и жена в один голос, и Фейра помахала рукой.— Будь счастлив!

Ковер набрал высоту, став едва заметной точкой в безоблачном синем небе, и улетел в сторону солнца.

Известно, что уходящий уносит с собою лишь треть разлуки, оставшийся же принимает на себя две трети. Эти двое улетели в новый, сулящий им золотые горы край, оставив заботы и огорчения прошлого в старом доме, словно ненужную утварь. Они улетели, а киммерийца Конана ждал новый день, полный обычных забот и тревог начальника отряда, на которого возложена тяжелая тайная миссия, от исполнения которой зависит судьба целого государства. Киммериец встряхнулся и зашагал к усадьбе.

— Харра, вырви Нергал твою печень!— загремел его голос еще от масленичной рощи.— Вы в казарме или в веселом доме? Что здесь такое творится, я вас спрашиваю, собирающе

толстобрюхих байбаков!..

Но продолжить ему не удалось. На него налетели, едва не сбили с ног, облепили и затормошили. Хвала богам, это перемежалась самой черной бранью, и громче всех был восторженный рев Харры, поминавшего Эрлика, Крома и всех прочих небожителей и демонов. Случайный прохожий, услышь он эти разноголосые вопли, решил бы, что этой ночью целый пантеон как светлых, так и темных сил, объединившись, вызволял из страшной беды какого-то легендарного героя.

— Да слезьте вы с меня! — отплевывался Конан. — Бешеный шакал вас покусал, или тарантулы ужалили в голые задницы? Мало мне Мардуфа, теперь мой собственный отряд вознамерился сжить меня со свету! А ну, строй-ся! — рявкнул он, наконец, во весь голос.

Привычная команда возымела действие. Орущий и машущий руками клубок распался и превратился в более-менее ровный строй. Конан перевел дыхание.

— Животы втянуть! Что за вид? Вы всю ночь кувыркались в соломе? Где твои сапоги, Фархуд? Чалмы грязные, шлемы не чищены! Через колокол начало Церемонии Десятого дня, а у вас такие рожи, будто вы пили три дня без просыпу! Харра, ты сегодня будешь чистить конюшню. Один. Я оставлял на тебя отряд, а вернулся в барсучье логово!

Харра пробормотал что-то, ухмыляясь во весь рот. На остальных брань ун-бashi тоже, видимо, не произвела должного впечатления, потому что после команды: «Марш в воду, глаза б мои вас не виделись — весь отряд помчался к озеру с хохотом и гиканьем.

— Харра, останься, — велел Конан. Первый помощник, все так же ухмыляясь, подошел к нему. — Есть у нас что-нибудь пожрать? Клянусь Кромом, я голоден, как волк с ванахеймских ледяных равнин.

— Сейчас все будет, — ответил Харра и, выставив перед командиром полный кувшин вина, ушел к кухне.

Только сделав первый глоток, Конан понял, как хотел пить все это время. Он выпил, не отрываясь, уже почти половину кувшина, когда Харра принес холодную баранину, лепешки и урюк.

— Рассказывай, — потребовал он, сгрузив все это на стол.

— Потом, — буркнул Конан с набитым рюм. — Выставим первую смену, тогда все услышишь. А сейчас, ради Праздника Пророка, дай мне поесть спокойно!

Через час двое сияющих начищенным металлом воина встали в привычный караул во внутреннем дворике усадьбы. Разводил их лично Конан, и с удовольствием отметил, как вытянулось лицо у толстого Бахрама при виде живого и невредимого ун-бashi. Астролог, видно, полагал, что нескоро теперь встретится с ненавистным северянином.

Вернувшись к казарме, Конан застал две трети отряда спящими в тени масленичных деревьев. На ногах были только сменщики караульных и Харра. Первый помощник, напевая что-то веселое про необытные зады красоток, выгребал навоз из конюшни. Конан разделся до шаровар, взял вторые вилы и принялся ему помогать.

— Жила в Аграпуре девчонка одна, — самозабвенно пел Харра, орудуя вилами, — троих в один раз ублажала она... Такие себе отрастила бока...

Дальше шла уж вовсе непристойная строчка про то, что удовлетворить ее не сумел даже бык, как ни старался. Тут Харра заметил ун-бashi и, прервав повествование об удивительной девушке, весело крикнул:

— Конан! Услышу ли я, наконец, поучительнейшую и занимательнейшую историю о твоих похождениях в Хоарезме, о, мой усердный к труду военачальник?

— Вилами по хребту ты получишь, а не историю! — отозвался Конан, но все же рассказал обо всем, что произошло за эти две ночи. — Потом Юлдуз оставил меня у озера, и сходил за Фейрой. Ловкая девчонка собрала все загодя, так что они скоро вернулись. Они уселись на ковер и улетели в свой Кхитай, а я пошел к дому. Вот и все, — закончил Конан.

Харра, слушавший с великим вниманием и не перебивший своего ун-бashi ни разу, задумчиво присвистнул.

— Чего только не бывает на свете! — вымолвил он, наконец. — Ну, а я тут управился с Бахрамом, как сумел, и собирался вытаскивать тебя с боем... В итоге больше всех пострадал вздорный старикан: я слышал, как он полночи кряхтел и потирал бока. Я его, наверное, просто убил бы вчера, но он ныл и скулил, как трусливый пес, и мне стало противно... Смотри-ка, я и не заметил, как мы с тобой все вычистили, пока ты рассказывал. Осталось только свежей соломы принести. Пойдем?

Но выйдя из конюшни, они нос к носу столкнулись с багровым от ярости Бахрамом. Очевидно, церемония последнего дня закончилась, старик отправился поднимать заспавшуюся дочь — и не нашел ее.

— Где этот узкоглазый? — вопил астролог, носясь по двору. — Где этот паршивый сын недостойного отца?

Увидев Конана, он в первый миг осекся, но затем бросился к нему, негодующе воздев к небу руки.

— Пусть скажет мне доблестный ун-бashi, где его новый воин?

— А почему ты не спросишь меня, где твой летающий ковер? — насмешливо поинтересовался Конан.

Увидев жалкого, в синяках и ссадинах старика, он понял, почему Харра не прибил его насмерть. Этот человек был недостоин ни гнева, ни мщения.

— Кажется, вместе с дочерью пропал и он, а, почтенный Бахрам?

Харра сделал знак проснувшимся и глазеющим на эту сцену воинам: «Идите сюда, сейчас повеселимся».

Астролог опешил.

— К-какой еще летающий ковер? — заикаясь, вымолвил он, ибо здесь уже пахло чернокнижием, а за чернокнижие полагались дознание под пыткой и смертная казнь. — Летающие ковры бывают только в сказках, доблестный ун-бashi.

— Тот самый, что лежал у тебя перед садовой калиткой, — наступая на него, ответил Конан. — Синий, в пестрых птицах. Я видел, как твоя дочь улетала на нем сегодня. Может, она ведьма? Может, она летает по ночам на богомерзкие сбороища, где совокупляется с Нергалом в образе черного козла? Отвечай, лживый стариk, прикрывающий астрологией и ученоством свои бесчисленные грехи!

Бахрам, перепуганный насмерть, пятился, пока не уперся спиной в стену.

— Я не знаю, о чем ты говоришь! — завизжал он, словно придавленная крыса. — Этот ковер я продал, утопил, сжег! Мне подсунул его кхитайский колдун!

— В таком случае, я отвечу тебе. Юлдуз, твой зять, отпущен мной, ради своей недавней свадьбы, погостить к родным, и я не вижу ничего удивительного в том, что законная жена пожелала сопровождать его в этой поездке, — веско, раздельно произнося каждое слово, сказал Конан, нависая над струсившем астрологом, словно сторожевая башня.

И вдруг рявкнул:

— Тебе ясно?! Если так, то ты, конечно, сам давно сжег тот колдовской ковер,

почтенный Бахрам.

Астролог, в котором заносчивость и крикливость уживалась с робостью и раболепием простолюдина, трясясь и скулил, едва не валясь на колени перед грозным ун-бashi.

— Конечно,— лепетал он,— конечно, погостить... К родичам мужа, да... Я забыл... Я сам вчера собрал ее в дорогу...

— А теперь ступай в дом, потому что солнце печет немилосердно, а ты раскраснелся и весь в поту,— участливо говорил ему тем временем Конан.— Я провожу тебя. Вот так. Обопрись на мою руку, ты едва стоишь на ногах, многомудрый старец!

Он повел онемевшего астролога через двор, мимо прыскающих в кулаки солдат. Едва Конан и Бахрам скрылись за стеной сада, как во дворе послышалось веселое:

— А у почтенного Бахрама сбежал летающий ковер!

Эти слова были встречены дружным хохотом. Астролог вздрогнул и бросил на Конана умоляющий взгляд.

— Надо было покрепче его привязывать!— снова крикнул чей-то голос, и хохот стал громче.

— Это они не со зла, а единственно лишь от молодости и веселости нрава,— утешил астролога ун-бashi.— Мы-то с тобою знаем, почтенный Бахрам, что летающие ковры бывают только в сказках!

Сдав все еще трясущегося старика на руки слугам в доме, Конан вышел в сад и вдохнул его тонкие, пьянящие ароматы. Каждое белое деревце с черной косой ствола напоминало ему Фейру в свадебном наряде, он от души смеялся над незадачливым астрологом, потерявшим из-за своей вздорности одновременно и ковер, и дочь.

Шел к концу Десятый день Гадания, свиток был заполнен и запечатан, завтра предстоял опасный, но долгожданный путь домой. Конан истомился в душном безделии дней и темной тревоге ночей, он радовался завтрашней дороге и близости завершения возложенной на него миссии. Чья-то рука тронула его за плечо. Киммериец развернулся, словно ужаленный.

— Я замечтался и не слыхал, как ты подошел, благородный Магриб ибн Рудаз!— воскликнул он с облегчением, увидев перед собой сгорбленную фигуру звездочета.— Дела ваши завершены, мы можем завтра отправляться домой?

— Да, свиток заполнен и опечатан в ларце,— кивнул Магриб. От пристального взгляда его больших темных глаз киммерийцу, как всегда, стало не по себе.

— Но не об этом хотел я с тобой говорить, когда подошел.

— Тогда о чем же?

— Скажи, ты ведь не верхом выехал из Хоарезма этой ночью?

— Нет,— ответил Конан, удивленный вопросом.

— Тогда как же ты оказался у озера ранним утром? Или ты освободился сам, не ожидая, когда за тобой прилетит посланник Огненноликого Эрлика?

— Кто я такой, чтобы за мной прилетали посланцы богов?— напряженно сказал Конан, пытаясь в то же время угадать: шутит с ним Магриб или и впрямь обо всем догадался.— Я освободился сам.

— Я так и думал,— кивнул удовлетворенно Магриб, развернулся и пошел прочь.

Конан недоумевающее пожал ему вслед плечами. Слова и поступки этого человека были непостижимы для простых смертных вроде начальника отряда турецкой армии. «Сующий нос в дела мудрецов теряет его вместе с головой», — повторил про себя Конан старую поговорку.

Проверив, сменил ли Харра караул у ларца в саду, Конан еще раз поел, а после забрался поглубже в тень, накрылся попоной и проспал весь остаток дня. Вечером, когда жара сменилась прохладой, а от костров и печей потянуло запахом плова и хлеба, Конан и Харра уселись с кувшином вина и лепешками на крыше казармы и стали держать военный совет.

Киммериец, проспавший до заката и заработавший на этом головную боль, был мрачен. Они с Харром сидели спинами к дому, но слышали хохот и выкрики, доносившиеся из внутреннего двора: в ожидании праздничного ужина солдаты потешались над расстроенным хозяином. Рассевшись по пестрым коврам во внутреннем дворике, они убеждали хмурого астролога, что теперь, как никогда, необходимо неусыпно и неустанно сторожить и эти, не то потянутся за улетевшим собратом, как, бывает, улетают домашние гуси, увидев в небе стаю диких. Бахрам в бессильной ярости пытался вытолкнуть воинов пинками, но те только громче смеялись.

А для Конана час потехи сменился множеством забот. Опасность нападения не исчезла, она лишь усилилась: ведь Мардуф был убежден, что главная помеха — начальник отряда — теперь устранена надолго. Да и Юлдуз оставил немало хлопот своему командиру.

— Я, конечно, рад за этого проходимца, а еще больше — за его девчонку,— проворчал Конан.— Но скажите мне, во имя всех богов, что я буду делать вот с этим?— И он потряс перед ухмыляющейся физиономией Харры фирмом владыки.— А? Куда подевался новый наемник, скажет мне государь. И какие это триста золотых я должен внести за него в казну Хоарезмского наместника? Ведь придется сказать, что его убили в какой-то стычке, и ее еще нужно будет придумать! Клянусь Кромом, Харра, я сейчас разобью о твою голову этот кувшин, если ты не уберешь свою поганую усмешку!

— Пожалей доброго вина, капитан. Давай лучше выпьем его за здоровье новобранца.— Хитро сощурясь, от чего его плоская рожа сделалась совсем шельмовской,

Харра разлил вино по кружкам.

— За какого новобранца?— взревел вконец разъяненный Конан.— Наш новобранец стал новобрачным и упорхнул в свой Кхитай, пропади он пропадом!

Харра придинул ему кружку и отпил из своей. Затем придинулся ближе и заговорщики зашептал:

— Есть у меня младший братец. Живет он с отцом здесь же, в Хоарезме. Рафф, конечно, еще молод, но обещает вырасти редким рубакой, это я тебе скажу точно, мой ун-бashi. Купца из него, как и из меня, судя по всему, не выйдет никогда. Так вот, отец готов заплатить за него все четыре сотни, лишь бы пристроить к делу. Пока ты спал, я съездил в город и обо всем с ним договорился. Он прямо-таки засиял весь от радости, когда узнал, что у нас освободилось mestечко. Братишко мой на днях набедокурил, и старик будет счастлив сбыть его под мое — а главное, под твое теплое крыльышко. Он уж наслышан о нашем отряде. Видел бы ты, как он пыжится перед соседями — оба сына в королевской гвардии!

Конан расхохотался и хлопнул помощника по плечу так, что тот едва не свалился с крыши от неожиданности.

— Хитрец! Ладно, есть такое дело! А сколько лет твоему брату?

— Семнадцать без малого.

— Кром! У нас военный отряд, Харра, а не женская половина дома! Что он умеет, этот сосунок?— нахмурился Конан.

— Кром и Эрлик!— отозвался Харра, обидевшись.— А сам-то ты был намного старше, когда убил первого врага?

— Признаться, я был даже помладше,— смягчился киммериец, припомнив свой первый бой — ему тогда едва сравнялось четырнадцать. Одним глотком опорожнив кружку, он шумно выдохнул и хлопнул ладонью по столу.

— Ладно, твоя взяла. Приводи своего братца. Клянусь Кромом! У меня в отряде снова будет воинов ровно столько же, сколько рогов у Нергала!

— Говорят, это число приносит удачу тем, кто ничего не боится и крепок в вере, — философски заметил Харра, разливая остатки вина.

— Вот и проверим.— Конан енова помрачнел.— Ты не забыл, что нам еще надо привезти свиток владыке в целости и сохранности? Посмотрим, какую удачу принесет нам Нергалова дюжина!

— Этим бритоголовым надо бы ввести еще одну строку в их волшебный свиток,— проворчал первый помощник.

— Какую?— заинтересовался Конан.

— Доедет ли в целости предсказание до государя!

Конан вдруг нахмурился, осененный внезапной мыслью.

— А это мы сейчас выясним,— медленно проговорил он.— Я слышу знакомые шаги за стеной, они направляются к калитке. Скажу тебе по секрету, Харра, летя над дорогой, я видел некоего путника на белом ишаке, ранним утром едущего из Хоарезма. Я не разглядел, кто это был. Но сегодня днем, после того, как Бахрам едва не лопнул от ярости, ко мне подошел в саду благородный Магриб ибн Рудаз и спросил, как же я сумел освободиться. Ибо, не имея лошади, я никак не мог домчаться до Чистого озера так скоро, а это значит, я освободился сам, а не волей наместника Хоарезма. Тогда я ничего ему не ответил, но теперь догадываюсь, кто был тот одинокий путник. И сейчас он направляется прямо к нам.

Харра нахмурился.

— А ведь сегодня ночью я сторожил ларец и видел, как старый горбатый лис седлает ишака Хамира!— воскликнул он, вскакивая с места.— Значит, он был ночью у сына! Так они вговоре! Надо скорее...

— Погоди,— оборвал его Конан.— Давай сначала поговорим с сиятельным визиром повелителя. Он человек мудрый, как я уже не раз убеждался за эти дни. Вот он идет. Ну-ка...

Конан спрыгнул с крыши и быстрым шагом устремился к горбуну. Тот, заметив это, остановился и склонил набок свою большую голову.

— Да простит меня высокородный и наимудрейший...— обратился к нему с поклоном киммериец, но Магриб перебил его.

— Ты хочешь знать, где я был этой ночью, не так ли, о, мой любознательный воин?— спросил он.

— Ты прочел мои мысли, провидец.— Глаза ун-бashi смотрели с холодной настороженностью. Харра на всякий случай подошел поближе.— Твои слова, сказанные нынче утром, не идут у меня из головы. Сознайся, ведь ты виделся с сыном.

— Да, как только звезда Аш-Кииб встала против Звезды Девы, при совпадении звезд Лисички с Семью Сестрами, знаками долгой жизни и обильного потомства, я понял, кто родится у жены государя, и поспешил с этой вестью к Мардуфу,— все так же улыбаясь, сказал Магриб.— Ибо мне показалось, что слишком много шпионов рыпает вокруг, и слишком долго задержался ты в городе, Конан, ты, не спавший с начала Весеннего гадания ни одной ночи спокойно. По-твоему, я поступил неверно?

Ошеломленный тем спокойствием и, более того, дружеским участием, с которым все

это было сказано, Конан молча смотрел на придворного звездочета. В голове у него крутились обрывки мыслей, и все эти мысли начинались со слова «почему». Вид у него, наверное, был забавный, потому что Магриб негромко рассмеялся и сказал:

— В самом деле, почему?

— Что «почему»? — спросил окончательно сбитый с толку Конан.

После летающего ковра он был готов поверить во что угодно, но верить в то, что Магриб читает мысли, ему совершенно не хотелось. Не потому, что такого не могло быть, а потому, что это превращало молодого воина в беспомощную игрушку этого загадочного человека.

— Ну, хотя бы, почему ты не спросишь меня, кто же все-таки рождается этой осенью? Ведь именно ради этого пленил тебя Мардуф, мой беспутный и самонадеянный сын. Ты много выстрадал из-за этой тайны, неужели ты не хочешь ее узнать? Мардуф, к примеру, переменился в лице и пьянировал с друзьями весь остаток ночи, получив мою весть. Но моей целью было не вселить радость или беспокойство в его сердце, а заставить его прекратить преследовать нас и выпустить тебя. — Темный узловатый палец уперся Конану в грудь.— Ради тебя хлопотал я, глупый мальчишка, тебя, которого я назвал бы сыном с большей охотой, чем собственного единокровного отпрыска, вобравшего внутрь себя мое уродство и не унаследовавшего ни капли ума... Впрочем, в двадцать зим все мы волею Митры глупы, как предписывает нам беспечность юности. Ну? Что ты молчишь?

Харра, приоткрыв в изумлении рот, смотрел на своего военачальника совершенно круглыми глазами. Он видел Конана в радости и горе, в ярости и азарте, видел раненым, видел смертельно пьяным, но никогда еще не видел у него такого бледного и застывшего лица. Кадык киммерийца дернулся, он сглотнул и спросил, еще не освоившись с вновь обретенным даром речи:

— Ну, и кто же рождается этой осенью?

Магриб чуть подался вперед и, смеясь губами, глазами и всеми морщинками вокруг глаз, ответил:

— Девочка.

Еще мгновение Конан стоял, по-прежнему невидяще глядя перед собой, но его вывели из задумчивости странные звуки, раздавшиеся вдруг за спиной — не то всхлипывание, не то бульканье. Конан обернулся: осев в изнеможении на землю, трясясь всем телом, корчился от смеха Харра.

— Девочка,— побагровев, повторил киммериец.— Ах ты, печенка Нергала! Жареные потроха пещерного медведя! Чешуя стигийского Змея! Девочка, забери меня дух Серых Равнин!

Онсыпал ругательствами, все больше свирепея с каждым бранным словом, а рядом с ним, захлебываясь и бормоча что-то неразборчивое, хохотал Харра и беззвучно смеялся Магриб абн Рудаз.

OCR: Lord